

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093**)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2014

Ежеквартальное издание

№ 4

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2014
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2014

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093*)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidatas of Sciences' dissertations (issued on 19/02/2010)*

2014

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com

Subscription index
in catalogue «Press of RF»
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2014
© Ivanovo State University, 2014

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **В. С. Волков**, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург); **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **М. И. Кондрашёва**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторак**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Поливянный**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **V. S. Volkov**, Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakin**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **M. I. Kondrashyova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Комиссаров В. В.* Советская интеллигенция 1960—80-х гг. и вызовы постиндустриализма 9
- Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения 20
- Борзова И. С.* Портрет современного белорусского оппозиционного интеллектуала 33
- Зубарева А. А.* «Конгрессы» украинцев как форма участия интеллигенции в общественно-политической жизни страны 46

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Юдин К. А.* Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика 56

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Усманов С. М., Чернопёров В. Л.* «Ивановские колхозники» в постсоветском интеллектуальном пространстве 74
- Руди А. Ш.* Роль научной интеллигенции в теоретическом моделировании мира 87

ДИСКУССИЯ

<i>Баженов А. М., Мартынова Т. М.</i> Российская интеллигенция и политический режим	104
<i>Трофимов Е. А.</i> Интеллигенция в политическом пространстве современной России: кратологический очерк	120

ДЕБЮТ

<i>Стребкова Н. В.</i> Правила приема в вузы как инструмент политики по изменению социальной структуры студенчества в 1920-е гг. (На материалах г. Саратова)	130
<i>Назаров И. Д.</i> Роль и значение интеллигенции при отправлении правосудия в Древнем Риме	138
<i>Бутина А. В.</i> Роль интеллигенции в общественных движениях в странах Латинской Америки в середине — второй половине XX века	146
<i>Аннотации</i>	156
<i>Содержание журнала за 2014 год</i>	164
<i>Информация для авторов</i>	168

CONTENTS

URGENT PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Komissarov V. V.* The Soviet intelligentsia of the 1960-s —
80-s and the challenges of the post-industrialism 9
- Usmanov S. M.* Intelligentsia and intellectuals in the modern
world: discussions about the problems and tendencies
of self-determination 20
- Borzova I. S.* The image of the modern Belorussian oppositional
intellectual 33
- Zubareva A. A.* «Congresses» of Ukrainians as a form
of participation of intelligentsia in social and political life
of the country 46

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Yudin K. A.* Policy of repression of scientific and pedagogical
intelligentsia in the 1930-s: methods and practice 56

INTELLIGENTSIA IN CONTEMPORARY SOCIETY

- Usmanov S. M., Chernoperov V. L.* «The Ivanovo collective
farmers» in the post-Soviet intellectual space 74
- Rudi A. S.* The role of the scientific intelligentsia in theoretical
modeling of the world 87

DISCUSSION

<i>Bazhenov A. M., Martynova T. M.</i> The Russian intelligentsia and the political regime	104
<i>Trofimov E. A.</i> Intelligentsia in the political space of modern Russia: cratological sketch	120

DEBUT

<i>Strebkova N. V.</i> Higher education institutions admission rules as the instrument of the students' social structure change policy in the 1920-s. (On materials of the city of Saratov)	130
<i>Nazarov I. D.</i> The role and value of intelligentsia in jurisdiction in Ancient Rome	138
<i>Butina A. V.</i> The role of intelligentsia in social movements in the countries of Latin America in the middle — the second half of the 20th century	146
<i>Annotations</i>	160
<i>List of articles published in the journal in 2014</i>	164
<i>Information for authors</i>	168

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3(2)632-283.2

В. В. Комиссаров

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 1960—80-х гг. И ВЫЗОВЫ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА*

История 1960—80-х гг. в современной литературе зачастую описывается через парадигму формирования «постиндустриального общества». Этот термин появился в работах Д. Рисмана в конце 1950-х гг. и был развит Д. Беллом в 1960-е гг. Другими авторами использовались синонимичные или схожие по значению понятия — постбуржуазное, посткапиталистическое, постпредпринимательское, пострыночное общества. В 1980-е гг. Е. Масуда, Дж. Нейсбит предложили и обосновали концепцию информационного общества, во многом обозначающую ту же стадию общественного развития. Все эти теории были объединены неким общим видением постиндустриализма. Материальные блага и уровень развития производительных сил перестают быть

© Комиссаров В. В., 2014

Комиссаров Владимир Вячеславович — кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Ивановской государственной сельскохозяйственной академии им. академика Д. К. Беляева. cosh-kin@mail.ru

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

критерием экономического прогресса. Вместо них привлекаются качественные показатели: технологическая вооруженность производства, роль и распределение информации, способность переобустраиваться в соответствии с меняющимися условиями. Материальное производство отходит на второй план, его сменяют нематериальные товары (технологии, информация), которые становятся самостоятельными объектами купли-продажи. И, наконец, наука превращается в производительную силу общества.

Процесс перехода к постиндустриализму обозначается термином «постиндустриальный переход». Речь идет о том, что Э. Тоффлер определил как третью волну, понимая под первой волной возникновение аграрно-ремесленной цивилизации, а под второй — индустриализм. Третья волна в этом случае — становление постиндустриального общества. Современные российские авторы (С. Б. Переслегин, М. Калашников и др.) употребляют такой термин, как «постиндустриальный барьер», который они выделяют наряду с понятиями неолитического и индустриального барьера, также ими используется понятие постиндустриального перехода.

Большинство современных авторов, работающих в футуристическом жанре, полагают, что постиндустриальный переход будет весьма болезненным. Так, Сергей Переслегин отмечает: «Мы интерпретируем всё это (речь идет о кризисе современного западного общества. — *В. К.*) как приближение общества к постиндустриальному барьеру, и если этот барьер обладает теми же свойствами, что индустриальный и неолитический, мы обязаны предсказать вступление человечества в один из наиболее критических периодов его развития за всю его историю»¹.

С ним солидарен и публицист Максим Калашников: «Наступает смертельно опасная пора: смена эпох, смена фаз развития. На смену кончающемуся индустриализму движется некая новая эра... Ясно, что системный кризис в США выльется в давно предсказанный коммунистами общемировой кризис капиталистической системы... Исторический опыт говорит, что накануне смены фаз история неминуемо взбесится. У точки перехода начинают происходить самые безумные и невероятные события... Эпидемии и климатические катаклизмы, войны и экономические кризисы, массовые психозы и катастрофы

почему-то начинаются одновременно, накладываясь друг на друга и усиливаясь от такого «наложения»².

С этой точкой зрения фактически соглашался и известнейший отечественный мыслитель А. С. Панарин, который подчеркивал следующий тезис: «Уникальность опыта нашего поколения состоит... в том, что оно присутствует при смене фаз мирового мегацикла. По-видимому, на наших глазах кончается фаза западного модерна и готова вступать в свои права новая альтернативная фаза»³.

Уже сейчас мы видим симптомы наступающего кризиса индустриализма. Уже упоминавшийся С. Б. Переслегин выделяет следующие критические признаки. В сфере производства растет норма эксплуатации и падает эффективность капитала. В сфере обучения снижается порог познавательной активности у детей и, как результат, резко падает грамотность. В познавательной области снижается производительность труда ученых. В управленческой области поток информации достиг такого уровня, что существующие органы власти не могут с ним справляться в режиме реального времени. По крайней мере, в трех видах деятельности из четырех (обучение, познание и управление) критические явления напрямую затрагивают различные отряды и группы интеллигенции.

В Советском Союзе понятие «постиндустриальное общество» не использовалось, если не считать критику «буржуазных социальных концепций». Например, очень известный в то время социолог и демограф Э. А. Араб-Оглы писал: «Концепция “постиндустриального общества” во всех ее вариантах своим идеологическим острием, вне всякого сомнения, обращена против теории научного коммунизма. Она предлагает свою, немарксистскую интерпретацию общественного прогресса в целом и социальных последствий научно-технической революции в частности, пытается соблазнить общественное мнение различными “неокапиталистическими” альтернативами. И эта антимарксистская направленность отдельных вариантов прямо пропорциональна их теоретической убогости и претенциозности»⁴. Однако всё более нарастающие признаки приближения постиндустриализма требовали от советского партийного и политического руководства соответствующей реакции. Данный вопрос был подробно

проанализирован Ю. П. Бокаревым. Исследователь отмечал: «В СССР происходившие на Западе перемены были своевременно подмечены. Однако дать им адекватную оценку и понять социально-экономические последствия советские обществоведы не смогли. Долгое время считалось, что перемены сводятся к расширению использования в промышленности научно-технических достижений, не менявших сути самого общественного устройства. Смысл постиндустриального развития истолковывался только как рост сферы услуг. В этом ключе была сформулирована теория “научно-технической революции”, не выходящая за рамки концепции индустриального развития. Считалось, что социалистическое общество способно осуществить научно-техническую революцию гораздо успешнее, чем развитые западные страны. Однако на деле в научно-техническом и технологическом отношении СССР всё заметнее стал отставать от развитых западных стран. Парадоксально, что наиболее явственно эта технологическая отсталость обнаружилась в тот момент, когда по многим важным в индустриальную эпоху показателям... СССР опередил западные страны»⁵.

Сразу после смерти Сталина в СССР началась дискуссия о научно-технической революции (НТР). Она проходила на разных уровнях. Термин НТР впервые был публично озвучен в 1955 г., сначала президентом АН СССР А. Н. Несмеяновым на сессии академии, а затем Председателем Совета министров Н. А. Булганиным на июльском пленуме ЦК КПСС. В полном объеме вопрос о НТР был поставлен на XXII съезде КПСС в 1961 г. В докладе Н. С. Хрущева «О программе КПСС» эта проблема поднималась как минимум в двух местах, правда, без использования самого термина НТР. В первом случае партийный лидер декларировал превращение науки в производительную силу общества и необходимость создания материально-технической базы коммунизма на основе современных технологий⁶. Второй раз вопрос о НТР возник в части поправок к проекту программы: «Центральный комитет поддерживает предложение о том, чтобы... сильнее подчеркнуть значение ускоренного технического прогресса...»⁷ И опять термин НТР не употребляется, он прозвучал только в самом тексте программы. Причем использовался он в контексте критики современного капитализма. «Человечество

вступает в период научно-технического переворота, связанного с овладением ядерной энергией, освоением космоса, с развитием химии, автоматизации производства и другими крупнейшими достижениями науки и техники, — писали авторы партийной программы. — Но производственные отношения капитализма слишком узки для научно-технической революции»⁸.

В той же части программы, где говорилось о построении коммунизма, термин НТР заменялся понятием «научно-технический прогресс». «Максимальное ускорение научно-технического прогресса — важнейшая общенародная задача, требующая повседневной борьбы за сокращение сроков проектирования новых технических средств и освоения их на производстве», — такой сугубо утилитарный подход содержался в данном разделе⁹. Ю. П. Бокарев трактует подобное использование терминов как признание роли «западных стран в осуществлении революционных преобразований в экономике»¹⁰. Думается, ситуация несколько проще. Просто разделы программы КПСС готовили разные группы авторов, и специалисты-международники, писавшие о «кризисе капитализма», были лучше «подкованы» в современной терминологии.

Конечно, к началу 1970-х гг. термин НТР прочно завоевал место на страницах научной и учебной литературы. «Научно-технический прогресс» и «научно-техническая революция» больше не отождествлялись на понятийном пространстве. Однако трактовки НТР всё равно не выходили за рамки интенсификации индустриального производства, не затрагивали социальной структуры общества. В лучшем случае подчеркивалась роль автоматизации и компьютеризации производства. «Автоматизация и наука, органически взаимодействуя друг с другом, обуславливают в производстве коренной переворот, в ходе которого человек передает функции управления производством специальным автоматическим устройствам и приспособлениям и тем самым обеспечивает резкое повышение производственного процесса, — отмечали советские авторы первой половины 1970-х гг. и резюмировали: — В этом и заключена сущность современной научно-технической революции. Она определяет особенности научно-технического прогресса как относительно самостоятельного процесса научно-технической революции»¹¹.

Ю. П. Бокарев сформулировал четыре недостатка советской теории НТР:

1. НТР должна инициировать формирование новых общественных отношений и появление новых общественных классов, что решительно противоречило марксистской концепции о бесклассовом обществе;

2. Скачкообразный характер НТР не соответствовал тезису о плановости развития социалистического общества;

3. Использование теории НТР применительно к капиталистическим странам было затруднено из-за положения об общем кризисе капитализма и его скором крахе;

4. Концепция НТР выводила в качестве ведущей силы научно-техническую интеллигенцию, что было неприемлемо по причине декларируемого пролетарского характера КПСС и советского строя¹².

Несмотря на все скрытые и явные противоречия, идеи НТР упали на благодатную почву. Они вызвали всплеск энтузиазма в среде интеллигенции. Более всего подкупала футуристическая направленность этой концепции. Примечательно, что еще при жизни Сталина, на рубеже 40—50-х гг. в научно-популярных журналах возрождаются футуристические разделы. Так, «Техника — молодежи» восстановила рубрику «Окно в будущее», существовавшую в журнале в 1930-е гг. и закрытую с началом войны. Раздел с таким же названием появился в журнале «Наука и жизнь». Редакция журнала «Знание — сила» вообще пошла на мистификацию. Один из номеров 1954 г. она датировала ноябрем 1974 года и укомплектовала вымышленными материалами о полете на Луну, стилизованными под производственные репортажи, информационные сообщения, интервью, технические отчеты¹³.

В литературе и кинематографе появляются новые персонажи. На смену шахтерам, передовикам, ткачихам приходят ученые и инженеры. Именно эта тематика принесла славу Даниилу Гранину. Можно вспомнить его ранние романы «Искатели» и «Иду на грозу». Поэтика научного поиска и драматизм технического творчества были отражены в таких кинокартинах 1960-х гг., как «9 дней одного года», «Иду на грозу» (экранизация романа Д. Гранина), «Им покоряется небо», «Укрощение огня» и др.

Всё это формирует и изменения массового сознания, делает научные и инженерные профессии привлекательными для молодежи.

В качестве иллюстрации можно привести воспоминания редактора издательства «Мир» Е. Г. Вансловой. В конце 1964 г. она вместе с А. Н. Стругацким была в одном из столичных вузов. «По широкой лестнице им навстречу буквально лавиной валила молодежь — веселая, радостная, неуправляемая, чуть с ног не сшибли.

— Вы кто такие?..

А ребята вмиг нашлись. У них был заготовлен ответ:

— Кто мы? Да мы же НТР!

И это была правда. Они катились вперед как научно-техническая революция, которую уже не остановить. И самый высокий, красивый и спортивный среди них напел популярную тогда песенку, которую все подхватили»¹⁴. Конечно, документальная достоверность данного эпизода несколько сомнительна, но он как нельзя лучше передает атмосферу и настроения эпохи.

Противоречивая и однобокая теория НТР не могла объяснить все сложности и проблемы формирования постиндустриализма. Но на первых порах уже сам факт признания роли знания был очень важен. С течением времени проблемы обострялись. «Советская политическая элита в своей массе верила в эти теоретические утверждения, — анализирует данную ситуацию Ю. П. Бокарев. — В противовес политической научная элита видела, как из года в год углубляется научно-технический разрыв между СССР и развитыми западными странами. Многие понимали, что преодолеть этот разрыв можно было только путем изменения идеологии и социальной политики. Но заявить об этом прямо ученые не могли»¹⁵.

Следует заметить, что появление концепции постиндустриализма привело к оценкам возможной трансформации социальной структуры нового общества. Важное звучание приобрел вопрос о будущем господствующем классе. В этих теоретических построениях интеллигенции отводилась особая роль. Примечательно, что эта проблема стала обсуждаться еще в 1930-х гг. Тогда американский социолог Д. Бернхейм сделал вывод, что на поздних стадиях развития капитализма наряду с буржуазией и пролетариатом должен возникнуть новый класс, подобно тому

как в недрах позднего феодализма сформировалась буржуазия. И точно также как буржуазия стала господствующим классом новой капиталистической формации, этот гипотетический класс должен занять лидирующие позиции в той стадии, которая сменит капитализм (или индустриализм).

Вскоре появляются и другие вариации на тему «нового класса». В роли зародыша нового класса сам Д. Бернхейм рассматривал «управляющих» (руководителей производства, администраторов, чиновников), а югославский общественный деятель М. Джилас — государственную правящую бюрократию СССР и других государств марксистского социализма. Схожие с М. Джиласом идеи высказывал советский диссидент М. Восленский¹⁶. Иначе говоря, в качестве будущего доминирующего класса стали рассматриваться те группы, которые с точки зрения социально-профессионального подхода являются отрядами интеллигенции.

Данное веяние мировой социальной мысли нашло свое отражение и в советском обществоведении. В конце 1960-х гг. в марксистской философии начались дискуссии о переосмыслении социально-классовой структуры советского общества и об изменении пролетарского характера КПСС. Предполагалось, что профессиональные управленцы должны составить отдельную социальную группу, а коммунистическая партия приобрела общенародный, интерклассовый характер. Научно-техническая революция поставила вопрос о пересмотре роли и места интеллигенции. Так, ряд советских социологов декларировали возникновение в ходе НТР высокообразованной рабочей интеллигенции и, как следствие, формирование нового рабочего класса, а также новой категории управленцев¹⁷.

Идеи об интеллигенции как классе управляющих приобрели особое звучание у идеологов «Пражской весны». В одном из официальных советских изданий по этой тематике утверждалось: «...рабочий класс провозглашался силой “политически инертной”, “неспособной возвыситься до понимания насущных задач общества в целом, вырваться из круга сугубо производственных, узкоматериальных интересов”... В качестве единственной демократической и сознательной силы современного прогресса приверженцы “элитарных” теорий выдвигали интеллигенцию... Как утверждают И. Свитак и его единомышленники, руководящую

роль призвана играть... “свободная интеллигенция”, не связанная с партией... Рабочий класс и рабочее движение добивались и добиваются наибольших успехов в том случае, если во главе движения стоит революционная интеллигенция»¹⁸. Естественно, что после таких оценок этой концепции надолго был приклеен ярлык ревизионизма. Также расценивались и все идеи об изменении роли интеллигенции в новых условиях. Именно по этой причине они не получили развития в советском обществоведении и фактически оказались под партийно-идеологическим запретом.

Следует заметить, что в послевоенном советском обществе интеллигенция играла специфическую и очень важную роль. Исследователь оппозиционного движения в Советском Союзе А. В. Шубин отмечал: «В СССР роль среднего класса играли интеллигенция, специалисты и служащие среднего звена. Они не обладали властью, но их труд носил более творческий характер, чем труд рабочих и колхозников. Они считали себя более компетентными, чем вышестоящие чиновники, что приводило к конфликтам, неудовлетворенности результатами своей работы, которая не могла в полной мере принести плоды в рамках бюрократической системы. Сохраняющиеся противоречия между “физиками и лириками”, приглушенные общим антибюрократическим настроением, отражали неоднородность советского среднего класса. Одна часть средних слоев считала главным повышение эффективности производства. Эта тенденция, которую можно охарактеризовать как технократическую, ведет к образованию социального слоя технократии — научно-производственных руководителей, которые устанавливают собственный контроль над производством независимо от форм собственности. В СССР технократическая тенденция еще только формировалась и проявилась в полную силу в виде “революции менеджеров” времен Перестройки. Другая тенденция, связанная с отставанием гуманитарных начал (личностных, гражданских, демократических), была представлена той частью интеллигенции, которая стремилась вырваться из тесных авторитарно-индустриальных рамок современного общества»¹⁹.

Таким образом, важнейшим фактором, повлиявшим как на жизнь советского общества, так и на интеллигенцию стала научно-техническая революция, сформировавшая особую популярность

научных профессий, специфическую духовную атмосферу. Всё это влияло на научную фантастику. Как отмечал исследователь творчества братьев Стругацких В. Кайтох, «советская интеллигенция была охвачена волной “научно-технического романтизма”. Это выражалось в очаровании достижениями науки и цивилизации. Интеллигенция черпала в них веру в близкое построение коммунизма, была готова к жертвам»²⁰. Научно-технический романтизм оказывал сильное влияние и на представителей советской фантастики. Вот как описывал Б. Н. Стругацкий реакцию сотрудников Пулковской обсерватории, где он тогда работал, на запуск первого искусственного спутника Земли: «Это был сплошной телячий восторг: песни, пляски, карнавалы, сатурналии. Наша компания в Пулкове сотворила целый фильм о спутнике — рисованный, с музыкой и стихами, записанными на лабораторный магнитофон МАГ-8, кажется. Работали над ним ночами, сгорая в пламени энтузиазма. Это было ощущение прорыва в будущее. Это было счастье»²¹.

Примечательно, что технологические успехи СССР рубежа 50—60-х гг. заметно повлияли и на западную интеллигенцию, даже на такую ее креативную группу, как писатели-фантасты. Американский историк фантастики Д. Кайл эмоционально писал по этому поводу: «Месяц спустя после лондонского конвента (съезда фантастов. — В. К.) случилось непредвиденное. Советы запустили Спутник, чем поразили самолюбие старого мира. В октябре 1957 г. в условиях секретности, в отличие от американской программы Авангард, СССР — но не американцы — начали Космический Век. Эта новость догнала писателей-фантастов, новость странная и удивительная, как и сама научная фантастика... Как научная фантастика отреагировала на всё это? Большинство писателей мудро кивали головами и выражали удовлетворение — так как часть из них оказалась права, но многие другие испытывали потерю»²².

Однако увеличение общественной роли интеллигенции, вызываемое как потребностями НТР, так и требованиями самого общества, во многом блокировалось правящим режимом. Ю. П. Бокарев фиксирует следующую ситуацию: «Руководство КПСС, стремясь сохранить рабочий состав партии, установило жесткий лимит на прием в члены КПСС научно-технической

интеллигенции. Тем самым путь в управление высококвалифицированным специалистам был перекрыт искусственным барьером»²³. Это и другие ограничения побуждали советскую интеллигенцию реализовывать свои общественные потребности (включая потребность протеста) и социальные функции (в том числе и функцию социального прогноза) в альтернативных формах и видах деятельности, в том числе и в научно-фантастической литературе.

Примечания

- ¹ Лазарчук А., Переслегин С. и др. Чайки над Кремлем. М., 2007. С. 472.
- ² Калашников М. Крещение огнем : звезда пленительного риска. М., 2009. С. 90, 184, 466.
- ³ Панарин А. С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века. М., 1998. С. 13.
- ⁴ Араб-Оглы Э. А. В лабиринте пророчеств : социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., 1973. С. 67.
- ⁵ Бокарев Ю. П. СССР и становление постиндустриального общества на Западе, 1970—1980-е годы. М., 2007. С. 4.
- ⁶ Материалы XXII съезда КПСС. М., 1962. С. 146.
- ⁷ Там же. С. 212.
- ⁸ Там же. С. 339.
- ⁹ Там же. С. 374.
- ¹⁰ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 119.
- ¹¹ Научно-технический прогресс и революция в военном деле. М., 1973. С. 22.
- ¹² Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 118.
- ¹³ Знание — сила. 1954. № 10.
- ¹⁴ См.: Скаландис А. Братья Стругацкие. М., 2008. С. 289—290.
- ¹⁵ Бокарев Ю. П. Указ. соч. С. 120—121.
- ¹⁶ Восленский М. Номенклатура : господствующий класс Советского Союза. М., 2005.
- ¹⁷ Басманов И. Е. Коллектив и личность в условиях научно-технической революции // Научно-техническая революция и общественный прогресс. М., 1969. С. 187—224 ; Останин А. К. Влияние научно-технической революции на изменения социально-классовой структуры советского общества // Там же. С. 77—114.
- ¹⁸ К событиям в Чехословакии : факты, документы, свидетельства прессы и очевидцев. М., 1968. С. 35—36.

- ¹⁹ *Шубин А. В.* Диссиденты, неформалы и свобода в СССР. М., 2008. С. 33—34.
- ²⁰ *Кайтох В.* Братья Стругацкие : очерк творчества // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Бессильные мира сего : сб. Донецк, 2003. С. 418.
- ²¹ Цит. по: *Скаландис А.* Указ. соч. С. 199.
- ²² *Kyle D.* A Pictorial History of Science Fiction. L. ; N. Y., 1976. P. 146.
- ²³ *Бокарев Ю. П.* Указ. соч. С. 125.

ББК 60.543.132.1

С. М. Усманов

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
ДИСКУССИИ О ПРОБЛЕМАХ
И ТЕНДЕНЦИЯХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ***

В современном мире интеллигенция представляет собой особый, очень специфический общественный слой. Ее искания, достижения, проблемы остаются предметом размышлений и исследовательских поисков, вызывая немало противоречивых и неоднозначных суждений, множество споров и научных дискуссий. Генезис интеллигенции как социального слоя со своей особой траекторией и уникальными функциями пока остается недостаточно проясненным как в отечественной, так и в зарубежной науке. Даже само понятие «интеллигенция» еще не приобрело необходимой устойчивости в гуманитарных исследованиях.

© Усманов С. М., 2014

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

Так, в словаре «Русская философия», представляющем собой один из самых профессиональных отечественных компендиумов, уже относящихся к постсоветскому времени, можно обнаружить следующий концептуальный тезис, формирующий контуры общей картины: «Краткий Оксфордский словарь определяет интеллигенцию как “ту часть от народа (в особенности русского), которая стремится к независимому мышлению”. В литературе XIX—XX вв. заметна тенденция к идеализации интеллигенции как решающей силы, как носительницы истины и нравственного пути»¹.

Но автор статьи не сумел представить типологию становления и развития самой интеллигенции, главные направления ее социальной практики и взаимоотношений с властью.

Еще более интересный случай в данном контексте — статья известного культуролога И. В. Кондакова для энциклопедии «Культурология. XX век». Как подчеркивает исследователь, «генетически понятие интеллигенции является чисто культурологическим и означает прежде всего круг людей культуры, т. е. тех, чьими знаниями и усилиями создаются и поддерживаются ценности, нормы и традиции культуры»². При этом сама интеллигенция, как подчеркивает автор, образуется треугольником отношений между компонентами — «народ», «власть» и «культура»: «Интеллигенция является центральным, связующим звеном этих трех элементов, однако в треугольнике отношений существует не только притягивание и взаимосвязь, но и отталкивание, взаимное отчуждение, также подчеркиваемое интеллигенцией»³.

Культурологический акцент предлагаемой И. В. Кондаковым концепции не вызывает у нас каких-то возражений. Но она должна иметь свое социологическое и политологическое завершение, поскольку в предложенном варианте есть опасность «растворить» интеллигенцию в каком-то едином целом наряду с политической элитой, бюрократией, а может, и с некоторыми другими социальными слоями. Справедливости ради надо отметить, что такое социологическое обоснование было развернуто самим И. В. Кондаковым в его учебном пособии по культурологии: «Именно эти ценно-смысловые атрибуты собственно и являются главным в характеристике “круга людей”, социальной группы или социокультурной страты, называемых интеллигенцией,

а не их положение среди других сословий или классов общества, которое оказывается производным от того места, которое занимает в том или ином типе общества соответствующие социокультурные ценности: знание, интеллект, понимание происходящих в обществе процессов, познавательная деятельность и т. д.»⁴.

В этой связи стоит подчеркнуть, что сами по себе тщательные эмпирические исследования не в состоянии обеспечить концептуализацию проблематики интеллигентоведения. Так что невозможно ограничиваться стремлением отразить процессы развития интеллигенции *феноменологически*, как это часто делается. В таком случае выявляются только отдельные черты социального и культурного опыта, достижения и неиспользованные возможности интеллигенции, искания отдельных интеллектуалов или целых сообществ «образованных людей» или «интеллектуалов», что, разумеется, само по себе немаловажно. В научных изысканиях необходимо стремиться к чему-то большему — к тому, чтобы выявить объективно подтверждаемые параметры становления и функционирования интеллигенции как особого социального слоя, постараться определить перспективы ее существования и дальнейшего развития, а также взаимодействия с другими социальными слоями. А это предполагает, в свою очередь, основательный историко-социологический и политологический анализ, имеющий полноценный методологический фундамент.

Такой анализ уже неоднократно осуществлялся как в отечественной, так и в зарубежной науке, однако зачастую он очень осложнялся и запутывался одновременным включением в научный дискурс понятия «интеллектуал», которое применялось и как синоним термина «интеллигент», и как концепт, изначально ему не соответствующий.

Начнем всё-таки с методологических уточнений именно понятия «интеллигенция». Прежде всего, следовало бы иметь в виду, что этот социальный слой сложен по своему составу и внутренне неоднороден. Мы сейчас даже не имеем в виду разнообразие тех или иных национальных и цивилизационных вариаций интеллигенции. Дело в том, что интеллигенция изначально неоднозначна по своей социальной композиции.

Как показал в «Тюремных тетрадах» выдающийся мыслитель XX в. Антонио Грамши, существуют две большие группы

интеллигенции (пусть в итальянской версии его труда и говорится об «интеллектуалах») — традиционная и органическая. **Традиционная** включена в «историческую преемственность» и спаяна «корпоративным духом»⁵. Таковы уже в Древнем мире жрецы, писцы, учителя и пр. **Органическую** интеллигенцию создает, по мнению Грамши, каждая новая социальная группа, которая идет к своему господству. В таком случае в состав новой группы органической интеллигенции включаются отдельные слои интеллигенции традиционной. Чем быстрее стремящаяся к господству социальная группа ассимилирует и завоюет «идеологически» определенные слои традиционной интеллигенции, чем энергичнее формирует свою собственную органическую интеллигенцию, тем быстрее она добьется установления своего господства⁶. По мнению Грамши, такая интеллигенция утвердившейся социальной группы и есть тот «политический класс», о котором говорил итальянский социолог Гаэтано Моска⁷.

В силу всех этих факторов, отмеченных как А. Грамши, так и другими мыслителями и учеными, интеллигенция не может не быть одним из наиболее динамичных социальных слоев в мировой истории, очень отзывчивой к социальным трансформациям и изменениям в духовной и интеллектуальной атмосфере в обществе. Наиболее впечатляющий феномен такого рода дает опыт России XIX столетия. Впечатляющий настолько, что даже понятие «интеллигенция» во многих мировых энциклопедиях и словарях имеет зачастую пометку: «(рус.)». Такая очевидная специфика русской интеллигенции не может не получать отражения и в научных исследованиях — несмотря на то, что в современной российской науке встречаются и попытки «развенчания» исторического опыта русской интеллигенции. Причем некоторые авторы даже доходят до утверждений о том, что само существование интеллигенции в России было мифом⁸. Надо полагать, что подобное объяснение было бы слишком легковесным, хотя желающих таким образом «подвести итог» эволюции интеллигенции в России, да и не только в ней, находится немало. Например, профессор МГУ Н. Е. Покровский заявлял о «функциональном самоисчерпании интеллигенции» в современной России⁹. Другие авторы торопятся с выводами об «исчезновении» интеллигенции в нашей стране в постсоветский период¹⁰.

Впрочем, многие исследователи отнюдь не воспринимают феномен русской интеллигенции как нечто особенное или уникальное. И приводят на этот счет весьма серьезные аргументы.

Вот как, например, видит интересующую нас проблематику известный американский исследователь Иммануил Валлерстайн. По его мнению, в XIX столетии в ходе проводившейся в России «бюрократической модернизации» в «нарастающем темпе производились образованные кадры, для которых попросту не существовало рабочих мест или же структурно не сложились приемлемые для молодежи социальные роли». Молодежь, «не находившая себе достойного, с ее точки зрения, применения, становилась интеллигенцией, причем значительная ее часть неизбежно радикализировалась. Это поддерживало острейшее идеологическое и политическое соперничество между бюрократическими элементами и интеллигенцией». Да и сама интеллигенция, по Валлерстайну, была «побочным продуктом государственной попытки угнаться за Западом» — американский ученый прямо указывает на типичность общественного сознания русской интеллигенции того времени, в том числе на присущий ей европоцентризм: «Идеология интеллигенции, будь то славянофилов или марксистов, вращается вокруг отношения к Западу, к капитализму. Эта проблема отнюдь не только российская, как прекрасно знают и поляки, и китайцы, и турки»¹¹.

Весьма похожие соображения излагал и известный польско-американский специалист по России Анджей Валицкий. По его мнению, такие «характерные черты русского мышления», как «сильная склонность идеализировать традиционный сельский коллективизм» и «неуважение к классическим либеральным ценностям», «типичны для всех слаборазвитых стран, воспринимающих модернизацию как вестернизацию, т. е., как нечто чуждое их национальному наследию, представляющее угрозу не только для ценностей прошлого, но и для национальной идентичности»¹². В свою очередь, американский исследователь Чарльз Тимберлейк отмечал объективный характер западнической ориентации основной массы русских интеллигентов, поскольку процесс модернизации в России не мог не проходить в форме вестернизации. Русские либералы и близкие к ним круги, стремившиеся сократить отставание своей страны от Европы, и были

«вестернизаторами», распространителями европейских ценностей и культуры¹³. Еще более жестко ту же идею выразил французский ученый Р. Филиппо, согласно соображениям которого, обособленное положение интеллигенции в России — эффект «незавершенной модернизации»¹⁴.

Действительно, исторический опыт России, особенно XVIII—XIX столетий, дает богатый материал для осмысления общих закономерностей «модернизации» — перехода от «традиционного общества» к «современному». В том числе и «вестернизации», т. е. усвоения в ходе данного процесса опыта и ценностей европейских стран, проходивших эту фазу чуть раньше и несколько иначе.

При этом всё-таки у интеллигенции были свои черты, которые выделяли ее среди общей массы либералов-«вестернизаторов». Как подчеркивал французско-израильский исследователь М. Конфино, это — обеспокоенность социальными проблемами, ощущение собственной ответственности за состояние общества, нравственная оценка всех событий и явлений, стремление делать обязывающие выводы из рассмотрения положения в обществе, твердая уверенность в необходимости перемен. Имея такой комплекс убеждений, русская интеллигенция, считал М. Конфино, неизбежно оказывалась в состоянии потенциально-го или действительного разрыва с существующим порядком¹⁵.

Здесь хотелось бы отметить точность и продуманность определений, даваемых М. Конфино при характеристике доминантных качеств социального слоя интеллигентов. Показательно, что все основополагающие черты интеллигенции, выделяемые исследователем (социальная обеспокоенность, личная ответственность, нравственная оценка действительности, последовательность в выводах и приверженность переменам), с необходимостью побуждают ее к активному участию в общественной жизни, стимулируют интеллигентов быть, как стало принятым выражаться, «публичными интеллектуалами». Причем всё это относится не только к русской интеллигенции, но и к ее аналогам во многих других обществах.

Теперь стоило бы учесть разработки тех ученых, которые признают и подчеркивают специфику именно русской интеллигенции. В этой связи обращает на себя внимание точка зрения

известного итальянского культуролога Витторио Страды. Как полагает итальянский ученый, стоило бы ввести понятие «хронотоп модернизации», «так как оно позволяет учитывать тот факт, что любой процесс модернизации протекает в условиях, разнящихся не только количественно, но и главным образом качественно, в зависимости от времени и места протекания». Так что, по мнению В. Страды, «изучать Россию возможно только сравнительно-исторически в рамках системного взгляда на историю и “временной” концепции Запада, то есть в рамках теории модернизации, которая видела бы, не впадая ни в апологетические, ни в негативистские оценки, в “модерной революции” будущее мира и вместе с тем признавала бы в ней множественность ее форм и фаз...». В таком понимании именно интеллигенция — один из основных субъектов как «модерности», так и отчасти противостоящей ей «традиционалистской оппозиции»¹⁶.

Если принимать аргументацию итальянского ученого, оказывается, что в своей деятельности интеллигенция очень противоречива. Одна ее часть — агент модернизации, а другая оказывается в лагере ее противников. Такое понимание социальных функций интеллигенции в процессе модернизации выглядит спорным. Недаром же известный французский социолог Ален Турен подчеркивал, что процесс модернизации представляет собой не просто какое-то внеличностное рациональное изменение существующего порядка вещей, а сознательное саморазвитие общества¹⁷. Следовательно, интеллигенция не может не быть одним из самых активных агентов такого саморазвития.

Есть и такая точка зрения, что специфика русской интеллигенции состоит в особенном, обостренном восприятии своего положения и своей судьбы, что побуждает ее резко шарахаться от самовосхваления к самобичеванию. Иначе говоря, русские интеллигенты — это «нервные люди». Интересно, что для обоснования такого рода подхода один из наиболее ярких его приверженцев, Александр Кустарев, ссылается на материалы интеллигентоведческих конференций в Ивановском государственном университете. В частности, утверждая, что апологеты и поносители интеллигенции толкуют противоположным образом одни и те же свойства интеллигенции, А. Кустарев цитирует следующее наблюдение Б. Степанова из опубликованных материалов

конференции 1999 г.: «То, что в первом случае выдвигалось как достоинство интеллигента, во втором случае истолковывалось как его недостаток, идейность и жертвенность оказывались зашоренностью и непониманием самоценности интеллектуального труда, оппозиционность по отношению к власти — отсутствием правовой культуры, романтизм и стремление быть “гласом народа” — мечтательностью и дилетантизмом в вопросах социальной жизни и т. д.»¹⁸.

В данном контексте заслуживают внимания давние, но весьма содержательные соображения известного американского исследователя Ричарда Пайпса о модернизации и об интеллигенции в России, в которых сделан акцент на более существенные обстоятельства объективного порядка. Согласно наблюдениям американского ученого, с середины XIX в. в России не только либералы и радикалы, но и консерваторы выступали за перемены. Так что и «русский консерватизм из статической доктрины сохранения существующего строя превращается в теорию изменений». «Новый консерватизм», по Пайпсу, отличался от старых дворянских предпочтений, по крайней мере, в двух важных аспектах: 1) он перестал быть идеологией элиты, выступая за единство самодержавия и всего народа; 2) он перестал быть «космополитическим» и сделался «националистическим». Впрочем, как полагал американский ученый, после 1881 г. интеллигентский консерватизм начал клониться к закату, а его сторонники стали тесно сближаться с бюрократией¹⁹.

В сущности, американский исследователь подходил к признанию двух важных положений, хотя и не сформулировал их с достаточной определенностью. Во-первых, это то, что *вся* интеллигенция, а не только объявлявшая себя самой «передовой», «прогрессивной», «свободной», «революционной» и т. д., имеет характер нового социального слоя и, тем самым, так или иначе участвует в процессах модернизации. Во-вторых, интеллигенция по сути собственного положения должна быть *автономной*. Если же она сближается (и сливается) с другими социальными силами (например — с бюрократией), то неизбежно теряет свои позиции, да и свои специфические качества.

Очень лаконично подобную мысль выразил известный российский культуролог и востоковед Г. С. Померанц: «По-видимому,

интеллигентность может сложиться и сохраниться только в стороне от власти, от распоряжения государственным аппаратом; во всяком случае, ядро интеллигенции и в России, и в Индии состояло из людей, духовно независимых от государства, хотя иногда и вынужденных зарабатывать деньги службой на каких-либо второстепенных должностях»²⁰.

Следует особо остановиться на соотношении феноменов «интеллигенция» и «интеллектуалы». Об этом уже очень многое высказано — и не только в современной России, но и далеко за ее пределами. В одном из новейших обзоров данной проблематики пермская исследовательница Л. А. Фадеева, в частности, подчеркивает, что борьба интеллектуалов в условиях глобализации включает сильную протестную составляющую, не предусматривая их социальной маргинализации. Более того, современный интеллигент может быть «вполне коммерчески успешным»²¹, что, вероятно, особенно значимо для нынешней генерации российских интеллектуалов.

Однако для нас куда более ценным и интересным в данном отношении представляется весьма давний анализ польско-американского исследователя профессора Александра Геллы, сделанный им во введении к сборнику материалов восьмого Всемирного социологического конгресса в Торонто (1974 г.) «Интеллигенция и интеллектуалы». А. Гелла попытался представить основы социологии интеллигенции, и это ему во многом удалось. По крайней мере, разработки из данной публикации до сих пор привлекают к себе внимание аналитиков.

Прежде всего, польско-американский исследователь показывает себя сторонником узкой трактовки понятия «интеллигенция»: «Интеллектуалы нужны для любого общества, в то время как интеллигенция появляется лишь в период индустриализации феодальных обществ»²². Но еще более существенна другая линия разграничения обоих социальных феноменов: «стать интеллектуалом никогда не означало изменить свою классовую принадлежность или классовое сознание. Напротив, интеллигенция с самого начала появилась как социальная страта»²³. Иначе говоря, согласно аргументации А. Геллы, интеллектуалы являются мыслящими людьми разного времени и разной социальной принадлежности, а интеллигенция представляет

собой особый социальный слой эпохи модернизации от традиционных к современным обществам.

На этом социологические разработки А. Геллы об интеллигенции отнюдь не исчерпывались. Он полагал, что «человечеству необходима страта образованных людей, сплоченных общей культурой, взаимодействующих и сотрудничающих друг с другом, ориентирующихся на общие универсальные цели»²⁴. Такова будет, по его ожиданиям, «мировая интеллигенция», появление которой станет «новым социальным феноменом».

Однако пока реальностью остается существование различных национальных модификаций интеллигенции в современном мире. Думается, у нас имеются все основания утверждать, что этом смысле русская интеллигенция сближается — во многих своих параметрах — с «идеальным типом» (используем здесь несколько в ином контексте известное понятие из социологической концепции Макса Вебера) интеллигенции в эпоху Нового и Новейшего времени, в разгар процессов модернизации. И потому типологические черты русской интеллигенции — это в значительной степени сущностные основы интеллигенции как таковой. Данные основы наиболее точно можно было бы сформулировать следующим образом: **интеллигенция есть новый социальный слой автономных интеллектуалов, имеющих особый моральный комплекс служения идеалу.**

Отметим прежде всего *автономность* интеллигенции в системе власти и социальных отношений. Такая автономность была закономерным следствием модернизации общественных структур, проходившей во многих странах мира начиная с XVI столетия. Эти перемены постепенно разрушали сложившийся веками сословный порядок. Так, в России XIX столетия интеллигент — это не царедворец, не чиновник, не пехотный капитан. Хотя и из таковых могли в виде исключения сформироваться интеллигенты. Они находились на грани своих сословий или вовсе выпадали из них. Многие из них охватывались понятием «разночинцы».

Собственно, сами вожди русской интеллигенции неоднократно отмечали межсословный и вовсе внесословный характер интеллигенции. Известный историк П. Н. Милюков внес это наблюдение в свой труд «Очерки по истории русской культуры»,

подчеркивая, что местом рождения русской интеллигенции была «междусословная культурная среда»²⁵.

Впрочем, задолго до Милюкова и других вождей русской интеллигенции XIX — начала XX в. сложилось представление об особом круге людей, которых и стали с середины XIX столетия именовать интеллигентами. Как нам уже приходилось отмечать, с такой точки зрения интеллигент — это интеллектуал, не вполне включенный в сложившуюся систему власти и иерархических отношений, а, напротив, стремящийся сохранить автономию от них или вообще освободиться от попечения власти. Но если он и состоит на службе, то не ограничивает себя только «государевым делом». Еще до широкого использования самого понятия «интеллигент» суть этого явления одним из первых прояснил и утвердил в сознании «образованного общества» Александр Сергеевич Грибоедов в комедии «Горе от ума». В ней ни Фамусов, ни Скалозуб, ни Молчалин не являются интеллигентами. Им оказывается только Чацкий, который и определяет сущность своей позиции: «Служить бы рад, прислуживаться тошно»²⁶.

Невольно возникает вопрос: а может быть, все эти изгибы деятельности и сознания русской интеллигенции только лишь продукт «незавершенной модернизации»? Однако стоило бы в данном контексте принять во внимание одно глубокое соображение Г. С. Померанца: «Если оглянуться на мировой опыт, то сперва возникает иллюзия, что интеллигент — это слабо развитый интеллектуал, судьба которого — дозреть — раньше или позже — до интеллектуала западного образца. Однако после первой и особенно второй мировой войны черты интеллигента, не находящего себе места в абсурдной жизни, проступили и в образцовом западном мире. <...> Можно сказать, что обустроенный интеллектуал — носитель культуры в сравнительно спокойном ее состоянии; метафизический бездомный интеллигент — носитель кризиса культуры. При таком взгляде на вещи интеллигент перестает быть явлением одной страны (или группы стран), становится чем-то универсальным, по крайней мере для Нового времени»²⁷.

Такое суждение российского ученого не является экстраординарным и для западной общественной мысли XX столетия. Приведем здесь одно из подобных соображений известного

американского мыслителя Герберта Маркузе уже полувековой давности. Как подчеркивал Г. Маркузе, в условиях технологического прогресса в современном мире поле для самовыражения индивидуальности, для независимого интеллектуализма всё более сжимается между властью и подчиненным ей «одномерным человеком»: «Прогресс в области управления суживает сферу, в которой индивиды еще могут быть “в себе” и “для себя”, и целиком превращает их в объекты. Возможность развивать сознание становится опасной прерогативой аутсайдеров...»²⁸

Все эти и другие соображения и выводы исследователей, на наш взгляд, являются ценным свидетельством актуальности и насущной потребности дальнейшего изучения трудного пути в неизведанное интеллигенции и интеллектуалов в современном мире, а также доказательством востребованности для интеллигенции ее автономного статуса, когда она не сливается с властью, и в то же время — не растворяется в «массовом обществе».

В заключение отметим, что научные исследования участия интеллигенции и интеллектуалов в процессах модернизации в различных странах и регионах мира в те или иные исторические эпохи поставили много интересных, но далеких от своего решения проблем. Эти изыскания могут еще принести новые, весьма значимые результаты и открытия.

Примечания

- ¹ *Малинин В. А.* Интеллигенция // Русская философия : слов. М., 1995. С. 187.
- ² *Кондаков И. В.* Интеллигенция // Культурология, XX век : энцикл. СПб., 1998. Т. 1. С. 254.
- ³ Там же. С. 262.
- ⁴ *Кондаков И. В.* Культурология : история культуры России : курс лекций. М., 2003. С. 243.
- ⁵ *Грамини А.* Тюремные тетради : в 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 329.
- ⁶ Там же. С. 327—328, 330—331.
- ⁷ См.: Там же. С. 344.
- ⁸ См., напр.: *Орлов С. Б.* Интеллигенция как мифологический феномен : историко-социологический анализ // Социс. 2001. № 1. С. 57.
- ⁹ См.: Социс. 2002. № 1. С. 144.
- ¹⁰ См.: *Кордонский С. Г.* Российская интеллигенция: генезис, онтология, этика и эстетика // Куда идет Россия? : альтернативы общественного

- развития. М., 1995. С. 507 ; *Рывкина Р. В.* Исчезновение социального слоя «интеллигенция» в постсоветской России — причины и последствия // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 176—178 ; и др.
- ¹¹ *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500—2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 34, 38—39.
- ¹² *Валицкий А.* Интеллектуальная традиция дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 154.
- ¹³ *Essays on Russian Liberalism / Ed. by Ch. E. Timberlake.* Columbia (MO), 1972. P. 15.
- ¹⁴ *Philippot R.* La modernisation inachevée, 1855—1900. P., 1971. P. 74.
- ¹⁵ *Confino M.* On intellectuals and intellectual traditions in eighteenth and nineteenth century Russia // *Daedalus.* 1972. № 2. P. 117—118.
- ¹⁶ *Страда В.* Россия, Запад, Восток и современность : маргинальные заметки с Запада // Цивилизации и культуры. М., 1996. Вып. 3. С. 320—322.
- ¹⁷ *Touraine A.* Modernity and Cultural Specificities // *International Social Science Journal.* 1988. November. № 118. P. 452.
- ¹⁸ *Кустарев А.* Нервные люди : интеллигенция — новый раунд рефлексии // *Неприкосновенный запас.* 2006. № 3 (47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ku-4pr.html> (дата обращения: 06.10.2014).
- ¹⁹ *Пайнс Р.* Русский консерватизм во второй половине девятнадцатого века : докл. на XIII Междунар. конгрессе ист. наук. Москва, 16—23 августа 1970 г. М., 1970. С. 4—5, 10.
- ²⁰ *Померанц Г.* Долгая дорога истории // *Знамя.* 1991. Ноябрь. С. 189.
- ²¹ *Фадеева Л. А.* Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // *Диалог со временем.* 2012. Вып. 41. С. 132.
- ²² *Gella A.* An introduction to the sociology of the intelligentsia // *Intelligentsia and the Intellectuals.* Beverly Hills, 1976. P. 22.
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ *Ibid.* P. 27.
- ²⁵ *Милоков П. Н.* Очерки истории русской культуры. М., 1995. Т. 3. С. 211.
- ²⁶ См.: *Усманов С. М.* Безысходные мечтания : русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 1998. С. 38—39.
- ²⁷ *Померанц Г.* Вечное противостояние интеллигенции // *Российская газета.* 1997. 7 авг. С. 3.
- ²⁸ *Маркузе Г.* Разум и революция : Гегель и становление социальной теории. СПб., 2000. С. 531.

И. С. Борзова

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОППОЗИЦИОННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛА*

Залогом устойчивости политической системы демократического государства, стабильности его политического режима, сменяемости и обновления власти является активная и плодотворная работа оппозиционных институтов. Их основная задача — оказывать воздействие на политику правящей власти, выполнять функцию катализатора политических изменений, отражать интересы различных слоев общества, предлагать альтернативу действующей политике государства. При этом необходимо отметить, что формирование оппозиционных движений является важным процессом не только для демократического государства, но и для стран с недемократическими режимами.

Отсутствие или силовое подавление оппозиционных институтов в государстве, в конечном счете, не укрепляет режим, а, наоборот, ослабляет его. Сильная оппозиция дает обществу уверенность в том, что правительство может «держать удар» и учитывать различные точки зрения на те или иные проблемы¹.

Обращаясь к странам постсоветского пространства, отметим, что там сложилась ситуация, при которой большой вклад в развитие оппозиционных институтов внесли и продолжают вносить представители национальной интеллигенции, которые, имея определенную автономию в рамках общества, способны оппонировать правящему режиму власти.

© Борзова И. С., 2014

Борзова Ирина Сергеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. irafog@yandex.ru

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

Совершенно нетипичный для постсоветского и восточноевропейского пространства пример — это Белоруссия, где становление оппозиционных институтов встретило на своем пути определенные трудности. В этой связи белорусская модель взаимодействия власти с оппозицией и находящимися в оппозиции интеллектуалами заслуживает особого внимания и изучения. Белоруссия, которая находится в непосредственной близости от Европы, могла бы быстрее и лучше других перенять и реализовать на практике западные демократические ценности, но здесь сложилась своя специфика политического развития, и страна не продолжила череду «цветных революций» на постсоветском пространстве.

В этих общественно-политических процессах недавнего времени значительную роль сыграли представители современной белорусской оппозиции и оппозиционной интеллигенции. Для того чтобы понять, что представляют из себя современные белорусские оппозиционные интеллектуалы, прежде необходимо обратиться к истории становления белорусской интеллигенции. Этот вопрос освещается в трудах ученых-интеллектоведов, занимающихся данной проблематикой.

В своих работах Э. Б. Ершова отмечает: «В рамках Российской империи, получив название Северо-Западного края (1842 г.), началось формирование белорусской нации, и со второй половины XIX века белорусская интеллигенция стала обосновывать свой путь исторического развития на базе громадных сдвигов в социально-экономических и политических сферах жизни... Белорусская интеллигенция в ходе своего формирования имела определенные отличия, основой которых было само географическое положение Белоруссии между Польшей и Россией, стремившихся в разные времена то ополячить белорусов, то русифицировать в зависимости от того, в чьих границах находилась территория, где проживали белорусы»².

Тем не менее, согласно позиции О. А. Яновского, «политика российского самодержавия вела не к “тутэйшай” самоограниченности, но усиливала национальное самосознание и самоидентификацию, подталкивала к осмыслению интеллигенцией политического идеала — белорусской суверенной государственности»³.

Такой политический идеал был ненадолго достигнут в 1918 г., когда состоялось провозглашение Белорусской народной

республики (БНР), которая, как отмечает в своем исследовании В. Е. Козляков, «ориентировалась на тогдашние образцы демократии, но так и не стала государственным образованием, поскольку практически все властные полномочия в тот момент принадлежали администрации германских оккупационных войск... Тем не менее провозглашение независимости БНР стало важным шагом в создании белорусской государственности, поскольку привлекало внимание общественности, в том числе и в Советской России, к белорусским проблемам»⁴. Конец Первой мировой войны стал и концом БНР. После капитуляции Германии советское правительство денонсировало Брестский договор, Красная армия вступила на территорию новорожденной республики⁵.

Следует отметить, что отголоски недолгого существования Белорусской народной республики слышны в стране и за ее пределами и по сей день: в эмиграции функционирует самопровозглашенное правительство в изгнании — Рада Белорусской народной республики. Рада БНР рассматривается современными белорусскими иммигрантами-интеллектуалами как символ белорусской государственности, орган представительства Белоруссии в мире, центр планирования и координации политической и общественной деятельности белорусской эмиграции.

Белорусские оппозиционные интеллектуалы имеют довольно устойчивые связи с представителями белорусской эмиграции. Эти связи начали усиливаться, когда многие противники сценария общественно-политического развития Белоруссии, предложенного президентом А. Г. Лукашенко в середине 1990-х гг., начали покидать страну.

Сообщества белорусских эмигрантов разбросаны по разным странам мира, но сосредоточены в основном в Северной и Южной Америке (США, Канаде, Аргентине). Наиболее массовой и организованной частью западной диаспоры является белорусское сообщество в США. Современные белорусские эмигранты — это в основном потомки политических эмигрантов, покинувших Белоруссию после Второй мировой войны. Послевоенные эмигранты по своим политическим убеждениям были в большинстве своем противниками коммунистического режима, поэтому сегодня общей заботой представителей белорусской эмиграции является сохранение национального наследия и поддержка белорусского национального возрождения.

У белорусских иммигрантов-интеллектуалов имеется своя программа строительства национального государства. Белорусская эмиграция приветствовала демократические перемены и провозглашение независимости Белоруссии в начале 1990-х гг. После прихода к власти президента А. Г. Лукашенко и отхода от завоеваний национального возрождения начала 1990-х гг. отношения между официальными властями и национально ориентированными центрами белорусской диаспоры ближнего и особенно дальнего зарубежья ухудшились. Большинство зарубежных соотечественников негативно восприняло итоги президентских выборов 1994 г. и последующих референдумов, расценив их как наступление на белорусский язык и национальную историческую символику, установление авторитарного режима и угрозу белорусской государственности. Белорусская диаспора на Западе не поддерживает политику интеграции Белоруссии с Россией, считая, что это создает реальную угрозу независимости страны.

Белорусские эмигранты не теряют связи с родиной, изучают и анализируют происходящие в стране события. Они очень активно проявляют себя в интернет-пространстве, выпускают различные бюллетени, газеты («Запісы», «Беларус», «Belarusian Review», «Naviny» и др.). За рубежом белорусы продолжают создавать свою устойчивую национальную среду — церковные и общественные организации, научные и культурные центры, издательства, журналы и газеты. Сегодня за рубежом известны такие научно-культурные центры белорусской эмиграции, как Белорусский институт науки и искусства в Нью-Йорке (США) и Торонто (Канада), Белорусская библиотека и музей им. Ф. Скорины в Лондоне, Кафедра белорусской культуры в Белостокском университете (Польша), Белорусское литературное объединение «Белавежа» (Польша), Европейский гуманитарный университет (Литва), Фонд им. Ст. Батория (Польша), Общество белорусской культуры (Литва) и др.⁶

Также актуальными для современной общественно-политической жизни Белоруссии в целом и для представителей оппозиционной интеллигенции в частности являются проблемы польского меньшинства в Белоруссии. Польское население в основном сконцентрировано в Гродненской области, также много поляков проживает в Новогрудке, Витебске, Минске. Для польского меньшинства одним из основополагающих является языковой

вопрос. В начале 1990-х гг. в Белоруссии начали появляться школы и отдельные классы с преподаванием польского языка. При этом языковая ситуация такова, что лишь 13 % населения, называющие себя поляками, в действительности знают и разговаривают на польском языке. В 1990 г. в Гродно был создан Союз поляков Белоруссии, занимающийся в том числе изданием газет и журналов на польском языке («Glosznad Niemna», «Magazyn Polski» и др.)

В целом, белорусское руководство ведет настороженную и в определенные периоды времени жесткую политику в отношении Союза поляков Белоруссии, считая эту организацию проводником интересов белорусской оппозиции, обвиняя польскую сторону во вмешательстве во внутренние дела Белоруссии и шпионаже. В связи с этим, Союз поляков был лишен регистрации в Белоруссии, проводились аресты его активистов. В ответ бывший президент Польши Лех Качиньский в официальном письме выразил обеспокоенность и решительный протест в связи с усиливающимися репрессиями против Союза поляков Белоруссии.

Помимо этого, на территории Польши компактно проживает белорусское население. В Белостоке 33 % городского населения — белорусы. В Польше функционируют школы с изучением белорусского языка, различные национальные организации, поддерживающие белорусскую оппозицию. Белорусы, проживающие в Польше, издают свои газеты и журналы (например, ежемесячный журнал «Czasopis» в Белостоке).

Этот и другие факты позволяют сделать вывод о том, что Белоруссия являет собой уникальный пример своеобразного становления и развития национального государства на постсоветском пространстве. Уникальность заключается также и в том, что в Белоруссии, по сравнению с другими странами постсоветского пространства, особенно подчеркивается преемственность советского наследия. Своеобразие белорусской ситуации связано с особенностями социальной психологии общества и специфическим развитием национального самосознания. В белорусском обществе достигнут определенный консенсус, причем сделано это с опорой на советскую модель белорусской идентичности.

С таким вариантом не согласны представители части современной белорусской интеллигенции, находящейся в оппозиции к власти. Советской модели идентичности оппозиционные

интеллектуалы противопоставляют «белорусскость» как особый национальный вариант. Будучи приверженцами белорусскости как основы национального самосознания, сторонники оппозиции изучают национальную историю и культуру (причем не всегда с общепризнанных научных позиций), считают себя независимым европейским народом, говорящим на самостоятельном белорусском языке.

Для современных оппозиционных интеллектуалов в Белоруссии языковой вопрос является очень важным и в то же время политически окрашенным. Изучение и использование белорусского языка в Белоруссии, где большая часть населения говорит по-русски, — это нередко политический акт и выражение несогласия с государственной политикой русификации. Поэтому в случае с Белоруссией судьба национального языка является важнейшей частью национальной и исторической самоидентификации.

Белорусскими властями с подачи представителей оппозиционной интеллигенции и с учетом опыта соседней Украины в недавнем прошлом предпринимались попытки уменьшить доминирование русского языка. Даже белорусский президент А. Г. Лукашенко на одном из Дней независимости произнес свою речь на белорусском языке. Помимо этого некоторые газеты и журналы перешли на использование белорусского языка (например, еженедельная литературная газета «Литература и мастацтва»). Но это была «советизированная» белорусская мова, вариант белорусского языка, во многом приближенный к русскому, который возник после реформы белорусского правописания в 1933 г.

Современные интеллектуалы и представители белорусской оппозиционной интеллигенции предпочитают использовать другой дореформенный вариант белорусского языка (более сложный для восприятия русскоязычными) — тарашкевицу, которая в большей степени приближена к языковой норме, разработанной Брониславом Тарашкевичем, общественно-политическим деятелем, языковедом, создателем первого учебника белорусской грамматики.

На сегодняшний день процесс складывания белорусского самосознания и национальной идентичности не завершен до конца. Но, тем не менее, этот процесс идет в стране довольно активно, параллельно с развитием и популяризацией белорусского языка. «Самосознание остается неопределенным, народ так и не решил

для себя, есть он или нет»⁷, — так пишут в своем исследовании Д. Е. Фурман и О. Г. Буховец. Разработкой этого вопроса занимаются, в том числе, представители белорусской интеллигенции, которые вносят свой вклад в процесс национального самоопределения, создания общественно-политических объединений и политических партий, став «одним из главных субъектов процесса переустройства общества»⁸.

Современные исследователи по-разному смотрят на проблемы белорусской независимости, идентичности и самосознания. Существует точка зрения о том, что идея белорусской независимости не имеет под собой серьезной основы и не подкреплена поддержкой со стороны большинства белорусского населения. Другой взгляд на эту проблему отражает следующее высказывание: «Чувство белорусской государственности не проявляется в броской националистической символике и показных патриотических волеизъявлениях, но его скромные практические проявления видны повсюду — в первую очередь, в настроениях политических элит, атрибутах государственной власти, умонастроениях интеллигенции и поведении молодежи»⁹.

Именно молодежь и студенчество являются движущей силой не только белорусского оппозиционного движения, но и «квинтэссенцией интеллигенции, а студент — это не только будущий специалист-интеллектуал, а человек, готовый вести борьбу за свою свободу, за свободу своей страны»¹⁰. Еще на рубеже 1980—90-х гг. преподаватели и студенты белорусских вузов составляли костяк первых неформальных оппозиционных объединений, которые выступали тогда с националистическими лозунгами. Членов этих объединений связывал интерес к изучению белорусского языка, белорусского культурного и литературного наследия. В дальнейшем многие, кто входил в состав этих кружков, стали разделять идеи или вступили в ряды современных белорусских оппозиционных партий и активно участвовали в акциях оппозиции¹¹.

Ставку именно на молодежь делают представители современного оппозиционного движения. Кроме того, молодежь и студенчество, которые являются активными пользователями Интернета, можно отнести к представителям интернет-интеллигенции, поскольку «Интернет дарит молодым людям ощущение свободы, раскрепощенности их души. Интернет дает интеллигенции

возможность почти бесцензурного изложения собственных взглядов, позиций по широкому кругу политических, философских и культурологических проблем»¹².

Работа оппозиции с молодежью особенно активно проявляется во время предвыборных кампаний. На это белорусскому студенчеству выделяют средства разные западные фонды-грантодержатели. Через различные стипендии, гранты, образовательные программы страны Запада предоставляют возможность белорусской молодежи пройти обучение за рубежом. Большое количество подобных стипендий через неправительственные организации выделяется студентам — сторонникам оппозиции, отчисленным из белорусских учебных заведений. Так, например, после президентских выборов 2006 г. в Белоруссии польский премьер-министр Казимеж Марцинкевич выступил с инициативой проведения стипендиальной программы имени Кастуся Калиновского, которая должна стать инструментом оказания помощи студентам-активистам, отчисленным из вузов после президентских выборов.

По этой программе в вузах Польши получают образование 280 так называемых «репрессированных белорусских студентов», в вузах Украины — 70, Латвии и Нидерландов — по 60, Германии — 11, Литвы и Румынии — по 5 молодых людей¹³.

Участники молодежных движений, привлекаемых оппозицией, проходили обучение на специальных семинарах. Так, например, активисты белорусского движения «Зубр» выезжали на подобный семинар в Прибалтику, где они встречались с сербами, участвовавшими в свержении Милошевича, для обмена опытом свержения режима власти¹⁴.

После выборов 2006 г. оппозиционеры неоднократно отмечали, что намерены более активно включать в свои акции молодежь, зачастую протестующую против режима только в рамках виртуальной реальности и сетевых интернет-сообществ. Здесь одним из направлений деятельности и относительно новой формой протеста «сетевой оппозиции» против режима являются акции типа флеш-моб.

Флеш-моб (от англ. *flash* — вспышка и *mob* — толпа) — это кратковременные публичные действия, когда группа людей в заранее определенном месте проводит протестную акцию, зачастую

абсурдного характера, и быстро расходится, при этом переговоры о сценарии, месте и времени проведения мероприятия ведутся посредством Интернета. В Минске после выборов 2006 г. прошло несколько таких молниеносных акций: десятки людей в одном месте одновременно раскрыли газету «Советская Белоруссия» и начали рвать ее на мелкие кусочки. В другой подобной акции несколько десятков минчан демонстративно завязали глаза и отвернулись от установленного на площади экрана, по которому транслировалось выступление прокурора Белоруссии. После очередных президентских выборов 2010 г. участники молчаливых акций протеста аплодисментами выражали свое несогласие с режимом. Такие акции, безусловно, вызывают интерес у многих молодых людей, которые, к примеру, не хотят вступать в политические партии, но у которых возникает желание поучаствовать в политической жизни страны и выразить свое мнение по поводу действий белорусских властей.

Всё же, несмотря на непрекращающуюся волну критики в адрес белорусского президента, для значительной части белорусского населения Александр Григорьевич Лукашенко продолжает оставаться политиком номер один в стране.

Сравнительный анализ групп, поддерживающих А. Г. Лукашенко и оппозицию, позволяет выявить следующие особенности. К убежденным сторонникам президента можно отнести лиц старшего или пенсионного возраста, которые испытывают ностальгию по советскому прошлому, жителей малых городов и деревень, а также рабочих государственных предприятий и госслужащих. А. Г. Лукашенко воспринимается большей частью белорусского общества как самый популярный политик, мудрый государственный деятель и защитник национальных интересов всего государства в целом и простых граждан в частности, для которых стабильность важнее, чем призрачные демократические идеалы. Доверие основной части общества к главе государства и институтам власти пока еще не исчерпано. Эта часть электората полностью поддерживает политику президента страны, не отмечая никаких проблем с развитием демократии и нарушением прав человека. При этом данная группа с подозрением относится к политике Европейского союза и США в отношении Белоруссии, выступая за сохранение дружеских тесных связей с Россией.

Среди сторонников оппозиции доминируют люди с высшим образованием, молодежь или среднее поколение, жители больших городов. Противники режима не согласны с политикой действующего президента, желают смены власти в стране, поддерживают ориентацию Белоруссии на Запад и выступают за ослабление зависимости от России.

Социологи выявляют также и географическое разделение сторонников и противников белорусского режима. Главные центры сосредоточения оппозиционных сил — это Минск, а также западные области Белоруссии, которые в большей степени ощущают влияние Польши, нежели России (до 1939 г. территория Западной Белоруссии находилась в составе Польши). Именно население западных областей Белоруссии в меньшей степени поддерживает официальный курс руководства страны и в большей степени разделяет точку зрения представителей оппозиции, составляя основу их социальной базы. В Гродненской области в поддержку оппозиционных политических партий выступает 19,9 % населения, в Минске этот показатель достигает 23,3 %¹⁵. Наименьшей поддержкой оппозиция пользуется в Витебской, Могилевской и Гомельской областях — здесь очень сильна поддержка президента страны и политических партий, согласных с президентским курсом. Однако в целом белорусский электоральный регионализм выражен не столь отчетливо (как, к примеру, в соседней Украине), и региональные границы во многом размыты, что связано, в том числе, с моноцентризмом белорусской политики.

Наблюдая за нестабильной ситуацией после «цветных революций» в Грузии, Украине, Киргизии, многие белорусы явно не желают повторения подобного у себя на родине, следовательно, не хотят прихода оппозиции к власти. Согласно социологическим опросам Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), 67,9 % населения не видят среди белорусских политиков серьезного конкурента Александру Лукашенко, но, в то же время, существует порядка одной трети населения, кто может быть мобилизован оппозицией¹⁶.

За последние годы оппозиция сильно растратила кредит доверия у белорусского электората, и рейтинг доверия оппозиционерам после выборов 2006 г. оказался в обществе крайне

невысоким: по данным НИСЭПИ, им доверяют только 14,4 % избирателей, при этом не доверяют 65 %. Сама необходимость перемен в белорусском обществе носит во многом противоречивый и абстрактный характер. Это подтверждают данные социологических опросов. По оценкам НИСЭПИ, 62 % опрошенных полагают, что страна нуждается в переменах. При этом лишь 22,4 % считают, что с уходом А. Г. Лукашенко жизнь в стране изменится к лучшему¹⁷.

В этой связи интересна, на наш взгляд, позиция лидера Объединенной гражданской партии Анатолия Лебедько, который делит протестно настроенный электорат на «оппозицию улицы» и «оппозицию кухни», «причем кухонный потенциал оппозиции огромен. Как минимум две трети минчан каждый вечер критикуют политику власти... Однако оппозиционные настроения дальше кухни не распространяются... Как правило, в уличных акциях принимают участие либо пенсионеры, либо совсем молодые люди, то есть те, кто не находится на игле экономической зависимости от власти. Среднее поколение выходит на улицу лишь в исключительных случаях, когда, как им кажется, от их действий что-то зависит»¹⁸.

С такой точкой зрения нельзя не согласиться. На сегодняшний день оппозиция может мобилизовать и вывести на улицу (превратить «оппозицию кухни» в «оппозицию улиц») лишь небольшую часть протестно настроенных граждан. Большинство белорусов открыто не демонстрируют свое недовольство политикой Лукашенко (даже если оно на самом деле присутствует), одобряют многочисленные программы социальной поддержки со стороны власти, выступают за твердый порядок и государственный контроль, для них «реальные социальные льготы... гораздо более привлекательны, чем абстрактные призывы оппозиции строить демократическое государство по западным образцам»¹⁹.

Нынешняя ситуация в Белоруссии оставляет открытым вопрос о тенденциях дальнейшего политического курса страны. поэтапное общественно-политическое развитие государства сопровождается процессом определения белорусской национальной идентичности и белорусского самосознания, которые при участии современных белорусских интеллектуалов начинают оформляться в самостоятельные явления.

Подводя итог всему вышесказанному, можно выявить специфические черты, присущие представителям оппозиционной интеллигенции. Во-первых, *возраст*: это молодой человек или человек средних лет. Во-вторых, *уровень образования*: это человек с высшим образованием, продолжающий получать образование в течение всей жизни, знающий белорусский язык, национальную историю и культуру, активный интернет-пользователь. В-третьих, *регион проживания*: это житель столицы или западных областей Белоруссии. В-четвертых, *внешнеполитическая ориентация*: это участник западных программ или человек, ассоциирующий себя с Европой, готовый сделать «европейский выбор». Наконец, в-пятых, *степень политической активности*: это член оппозиционной политической партии или человек, готовый участвовать в акциях протеста. Обозначенные черты и составляют в совокупности портрет современного белорусского оппозиционного интеллектуала.

Примечания

- ¹ См. подробнее: *Борзова И. С.* Оппозиционные группы и их влияние на мировую политику // Вестник МГИМО (Ун-та). 2013. № 2 (29). С. 47—51.
- ² *Ершова Э. Б.* Белорусская интеллигенция в революционном движении в конце XIX — начале XX века // Интеллигенция в процессах преобразования мира: исторические вызовы, социальные проекты и свершения : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2007. С. 44.
- ³ *Яновский О. А.* Университетская интеллигенция Беларуси в общественно-политических условиях ее становления // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность : материалы XX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2009. С. 73.
- ⁴ *Козляков В. Е.* Роль интеллигенции в создании белорусской государственности // Там же. С. 44.
- ⁵ *Дракохруст Ю.* Белорусская Народная Республика как улыбка Чешского кота : (к юбилею первой Белорусской республики) // Неприкосновенный запас. 2008. № 4 (60).
- ⁶ *Герасимов В., Довнар Л.* Наследие белорусской эмиграции в современной печати Беларуси и зарубежья. URL: <http://netess.ru/3knigi/944995-1-issn-0204-2061-knygot-ura-2008-nasledie->

- belorusskoy-emigracii-sovremen noy-pechati-belarusi-zarubezhya-valer-gerasimov.php (дата обращения: 12.07.2014).
- ⁷ *Фурман Д. Е., Буховец О. Г.* Белорусское самосознание и белорусская политика // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 67.
- ⁸ Интеллигентоведение в системе гуманитарных наук : исслед. и учеб.-метод. разработки / отв. ред. *В. С. Меметов*. Иваново, 2008. С. 9.
- ⁹ *Легволд Р.* Белоруссия во внешней политике США // Белоруссия на перепутье : в поисках международной идентичности / под ред. *Ш. Гарнетта и Р. Легволда*. М., 1998. С. 27.
- ¹⁰ *Пицальникова А. А.* Молодая белорусская интеллигенция — источник формирования национальной элиты (конец XIX — начало XX века) // Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2008. С. 248.
- ¹¹ *Наумова С.* Белорусская высшая школа как закрытая система // Высшее образование в Беларуси: вызовы интернационализации / сост. *В. А. Дунаев*. Вильнюс, 2007. С. 103.
- ¹² *Меметов В. С.* Рассуждения на заданную тему: об устойчивом развитии, интеллигенции, интеллигентности // Молодая интеллигенция и устойчивое развитие общества : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново, 2008. С. 4.
- ¹³ *Козляков В. Е.* Студенчество Беларуси в современных избирательных кампаниях // Там же. С. 147.
- ¹⁴ Там же. С. 148.
- ¹⁵ *Белявцева Д.* Этнорелигиозный фактор и становление региональных особенностей политического сознания в Беларуси // Палітычная сфера. 2004. № 3. URL: http://kamunikat.org/usie_czasopisy.html?pubid=1917 (дата обращения: 03.08.2014).
- ¹⁶ *Мазаева О.* Буш даст денег на революцию по-белорусски // Независимая газета. 2005. 19 апр.
- ¹⁷ *Класковский А.* Жизнь после Лукашенко : ничего хорошего? URL: <http://www.inosmi.ru/belorussia/20100709/161172547.html> (дата обращения: 04.08.2014).
- ¹⁸ *Лебедько А.* Ценностная альтернатива и альтернативные предпочтения. URL: <http://nmbnby.eu/news/discussions/821.html> (дата обращения: 16.07.2014).
- ¹⁹ Выбор Белоруссии — 2006 : докл. отдела Белоруссии Института стран СНГ. URL: <http://www.materick.ru/index.php?section=analitics&bulid=131&bulsectionid=13545> (дата обращения: 18.07.2014).

А. А. Зубарева

**«КОНГРЕССЫ» УКРАИНЦЕВ
КАК ФОРМА УЧАСТИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ***

Больше столетия назад великий украинский поэт Иван Франко писал: «Перед украинской интеллигенцией откроется теперь, при более свободных формах жизни в России, огромная практическая задача — создать из необъятной этнической массы украинского народа украинскую нацию, сплошной культурный организм, способный к самостоятельной культурной и политической жизни, сопротивляющийся ассимиляционной работе других наций, откуда бы она ни исходила»¹. Так он думал под воздействием революции в 1905 году. По прошествии времени призыв И. Франко не забыт, и в XXI веке он приобрел новое звучание. Можно сказать, что к концу XX века, и в большей степени — в начале XXI века произошло «пробуждение» украинской интеллигенции. Причем первыми заявили о себе украинцы-эмигранты. Находясь вдалеке от Родины, они продолжали соблюдать все традиции, чтить собственную культуру, интересоваться жизнью страны. Возможные варианты дальнейшего развития Украины всё чаще обсуждались в среде украинских эмигрантов. Это привело к объединению их в организацию. Первой такой организацией был Комитет украинцев Канады. Позднее такого рода объединения возникли и в других странах. В самой же Украине

© Зубарева А. А., 2014

Зубарева Анастасия Александровна — аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. n-zubareva@mail.ru

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

подобная организация появилась самой последней. Сложно утверждать, почему объединение украинской интеллигенции произошло так поздно: было ли это следствием так называемого процесса «утечки мозгов», или связано с политической жизнью того периода, или же с режимом советской власти. Так или иначе, передовые идеи украинской интеллигенции стали зарождаться вне, т. е. за пределами страны.

Отметим, что созданные организации, или конгрессы, как они себя называют, за рубежом становятся более популярной формой участия украинской интеллигенции в общественно-политической жизни страны.

В рамках данной статьи будет рассмотрена история возникновения конгрессов, взаимодействие с властью и эффективность их деятельности.

Как уже отмечалось, первым возник Комитет украинцев Канады, который берет свое начало с 1940 года. Организован он был по инициативе канадского правительства, хотевшего таким образом задействовать украинцев Канады в борьбе с нацизмом. Несмотря на то что инициатива шла извне, его основателями по праву считаются такие организации, как Братство украинцев-католиков, Союз гетманцев-державников, Союз украинцев-самостийников. Со временем состав комитета расширялся. После Второй мировой войны в него вошли представители таких организаций, как Украинское евангельское объединение, Украинский национально-демократический союз, Украинское канадское общество сторонников освободительной борьбы Украины, Лига освобождения Украины и другие организации, созданные эмигрантами. На протяжении всего XX века состав комитета расширялся за счет новых эмигрантов, которые образовывали свои организации и общественные объединения: например, Украинская рабочая организация, Союз украинских канадских ветеранов, Украинская молодежная организация «Пласт», Научное общество имени Тараса Шевченко, Украинская свободная академия науки и др. Одним словом, в него входила эмигрировавшая украинская интеллигенция. Впервые возглавил Комитет украинцев Канады Василий Кушнир, который занимал этот пост до 1971 года.

В 1967 году произошло значимое для Комитета украинцев Канады событие: они вошли в состав крупного объединения

украинцев — Всемирный конгресс свободных украинцев. Основная деятельность конгресса заключалась в поддержании и развитии украинской культуры в Канаде — это открытие школ, библиотек, изучение родного языка, истории, издательство книг. Как отмечает М. Н. Бабуца, в настоящее время Украинский канадский конгресс поддерживает изучение украинской диаспоры на государственном и провинциальном уровнях².

Дальнейшую деятельность Комитета украинцев Канады целесообразнее рассмотреть через призму деятельности Всемирного конгресса украинцев (ВКУ). Отметим, что членами Всемирного конгресса украинцев являются представители еще одного конгресса, а именно — Европейского конгресса украинцев (ЕКУ).

Всемирный конгресс начал свою деятельность в 1967 году. Он имеет статус международного координирующего органа, представляющего интересы украинской диаспоры по всему миру. В 2003 году произошла реорганизация, в ходе которой Всемирный конгресс украинцев стал негосударственной организацией со специальным консультативным статусом при Экономическом и социальном совете Организации Объединенных Наций³. Центр данного конгресса располагается в Торонто.

Всемирный конгресс украинцев имеет высший законодательный орган — Конгресс, который проходит каждые пять лет. В Конгрессе принимают участие: Украинские Церкви; члены ВКУ, Совета директоров и Контрольной комиссии; лица, приглашенные Советом директоров как гости. Не позднее чем за год до Конгресса, Совет директоров назначает время и место следующего Конгресса, а также количество делегатов⁴.

Также раз в год поводится годовое Общее собрание членов данного Конгресса.

Отметим, что Всемирный конгресс украинцев имеет четкую структуру: Президент, Совет директоров, Исполнительный комитет. Должность президента с 2008 года и по сей день занимает канадский юрист Евгений Чолий. Стоит заметить, что Всемирный конгресс украинцев является головной организацией и включает в себя конгрессы украинцев в различных странах. Например, в его состав входят конгрессы украинцев Канады, Италии, Бельгии, Германии, Франции и др.

Всемирный конгресс украинцев имеет официальный сайт, на котором достаточно подробно изложены цели данного Конгресса. Приведем лишь некоторые из них:

— «представление и защита интересов украинцев»⁵. Отметим, что на практике Всемирный конгресс украинцев оправдал данную цель. В качестве примера приведем следующую информацию: в 2010 году Верховный суд России удовлетворил иск Министерства юстиции РФ, которое добивалось роспуска Федеральной национально-культурной автономии украинцев России в связи с «выявлением нарушений в хозяйственной деятельности».

В ответ на это последовала реакция Всемирного конгресса украинцев, который не замедлил обратиться к верховному комиссару ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй, директору Бюро демократических институтов и прав человека ОБСЕ Джанезу Ленарчику, верховному комиссару по делам национальных меньшинств Кнуту Воллебеку, комиссару Совета Европы по правам человека Томасу Хаммарбергу, в Европарламент, а также в правозащитную организацию «Международная амнистия». В обращении сообщалось, что «Мировой конгресс украинцев призывает международное сообщество отреагировать на недопустимые действия России и срочно принять решительные меры, чтобы защитить человеческие и национальные права украинского национального меньшинства в России»⁶.

По мнению Всемирного конгресса украинцев, роспуск организации украинцев России повлечет за собой осложнение и так непростых отношений с Россией;

— «создание международной сети организаций, которые бы способствовали развитию и поддержанию украинского национального самосознания, языка, культуры»⁷. С этой целью периодически проводятся съезды, собрания. На одном из таких собраний Европейский конгресс украинцев разработал проект оказания содействия в организации выставок художников украинского происхождения в Венгрии. Кроме того, при их поддержке планировалось проводить различные стажировки представителей творческой интеллигенции Тернополя в Европе с целью распространения украинской культуры на Западе. Представители данного конгресса активно обсуждают языковую политику, роль русского и украинского языков и их место в украинском обществе.

Законопроект 2012 года предполагал повышение статуса негосударственных языков на Украине. Прежде всего, данный законопроект касался русского языка. Представители ВКУ направили письмо В. Януковичу с просьбой не подписывать этот законопроект. Они аргументировали свое решение тем, что «законопроект противоречит конституции и представляет угрозу для положения украинского языка в стране»⁸. Более того, представители ВКУ обратились к истории и ссылались на то, что «на протяжении нескольких столетий господства в Украине царской и советской империй русский язык насильно внедрялся во все сферы государственной и социальной жизни и одновременно вытеснял из употребления родной язык украинского народа, который в свою очередь испытывал жестокие притеснения и репрессии»⁹. Однако данное заявление не отражает реальной ситуации. Существуют противоположные мнения, подтверждающие, что при советской власти, напротив, развивался украинский язык;

— «способствовать положительному отношению к украинцам и их государству»¹⁰;

— «защита прав украинцев в соответствии со Всеобщей декларацией Прав человека»¹¹.

Однако отметим, что в заявленных целях не говорится о способствовании вхождению Украины в Евросоюз, о влиянии на политическую ситуацию на Украине. Тем не менее, члены Всемирного конгресса активно выступают за евроинтеграцию Украины. Как отмечал глава конгресса Евгений Чолий, «если Украина станет членом Таможенного Союза, в котором доминирует Россия, то это существенно подорвет суверенитет Украины»¹². В своих выступлениях, говоря об украинской диаспоре, он неоднократно подчеркивал, что «самое главное сохранять украинскую идентичность, помогать Украине в евроинтеграционных процессах»¹³. Именно это, по его мнению, позволит Украине построить на своей территории правовое государство, соответствующее стандартам мирового сообщества. Более того, выступая на X Конгрессе Всемирного конгресса украинцев, Чолий отметил, что «СКУ твердо убежден, что скорейшая интеграция Украины в Европу крайне необходима! Главное потому, что она является лучшим залогом независимости Украины, которая сегодня находится под угрозой. Вместе с этим евроинтеграция поможет

Украине установить более сбалансированные и равноправные отношения с Россией»¹⁴.

Рассматривая заявленные цели, с уверенностью можно сказать, что деятельность ВКУ отвечает интересам не всех украинцев, а лишь проживающих на западных территориях или поддерживающих европейский путь развития Украины. А как же украинцы, проживающие на Востоке, где больше прослеживается влияние русской традиции? По национальности они относятся к украинцам и являются носителями также и украинской культуры.

Как уже отмечалось выше, одной из составляющих Всемирного конгресса украинцев является Европейский конгресс украинцев. Изначально он больше представлял интересы русинов. Об этом свидетельствует тот факт, что первый конгресс прошел в Межилаборце в 1991 году под руководством Председателя ЕКУ П. Магочия. Представители данного конгресса видели свою цель во взаимодействии с национальными правительствами тех стран, в которых проживают русины, тем самым добиваясь признания национальной культуры и прав закарпатских русинов. В дальнейшем их деятельность распространилась на всех украинцев, а не только на жителей Западной Украины, хотя последние всё же оставались приоритетом.

Однако если в других странах ЕКУ признан правительствами, то на территории Украины он не получил поддержки. Так или иначе, конгресс не справлялся со своими задачами, о чем и упомянул русинский историк И. И. Поп. Как он отметил, «Мировой Конгресс Русинов деградировал до уровня организатора фольклорных фестивалей»¹⁵. Позднее сам глава Всемирного конгресса украинцев Магочий с ним согласился. Возможно, это и повлияло на вхождение данного конгресса в рамки Всемирного конгресса украинцев.

Отметим, что в последнее время ВКУ становится все более популярным. Если раньше СМИ изредка писали о деятельности данной организации, то нынешние газеты изобилуют информацией. Скорее всего, это вызвано активной деятельностью ВКУ, который интересуется нынешним положением Украины. Этот интерес более активно проявился в 2013 году, о чем свидетельствуют многочисленные обращения к Президенту В. Януковичу.

Еще в 2013 году представители Всемирного конгресса украинцев призывали В. Януковича подписать Соглашение об ассоциации с ЕС. Как они отмечали, «Всемирный Конгресс Украинцев (ВКУ) приветствует украинский народ и заявляет, что и дальше будет поддерживать демократизацию и евроинтеграцию Украины»¹⁶.

После отставки Януковича, ВКУ поддерживал те силы, которые способствовали вхождению Украины в ЕС. Представители ВКУ наблюдали за выборами Президента и отметили, что они проходили по европейским стандартам, хотя и имели нарушения. Сейчас ВКУ активно интересуется ситуацией на Украине. В частности, Всемирный конгресс украинцев поддержал решение Президента Порошенко «о возобновлении антитеррористической операции на востоке Украины»¹⁷. Кроме того, конгресс неоднократно обращался в НАТО с просьбой оказать военную помощь Украине. По словам Е. Чолия, «в интересах глобального мира и безопасности НАТО и ее государства-участники должны предоставить Украине военную технику, необходимую для отпора постоянной агрессии России, которая упрямо нарушает свои основные международные обязательства»¹⁸. Также в июне 2014 года прошла встреча Президента Порошенко с президентом ВКУ Е. Чолием и президентом Конгресса украинцев Канады П. Гродом. На данной встрече рассматривался вопрос о сотрудничестве и поддержке украинской диаспоры за рубежом. Первостепенной задачей было поставлено, как отметил Порошенко, «сохранение территориальной целостности государства, взаимодействие с мировым украинством»¹⁹. Однако ведение военных действий в Восточной Украине продолжается и стремление к миру и порядку на деле не проявляется. Исходя из вышесказанного можно отметить, что ВКУ сейчас, в большей степени, занят решением политических проблем, нежели культурных. Заявленные цели расходятся с действительностью.

Мы рассмотрели деятельность Всемирного конгресса украинцев, который, по сути, состоит из эмигрантов. Однако на Украине существует свой конгресс украинцев, который был создан в 1995 году в Киеве. Конгресс украинской интеллигенции (КУИ) представляет собой общественную организацию. Сами участники конгресса определяют его как массовое объединение,

хотя о массовости данного движения можно говорить лишь в таких городах как Киев, Львов и Харьков.

Состав КУИ достаточно пестрый: это представители различных политических партий, религиозных течений, деятели культуры, представители женских и молодежных организаций, государственных учреждений, предприниматели, финансисты, бизнесмены, в целом широкие слои интеллигенции. Один из создателей конгресса, Иван Драч отмечает: «Конгресс украинской интеллигенции развивается все динамичнее, пополняясь теми, для кого интеллигентность является не только признаком высшего образования, но и состоянием души»²⁰. Как подчеркивают его лидеры, Конгресс украинской интеллигенции — это именно общественное движение, которое никак не может быть приравнено к политической партии. По их словам, не стоит считать КУИ каким-то сверхпартийным образованием или, наоборот, пристройкой к политическим партиям. Конгресс украинской интеллигенции, согласно декларациям его руководителей, не делает акцента в сторону какой-либо одной политической партии и в целом не ориентируется на политические партии.

По словам Ивана Драча, конгресс ставит перед собой большие задачи: защищать права человека в Украине и развивать гражданское общество, в котором права человека будут высшей ценностью, он призывает народ объединиться и начать совместно работать на благо Украины. Но что подразумевается под благом?

Конгресс проводит активную деятельность по восстановлению и укреплению украинского языка и развитию украинской культуры. На Форуме в 2008 году проходило обсуждение концепции гуманитарного образования, после чего при содействии интеллигенции обсуждения состоялись и в ряде других городов.

Заметим, что цели Конгресса украинского народа схожи с целями Всемирного конгресса украинцев с той лишь разницей, что последние защищают права всех украинцев, а первые — права лишь тех, кто проживает непосредственно в самой Украине. Оба конгресса ставят целью культурное развитие и выдвигают эту цель на первый план, по факту же, проблема развития культуры становится второстепенной после решения политических задач. Также отметим повышенный интерес данных конгрессов к евроинтеграции. Однако Конгресс украинской интеллигенции

менее затрагивает эту проблему. Он, в большей степени, направляет свою деятельность на поиск нового пути развития Украины, но пути самостоятельного, с использованием европейского опыта. Всемирный же конгресс выступает за полную евроинтеграцию и статус Украины как европейского государства.

Если же говорить в целом о деятельности конгрессов, то, на наш взгляд, их деятельность носит только декларативный характер. Кроме того, конкретных мер, проектов, программ интеллигенция не внедряла. В основном интеллигенция зорко следит за событиями и дает им оценку. Поэтому отвечая на вопрос, поставленный в начале нашей статьи, отметим, что деятельность конгрессов не настолько эффективна, насколько они заявляют.

Примечания

- ¹ Откровенное письмо Ивана Франко к галицкой (галицко-украинской) молодежи, 1905 г. URL: <http://constitutions.ru/?p=9102> (дата обращения: 07.10.2014).
- ² *Бабуца М. Н.* Факторы сохранения этнического самосознания украинцев в Канаде // Вестник Томского гос. ун-та. 2007. № 300 (III). С. 50.
- ³ Ukrainian World Congress. URL: <http://www.ukrainianworldcongress.org/index.php/id/600> (дата обращения: 07.10.2014).
- ⁴ Світовий Конгрес Українців (СКУ). URL: <http://www.ukrros.info/diaspora/detail.php?ID=363> (дата обращения: 07.10.2014).
- ⁵ Ukrainian world congress.
- ⁶ Украинцы пожаловались Европе на Россию. URL: <http://minprom.ua/articles/59994.html> (дата обращения: 07.10.2014).
- ⁷ Ukrainian world congress.
- ⁸ Всемирный конгресс украинцев о русском языке. URL: <http://lenta.ru/news/2012/07/06/ask/> (дата обращения: 07.10.2014).
- ⁹ Всемирный конгресс украинцев просит не трогать украинский язык. URL: http://lb.ua/news/2012/06/03/154445_vsemimiy_kongress_ukraintsev_prosit.html (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁰ Ukrainian world congress.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Мировой конгресс украинцев : европейская интеграция — ключ к независимости Украины. URL: <http://aznovosti.com/yekonomika/mirovoi-kongres>

- ukraincev-evropejskaja-integracija-klyuch-k-nezavisimosti-ukrainy.html (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹³ Президентом Всемирного конгресса украинцев вновь избран Евгений Чолий. URL: <http://www.rbc.ua/rus/news/society/prezidentom-vsemirnogo-kongressa-ukraintsev-vnov-byt-izbran-22082013193800> (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁴ *Чолий Е.* Евгений Чолий про евроінтеграцію, українсько-російські відносини та 20-мільйонну українську діаспору. URL: <http://www.xn--80adtvmi8c.com.ua/svitovyj-kongres-ukrajinciv/4669-evhen-cholii-pro-ievrointehratsiiu-ukrainsko-rosiiski-vidnosyny-ta-20-milionnu-ukrainsku-diasporu.html> (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁵ *Гегальчий А.* Два конгресса. Подкарпатская Русь. История одного сепаратизма. Русинский мир пережил два очередных «всемирных» конгресса, следовавших практически друг за другом. URL: <http://www.apn.ru/publications/article29821.htm> (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁶ Диаспора призвала Януковича подписать Соглашение с ЕС. URL: http://lb.ua/news/2013/11/26/242756_diaspora_prizvala_yanukovicha.html (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁷ Всемирный конгресс украинцев поддержал возобновление АТО на Донбассе. URL: <http://obozrevatel.com/politics/13058-vsemirnyij-kongress-ukraintsev-podderzhal-vozobnovlenie-ato-na-donbasse.htm> (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁸ Мировой конгресс украинцев призвал НАТО оказать военную помощь Украине. URL: http://society.lb.ua/accidents/2014/06/17/270029_mirovoy_kongress_ukraintsev_prizval.html (дата обращения: 07.10.2014).
- ¹⁹ Порошенко пообещал диаспоре партнерство. URL: http://www.ukrinform.ua/rus/news/poroshenko_poobeshchal_diaspore_partnerstvo_1640650 (дата обращения: 07.10.2014).
- ²⁰ *Самойленко Л.* Формула КУИна. URL: http://gazeta.zn.ua/ARCHIVE/formula_kuina.html (дата обращения: 15.07.2014).

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)614

К. А. Юдин

РЕПРЕССИВНАЯ ПОЛИТИКА СТАЛИНСКОГО РЕЖИМА В ОТНОШЕНИИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 1930-е гг.: МЕТОДЫ И ПРАКТИКА*

Борьба с инакомыслием, курс на максимальную, тотальную идейно-политическую унификацию общества и создание единой аксиологической матрицы коммунистического мировоззрения можно рассматривать как имманентные, изначально внутренне присущие советскому политическому режиму системно-стратегические основания. С момента свершения Октябрьской революции большевики приступили к стягиванию силового поля политического контроля и формированию обширной сети репрессивно-карательных, цензурно-осведомительных ведомств, призванных обеспечить утверждение новой власти, поставившей целью осуществление «культурной революции» в самом широком смысле. Это предполагало «модернизацию», а на деле — коренную ломку культурно-исторического, экономического уклада, образа мысли и действия. В первую очередь, эти агрессивные установки были обращены против интеллектуальной элиты, интеллигенции и тех ее конкретных

© Юдин К. А., 2014

Юдин Кирилл Александрович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и культурологии Ивановского государственного химико-технологического университета. yudin-kir88@yandex.ru

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

представителей, которые обладали высоким уровнем духовного иммунитета от прививаемого и насаждаемого идеологического дискурса, зависящего от воли «генеральной линии партии».

Уже в первые годы существования советской власти репрессии против интеллигенции приобрели масштабный характер. Известный «философский пароход», на котором были депортированы за границу философы, писатели, общественные деятели, изначально не воспринимался как отдельная акция нетерпимости, а приобрел собирательное значение целенаправленного подавления самостоятельности и альтернативности мышления, творчества. Проблемы противостояния власти и интеллигенции в этот период времени не прошли незамеченными в литературе. Это труды В. А. Беляева, Е. Е. Дегтярева, Л. Н. Когана, А. Е. Корупаева, В. А. Куманева¹, применительно к реалиям сталинизма — работы Б. В. Ананьина, В. С. Брачева, Ю. В. Кривошеева, С. Н. Филимончик, А. Н. Цамутали и др.² В них отражена суровая обстановка травли, насаждения и эскалации идейного противостояния, в буквальном смысле дрессировка рабоче-крестьянского населения советской России в духе ненависти к «паразитам», в большинстве своем «гнилым интеллигентам», якобы призывающим народ смириться с самодержавно-крепостническим порядком «старой» России и его атавизмами. Об этом писал еще В. И. Ленин, отмечая, что «главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником Советской власти»³.

В 1930-е гг. в период утверждения диктатуры И. В. Сталина методология контроля за устроениями граждан достигает своего совершенства. Сталинизм начинает выступать как обеспеченная разветвленным инструментарием (идеологическим и институциональным) система, «тяготеющая к максимальному установлению контроля над информацией в интересах целенаправленного манипулирования человеческими ресурсами»⁴. Идеологическая сегрегация, конструирование нужного Сталину информационного поля протекали как форсируемая *энтропия* — *контролируемый «хаос»*, искусная социальная инженерия, управление общественным сознанием и векторами социальной активности с помощью «сигналов-вызовов», исходящих от органов партийно-государственной власти и каналов распространения — периодической печати, корпуса массово-политических организаций —

профсоюзов, пионерско-комсомольских структур, всевозможных объединений «добровольного содействия». Все институциональные инструменты регистрировали по своим информационным сетям отношение к режиму и устанавливаемым им поведенческим координатам, производили индексацию степени «политической благонадежности» или наоборот — враждебности.

Тем самым, в ходе подобной перманентной социальной мобилизации⁵, основанной на генерировании обстановки идейно-политической напряженности, фокусируемой вокруг кампаний разного масштаба (от коллективизации и индустриализации, ставших основой и главным содержанием «развернутого наступления социализма по всему фронту»⁶, до государственных займов, «стахановского движения», избирательных кампаний в советские учреждения), успешно достигалось размывание социальной цельности, завершалась режиссура *онтологического конфликта* — демаркация на «своих» и «чужих», подмена личностного бытия и персональных когнитивных установок готовой матрицей «коллективного разума» (партийной догматикой) и ее конъюнктурными модификациями. В этом проявлялась практически в чистом виде философия «свершившегося факта» — оправдание любых изменений независимо от права на существование этих модусов бытия. В результате историзм как основополагающий принцип — ориентир познания, призванный раскрыть все спектры становления и развития, превращался в *историцизм* — автоматическую легализацию насаждаемой ирреальности и ее конфигураций, по сути, в чистое *гипостазирование* — выведение фактов из абстракций, правильности «линии партии» из уже свершенного факта-произвола⁷. Важной составляющей этой системы выступал обширный арсенал политических ярлыков (троцкиста, правоуклониста, «социально чуждого элемента», «врага народа», вредителя-двурушника и т. п.), как правильно замечает Т. Г. Леонтьева, эмоционально окрашенных, но намеренно обезличенных, составивших новую иерархию «чужих», изоморфных народным образам нечистой силы⁸.

Это сложилось в ходе длительной эволюции «традиции» унижения политических оппонентов в период революционного лихолетья, что сопровождалось внедрением различных фобий: этнических, конфессиональных, интеллектуальных — «спецеество», ис-

коренение «буржуазного интеллектуализма» и интеллигентофобия как таковая, подпитываемая идеологией «классовой борьбы» и производных из нее антагонизмов, имплантация непримиримости интересов «пролетария-труженика» и потенциального духовного контрреволюционера, интеллигента-теоретика, якобы подменяющего подлинную свободу, даруемую эпохой «строительства социализма» — «свободой фракционной склоки интеллигентских групп»⁹. Единственное, на что мог претендовать интеллигент в системе сталинизма — фигурировать в качестве представителя воображаемой «прослойки» между двумя классами в мифическом единстве при «стирании классовой исключительности», якобы достигнутом к 1936 г.¹⁰ Созданные на основе многообразных дискриминационных процедур и практик социально-учетные категории «не оправдавших доверия партии» становились базой для репрессивных действий¹¹.

Всю эту изощренную методологию испытала на себе региональная интеллигенция. Сбор компрометирующих материалов в отношении научно-педагогических работников Ивановской области начался еще в первой половине — середине 1930-х гг., когда волнения рабочих по причине кризиса снабжения в ИПО в 1932 г. были увязаны с вызревaniem «правого оппортунизма», в котором был обвинен первый секретарь обкома Н. Н. Колотилев. А всему руководству обкома было направлено грозное письмо, в котором говорилось: «Партийные, советские и профсоюзные организации проглядели, что у них под боком остатки контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, а также изгнанные из рядов большевистской партии троцкисты свивают гнездо и организуют выступления против партии и Советской власти»¹². Уже тогда органы государственной безопасности, партийного и внутрипартийного контроля (ЦКК — РКК, а затем Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП (б)) начали «оперативно разрабатывать» фигуру руководителя кафедры социально-экономических дисциплин Ивановского политехнического техникума В. Н. Астрова, который 18 февраля 1933 г. был арестован в Москве и 23 апреля этого же года приговорен особым совещанием при коллегии ОГПУ к 3 годам заключения за участие в «контрреволюционной организации правых». В июне 1934 г. он был досрочно освобожден и отправлен в ссылку в Воронеж, которая 16 февраля 1936 г. была заменена на «минус 40». После так назы-

ваемого первого «московского процесса» августа 1936 г., ставшего катализатором подготовки к массовым политическим репрессиям, Астров был вновь арестован для предоставления более убедительных показаний о наличии «правого заговора» на территории Ивановской области. На допросе, произведенном в конце 1937 г., Астров вдруг «вспомнил», что уже в течение 1929—1933 гг. занимался активной вербовкой «контрреволюционного актива» — «сгруппировал вокруг себя сочувствовавших правых преподавателей ивановского комвуза и политехникума»¹³ — Богданова, Аболина, а также Башенкова и Большакова. Они и составили, вместе с другими влиятельными правыми оппозиционерами — Слепковым и Углановым, принимавшими непосредственное участие в руководстве группы в Ивановской промакадемии, один из крупнейших периферийных «филиалов»¹⁴ организации сторонников «бухаринской школы», использовавших академическую площадку, условия научной и педагогической работы для связи «с центром правых» в Москве и одновременно как маскировку террористической деятельности против Сталина и других вождей партии.

Стоит отметить, что на этот же период времени приходится прошедшие в несколько этапов (1929—1933 гг.) «чистки» Ярославского пединститута (ЯПИ). В частности, в 1931 г. ОГПУ арестовало «контрреволюционную группу» во главе с профессором Бочкаревым, участники которой — преподаватели Покшишевский, Полосин, Синодов, «прикрываясь краеведческими задачами, ставили себе целью свержение советской власти». В это же время, в конце 1931 — начале 1932 г. бюро Ярославского ГК разбирало дело доцента института Соколова и студентов Кирсанова, Беликова, Бурьяноватого, Мосичева, уличенных в «протаскивании троцкистских установок» о «невозможности построения социализма в отдельно взятой стране». В 1932—1933 гг. была обнаружена вторая «контрреволюционная группа» во главе с профессором Шестаковым, а в конце 1933—1934 гг. городской отдел ОГПУ выявил «контрреволюционную группу фашистского толка» (Российская национальная партия) среди преподавателей русского языка и литературы, а также была разоблачена «троцкистская группа», якобы возглавляемая руководителями кафедр диалектического материализма и философии Г. С. Астафьевым и Г. С. Бодухиным¹⁵.

Следствием этого стали серьезные изменения в организации научно-педагогического пространства — историческое отделение ЯПИ в 1934 г. было переведено в Ивановский пединститут, а экономическое полностью закрыто¹⁶. С конкретных персон и их окружения тень «политической вины» планомерно перемещалась в дальнейшем на всю область и ее научную интеллигенцию. Проводилась, по удачным выражениям А. Блюма и М. Веспуле, «инструментализация фактов в репрессивных целях»¹⁷, исходящая из «криминализации повседневности»¹⁸, — использование биографических данных, личных, служебно-профессиональных связей и даже сведений о пребывании в условиях «вражеского окружения» и любых видах соприкосновения с его «наследством» в качестве основания для привлечения к партийно-политической ответственности.

Уже в период кампании проверки и обмена партийных документов, проводившейся весной 1935 — осенью 1936 г.¹⁹, был нанесен уверенный удар, который лег на подготовленную почву: наблюдалась эскалация критики в адрес работников массово-пропагандистской сферы, «партийной интеллигенции» с планомерным восхождением к сотрудникам вузов области. Это случаи с разоблачением «протаскивания троцкистской пропаганды» работниками парткабинета Костромского ГК Г. А. Мухина, методиста Попова, консультанта по истории партии Касаткина, использовавших на выставке, посвященной годовщине смерти Ленина, «контрреволюционную литературу»²⁰; во Владимирском районе — «дело» заведующего отделом образования (райОНО) Зворыкина²¹, якобы посмеявшегося усомниться в непримиримости вождей к оппозиции и поэтому обвиненного в «идеологических извращениях» — «замазывании» «роли товарища Сталина в борьбе за победу социализма, за единство рядов ВКП (б)», в сознательном выхолащивании эпизодов «борьбы Ленина с оппортунизмом во II Интернационале, борьбе его с Каменевым и Зиновьевым»²².

Все эти факты, а также многочисленные проявления «семейственности и групповщины», впоследствии объявленные Сталиным на февральско-мартовском пленуме 1937 г. одним из главных пороков²³, были зафиксированы в специальной докладной записке «О выполнении решения ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 23.06.36 “О работе высших учебных заведений и руководстве

высшей школой» в текстильном, педагогическом, медицинском и энергетическом институтах г. Иванова», составленной заместителем уполномоченного КПК при ЦК ВКП (б) по Ивановской области Н. А. Афанасьевым в декабре 1936 г. и адресованной члену/секретарю партколлегии (а фактически — заместителю председателя) КПК при ЦК ВКП (б) М. Ф. Шкирятову²⁴.

Весной — летом 1937 г., как раз в период завершения учебного года, началась атака на учебные заведения области и их работников. Первым объектом критики стал Ивановский сельскохозяйственный институт, директор которого, П. М. Плешков, был обвинен в «мелкобуржуазной распушенности» при расходовании государственных средств, а также в препятствии разоблачению «врагов народа» и «социально чуждых элементов». В числе последних фигурировали: преподаватели Ярославцев и Порицкий, «ученик кулацкого идеолога Дояренко» профессор Лобанов, доцент Головейко, также признавшийся в «протаскивании кулацкого, антигосударственного тезиса» в одной из своих работ, где он осмелился признать оставшуюся после «удовлетворения нужд совхоза» продукцию — товарной²⁵.

В оперативно-следственных материалах НКВД содержались сведения о том, что в Ивановском медицинском институте якобы существовали две антисоветские группы из профессорско-преподавательского состава, очевидно, обнаруженные после снятия с работы директора Плонского, «окружавшего себя подхалимами и третировавшего научных работников»²⁶. Первая включала: «1. Зазыбина — профессора, ученика и последователя профессора Колосова, расстрелянного в 1931 году, [Зазыбин] считает возможным расцвет науки лишь при политическом строе, идентичном западноевропейским странам. О Зазыбине имеются такие показания: “В одной из бесед со мной он констатировал свои, как он выражался, многолетние наблюдения о непригодности пролетарской молодежи освоить и углубляться в тонкости науки, что он связывает с дифференциацией по наследству мозговых клеток в сторону деградации их в условиях грубого физического труда, наука при всяких условиях останется привилегией наследственного ума интеллигента... Советский демократизм представляется ему отстающим от демократизма западных политических стран...” (Из показаний арестованного профессора Ермилова).

2. Кимбаровского — профессора, антисоветски настроенного, любителя контрреволюционных анекдотов, рассматривающего клинику и кафедру как средство для карьеры. 3. Глеклера — профессора, сына немца, колониста, антисоветски настроенного, выпячивающего свою аполитичность. 4. Плитас — профессора, грека по национальности, принявшего советское подданство в 1935 году с антисоветскими убеждениями. 5. В этой группе состоял профессор Алексеев, арестованный в 1938 году за антисоветскую деятельность, осужден к ВМН. Во главе этой группы стоял профессор Зазыбин, который в 1936—1937 гг. в институте создал своеобразное “землячество”, перетащив на работу в Иваново из Ростова ряд “своих людей” (Ицепко, Сидоров, Мильченко), приблизившего к себе политических единомышленников из местных людей. В этой среде Зазыбин внедряет контрреволюционную теорию о неприспособленности студентов из рабоче-колхозной среды к восприятию науки, недоразвитости их мозгового аппарата как, якобы, значительно атрофированного физическим трудом. Все участники группы являются сторонниками изменения существующего политического строя в стране.

Участниками второй группы являлись: «1. Бродский Я. Ф., профессор, по сведениям — в прошлом якобы был лидер ростовских меньшевиков; 2. Якобсон — профессор; 3. Злотников — профессор, причем к ним же по своей деятельности примыкает профессор Глеклер». Все эти лица, как далее говорилось в докладной записке, «прикрываясь лозунгом “борьбы за качество учебы”, а на самом деле — исходя из усвоенной ими контрреволюционной теории о неприспособленности студентов из рабочих к восприятию науки, участники группы ведут поход [против] пролетарского студенчества, стремясь к отсеву его из института. Экзамены превращают в виртуозные издевательства над студентами, создают обстановку, исключающую возможности нормального и спокойного труда, усиливают рост задолженности по экзаменам, искусственно вызывая отсев рабочей молодежи...»

И в конце давалась заключительная характеристика, составленная на основании изучения «политических физиономий» всех работников института. Исходя из этого была установлена «засоренность профессорско-преподавательского состава: из 140 профессоров и преподавателей института 61 чело-

век являются чуждыми советской власти по происхождению или имеющими репрессированных близких родственников и т. п. Например: лиц, служивших в белой армии — 2; бывших офицеров царской армии — 1; лиц, проживающих за границей или сохранивших связь с заграницей — 7; лиц, проходивших по показаниям арестованных как участники контрреволюционных организаций и групп — 8; исключенных из ВКП (б) — 3; членов антисоветских политических партий — 1; имеющих репрессированных близких родственников — 6; дети торговцев, фабрикантов — 6; дети попов — 11; антисоветчики (по агитационным данным) — 16»²⁷.

Выписка из протокола № 21 заседания бюро Октябрьского РК ВКП (б) от 13 октября 1937 г. гласила: «Установлено, что на протяжении длительного времени в [Ивановском химико-технологическом] институте, вследствие потери и притупления революционной бдительности, орудовали враги народа — троцкисты и правые реставраторы Минаев, Филиппов, Светлянов и др. В результате чего учебно-производственный план был сорван, а зачетная сессия 1936—1937 гг. провалена...». И далее: «Скудра [Геберт-Карл Ансович], будучи директором, не только не проявил большевистской бдительности в разоблачении вредительской деятельности Минаева, но и создавал все условия для его вредительской деятельности. Скудра, будучи близко связанным с бывшим директором промакадемии Виноградовым, своевременно не принял мер к его разоблачению... Находясь в окружении классово-чуждых людей и под их влиянием Скудра не только не принимал решительные меры к борьбе с контрреволюционными настроениями некоторых студентов и преподавателей, а смазывал, стараясь их скрыть. Например: выступление руководителя кафедры немецкого языка Ансен, утверждавшего, что русский язык варварский, не имеющий под собой научной основы. Также не были сделаны решительные осуждения заявления доцента Грушки, заявившего, что “ставка ЦК и СНК о высшей школе по вопросу самостоятельной работы студентов — бита”. Совершенно не было принято мер по контрреволюционному заявлению студентов в феврале 1935 — Ваулиным, Моревым и студентом Смирновым, который в феврале 1937 г. заявил, что “колхозы разоряют деревню”»²⁸.

Райком утвердил решение парторганизации Химико-технологического института. Г. А. Скудра за «двурушничество и пособничество во вредительской деятельности врагу народа [В. И.] Минаеву» был исключен из партии, что санкционировал Ивановский обком ВКП (б)²⁹. Далее в деле присутствует сообщение, содержащее сведения о В. И. Минаеве, являвшемся в то время доктором химических наук, профессором, заместителем директора по научной и учебной работе и руководителем (заведующим) двух кафедр одновременно — органических красителей и волокнистых веществ и кафедрой химической технологии волокнистых веществ. В заявлении на имя секретаря обкома Д. С. Епанечникова, составленном неким Федоровым, который, очевидно, был ближайшим коллегой Минаева и потенциальным претендентом на самостоятельное руководство (его фамилия фигурировала в партийных характеристиках на работников института), сообщалось, что вся кафедра у Минаева состояла из «бывших», несколько лет в институте находились лидеры-троцкисты — Н. В. Михайлов, Харнак, а также преподавали лидеры правых — Астров, Богданов, которые «можно с уверенностью сказать, что после [себя] оставили следы», а самому Минаеву «верховный правитель России» Колчак предлагал пост министра просвещения³⁰.

Подобная ситуация создалась и в Ивановском педагогическом, энергетическом и текстильном институтах. В фонде уполномоченного КПК по Ивановской области сохранилось заявление, написанное старшим научным сотрудником ИГПИ А. Ткаченко, датированное 8 октября 1937 г. В нем сообщалось: «Деятельность директора Ивановского педагогического института Степанова, заведующего учебной частью Иванова, секретаря парткомитета Семиковой — яркий пример политической немощи, потери бдительности. Они благодушно созерцали, как разоблаченные Манфред, Зеленский, Лapidус — развалили работу кафедр всеобщей истории, истории СССР, диалектического материализма, отказывались от политической воспитательной работы среди студентов. Относясь подхалимски к работникам института, применяя к ним в качестве методов руководства жалкое упрашивание, уговоры и заискивание, руководство института развратило этих руководителей кафедр, примиренчески потворствуя их саботажу в деле разоблачения среди студентов и преподавателей контрреволюционных тео-

рий врагов народа на историческом и философском фронтах, потворствуя их вредительской деятельности в роли руководителей кафедр». «Эти “столпы” науки, — возмущался Ткаченко, — никак не смогли, несмотря на упрашивания (около 3 часов) Степанова, найти время для прочтения студентам первой темы курса Конституции “Сталин — творец новой Конституции СССР”, отказываясь принять участие в чтении самого курса. Только решение соответствующих организаций о Зеленском, Лапидусе, Манфреде заставило востепениться этих жалких руководителей, политических слепцов и освободить институт от упоминаемой тройки...»³¹

В опасности оказались не только историки, но и будущий академик АН СССР, а тогда — молодой преподаватель математики А. И. Мальцев, в отношении которого Ткаченко напомнил, что тот поместил статью в «фашистском журнале»³². Мы видим, что Ткаченко выступал настоящим «героем»-разоблачителем, очевидно стремившимся решить одновременно две задачи: 1) прагматичную — повлиять на свое материальное и социальное положение, продемонстрировав «политическую бдительность», с помощью искусной мимикрии под преданного коммуниста повысить шансы на карьерный рост и неуязвимость для репрессивных атак; 2) реализовать собственные морально-психологические побуждения, навеянные реальной идеологической индоктринацией, естественным конформизмом, — осуществить принципиальную тщеславную самопрезентацию, заключающуюся в извращенном на грани психической девиации удовлетворении от использования возможности сопричастия к верховной власти и исходящим от нее вызовам и мобилизациям, содержащим провокации на содействие репрессиям в замаскированном под выполнение «социального долга» виде.

Не имея возможности достоверно, вернее — однозначно, установить преобладание того или иного мотива, тем не менее, осмелимся предположить, что правовая оценка ситуации должна разрешиться не в пользу Ткаченко. Он должен был понимать, даже если действительно стремился улучшить положение в институте и несправедливо был загружен «второстепенной работой», о чем он сообщает, какие суровые и не адекватные степени реальной вины последствия могут наступить для лиц, подвергаемых беспощадной критике в соответствующей духу времени ри-

торике, учитывая внушительные масштабы разоблачений, вдохновленных всё более усиливающейся мнительностью Сталина, заставлявшего принимать в расчет даже показания психически больных людей, требуя от КПК и НКВД тщательной проверки любых сведений по принципу: «...если будет правда хотя бы на пять процентов — то и это хлеб»³³. Об этом времени, разворачивающейся пружине механизма репрессивных атак, настоящей бомбардировке компрометирующими материалами по следам любых лично-профессиональных связей, вспоминала вдова А. З. Манфреда, Н. В. Кузнецова: «После окончания аспирантуры он был направлен на работу в Ярославль и Иваново — и там заведовал кафедрой. Насколько я помню, А. З. рассказывал, что работал вместе с ним Михаил Шиманский³⁴. В партию тогда принимали не сразу — сначала человек считался сочувствующим, потом — кандидатом и, наконец, членом ВКП (б). Шиманский дал А. З. рекомендацию для вступления в партию, но потом был арестован. Стали забирать и тех, кто имел к Шиманскому какое-либо отношение. Когда стало понятно, что дело начинают раскручивать, А. З. отправился к Н. К. Крупской с просьбой о переводе его на работу в другой город. Надежда Константиновна отнеслась к А. З. очень благосклонно. В беседе с ним она поняла, что перед нею серьезный ученый, человек, у которого семья и которому надо помочь. Она направила его на работу в Якутск. Он туда приехал на кафедру Новгородова, который потом в Московском областном пединституте работал. Новгородов его хорошо принял, но тут пришли следом документы по делу Шиманского. А. З. арестовали и отправили обратно по Лене пароходом. Привезли в Москву, потом — во Владимир. От него хотели получить показания по делу Шиманского, пытались и его самого обвинить как “врага народа”. А. З. мне рассказывал, в каких ужасных условиях находился: про камеры, где от лежащих людей не видно пола, про то, как давали папиросы, но не давали спичек, или давали спички, но не давали папирос, давали селедку, но не давали воды. Его привезли, кажется, в Лефортовскую тюрьму, затем переправили во Владимир, и он просидел, наверное, около года во Владимирском центре...»³⁵

В этом же месяце, в октябре 1937 г. был исключен из партии директор Ивановского энергетического института П. С. Бо-

родыня, обвиненный в «покровительстве врагам народа» и их «вредительской деятельности», наказанный за «антисоветскую агитацию» и «отсутствие борьбы с социально-чуждыми элементами», в числе которых оказались преподаватели А. Ф. Папэ, Декусар, Белоусов, В. В. Сушков, Аспен, Фиминков, М. С. Масленников, А. М. Киселев. Как выяснилось, «следствие вредительской работы показало прорыв в учебной работе, процент условно переведенных на следующие курсы превышает 60 %»; кроме того, сам П. С. Бородыня «явно способствовал в проведении теории, что “классовые враги есть опасные и неопасные, малые и большие”»³⁶. Параллельно по линии КПК проводилась проверка работы Ивановского текстильного института, порученная ответственному контролеру КПК при ЦК ВКП (б) по Ивановской области И. А. Хорькову, который выяснил, «что в результате вредительской деятельности врагов народа, долгое время орудовавших в институте (Сопов — бывший зам. директора, Удалов, Виноградов — преподаватели), институт на протяжении последних лет из года в год приводится в упадок...». В этом сотрудник КПК И. А. Хорьков винил, аргументируя обоснованность претензий поступившими «сигналами»³⁷, уже действующего директора института Канатьева, который «не принял мер по ликвидации последствий вредительства... а оппортунистическое благодушие и беспечность, проявленные директором, объективно способствовали гнусной работе врагов...»³⁸. Это выражалось, в частности, в констатации хронического отставания института в деле подготовки высококвалифицированных научно-технических кадров, что нашло отражение в отрицательном балансе его выпускников. «За 6 лет, — говорилось в докладной записке, — институт подготовил лишь 367 специалистов текстильщиков, а отсеялось из института за последние 4 года — 639 человек». Кроме того, «вскрылось», что «благодаря прямому попустительству директора института Канатьева» на лекционных занятиях «протаскивались контрреволюционные враждебные взгляды» преподавателями Лебедевым, Беленковым, Вожаковым, утверждавшими, что «из учебы крестьян ничего не выйдет»³⁹.

В то же время из-под пристального внимания следственных, контрольно-ревизионных органов не ускользнула и другая разновидность «антипартийного поведения» — «аполитичная

позиция». Она приравнивалась к «молчаливому саботажу», приводящему к еще более значительному проступку — «отрыву от масс», а соответственно — отпадению от «линии партии». «Нельзя пройти, — писал ответственный контролер, — мимо др. лиц — А. Г. Трубихина, И. М. Покровского, А. М. Кузнецова, П. К. Смирнова, которые, зарывшись в свои узко академические вопросы, оторвались от партийной работы, серьезно не занимались повышением идейно-политического уровня <...> проявили политическую близорукость и показали отсутствие большевистской бдительности»⁴⁰. Примеры такой «политической аналитики», сплошь и рядом встречающейся в документах органов государственной безопасности, партийного и внутрипартийного контроля, можно продолжать бесконечно долго.

Опыт изучения репрессивной политики сталинского режима подводит к следующим выводам. С одной стороны, следует признать, что даже в системе *информационно-психополитической* тирании сталинизма интеллигенция, в том числе и научная, никогда не утрачивала своего исключительного статуса обладающей имманентной склонностью к полной интеллектуальной автономии «прослойки», всегда тяготеющей к объективному познанию действительности вопреки всем препятствиям. Поэтому интеллигенция всегда рассматривалась как наименее «политически благонадежная» социальная группа, для профилактики «антисоветских вылазок» которой требовался тщательный и при этом дифференцированный подход, предполагавший изучение всей специфики организации научной деятельности, творческой лаборатории и ее региональных традиций. Контрольно-карательные ведомства прилагали огромные усилия по выявлению особенного на фоне общего — подробностей в вызревании «национально-местнических уклонов», «извращений линии партии» при постановке «научно-краеведческих задач», активно производился поиск случаев «классовой агрессии» со стороны преподавателей по отношению к студентам из рабоче-крестьянской среды и примеры изощенных «лженаучных обоснований» якобы практикующейся тенденциозности при оценке знаний.

С другой стороны, мы видим, что при проведении репрессий против интеллигенции применялись стандартные технологии, методы и инструменты, связанные с планомерной дискредитаци-

ей, демонтажем личности и образа «своего», мгновенно превращающегося на основании многочисленных в нужном свете истолкованных «фактов» прошлого и настоящего в «социально чуждого элемента». Интеллигенция, как и остальные слои населения, также оказалась в ловушке, подстроенной сталинской системой синкретично-инверсионной реальности, сотканной из антиномий хронотопического сосуществования⁴¹ — рационального и иррационального, порядка и произвола, стабильности и необузданного пространственно-временного потока «логики текущего момента». Она была вовлечена в изощренный механизм самоистребления советского общества, основанный на проистекающих «сверху» провокациях, принуждении к выбору между защитой незыблемых ценностей научной и просто человеческой этики и вступлением на тернистый путь вынужденного «сотворчества» с властью, проявлявшегося в демонстрации «благонадежности», решении элементарных, личных, бытовых проблем с помощью реактивности в нужной риторике насаждаемого «партийного дискурса», скрывающего зачастую подлинные мотивы поступков. Это до сих пор затрудняет правовую оценку действий участников тех событий, ибо социальные роли — «палача», «жертвы», обвинителя и обвиняемого — менялись так быстро, что их носители не успевали осознавать смысл происходящего, ускользающий даже от профессиональных историков, склонных списывать всё на «психосоциальную динамику», «синергетику смуты»⁴².

Так или иначе, на протяжении 1930-х гг. осуществлялся интенсивный сбор «компрометирующих материалов», которые в период «большого террора» и послужили основанием для фальсификации дел о всевозможных заговорах, обвинений представителей интеллигенции области в организации «подрывной антисоветской работы», вредительстве, диверсиях, шпионаже и предъявлении других абсурдных и необоснованных претензий. Коварность и жестокость репрессивных атак заключалась также в их превентивном характере, когда так называемая идеологическая проработка принимала затяжной, долговременный и незавершенный характер, а степень «виновности» и, соответственно, дальнейшая судьба человека — зависели исключительно от стечения обстоятельств, способных измениться в любую сторону. Эти практики «удержания на крючке», в подвешенном состоянии

психологического напряжения, нагнетание страха потерять доверие партии и уважение, доброе имя, уничижительная критика и инспирируемая «самокритика», приводившая зачастую к полному параличу воли к жизни и творчества, сохранялись и в период «позднего сталинизма» второй половины 1940—50-х гг., достигнув своего апогея в послевоенных идеологических кампаниях — борьбе с «безродным космополитизмом» и дискуссиях по общественным наукам.

Примечания

- ¹ *Беляев В. А.* Советская интеллигенция в борьбе идей. Казань, 1990 ; *Корунаев А. Е.* Очерки истории русской интеллигенции. М., 1990 ; *Куманев В. А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции : (очерки) М., 1991 ; *Дегтярев Е. Е., Егоров В. К.* Интеллигенция и власть : (феномен российской интеллигенции и проблемы взаимоотношения интеллигенции и власти). М., 1993 ; *Коган Л. Н., Чернявская Г.* Интеллигенция. Екатеринбург, 1996. С. 42—43.
- ² *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 177—129 ; *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В.* Изгнание науки : российская историография в 20-х — начале 30-х гг. XX в. // Отечественная история. 1994. № 3. С. 143—162 ; *Ананьин Б. В., Паненях В. М.* Принудительное «соавторство» : к выходу в свет сборника документов «Академическое дело 1929—1931 гг.» // Исторический сборник памяти Ф. Ф. Перченка. М. ; СПб., 1995. Вып. 1 ; *Цамутали А. Н.* Академическое дело // Репрессированные геологи. М. ; СПб., 1999. С. 391—395 ; *Филимончик С. Н.* Репрессии в отношении научной интеллигенции Карелии в 1930-е годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция : материалы междунар. конф. Смоленск, 9—11 октября 2009 г. М., 2011. С. 304—312.
- ³ *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 39. С. 132.
- ⁴ *Медушевский А. Н.* Когнитивно-информационная теория как новая парадигма в гуманитарном познании // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 70—92 ; *Медушевский А. Н.* Сталинизм как модель социального конструирования // Российская история. 2010. № 6. С. 3—29 ; *Медушевский А. Н.* Сталинизм как модель : обозрение издательского проекта «РОССПЭН» «История сталинизма» // Вестник Европы. 2011. Т. 30. С. 147.
- ⁵ *Красильников С.* Социальная мобилизация как системная характеристика сталинского режима: природа, форма, функции // История ста-

- линизма : итоги и проблемы изучения : материалы междунар. конф. М., 2011. С. 150—159.
- ⁶ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 342.
- ⁷ *Ойзерман Т. И.* Догматизация марксизма и внутренне присущий марксизму догматизм // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 43—54 ; *Юдин К. А.* От «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» : (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42—48.
- ⁸ *Леонтьева Т. Г.* Конструирование образа врага как предпосылка массовых репрессий духовенства : (на материалах Калининской области, 1930-е гг.) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. С. 350.
- ⁹ *Сталин И. В.* Указ. соч. С. 356.
- ¹⁰ *Сталин И. В.* Доклад о проекте Конституции Союза ССР // Правда. 1936. 26 нояб.
- ¹¹ *Красильников С. А.* Дискриминации в постреволюционном российском/советском обществе как исследовательская проблема : некоторые заметки // История сталинизма: репрессированная российская провинция. С. 39.
- ¹² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 81. Оп. 3. Д. 213. Л. 84.
- ¹³ Лубянка : Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД : Архив Сталина ; документы высших органов партийной и государственной власти, 1937—1938 гг. М., 2004. С. 28—29, 36.
- ¹⁴ Аналогичные «контрреволюционные филиалы» были обнаружены в Самаре, Саратове, Казани, Ленинграде, Новосибирске, Воронеже, Свердловске, что констатировал нарком внутренних дел Ежов в докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП (б) 1937 г. (см.: Материалы февральско-мартовского пленума 1937 г. // Вопросы истории. 1992. № 4. С. 7).
- ¹⁵ Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. П-327. Оп. 5. Д. 334. Л. 22.
- ¹⁶ См. подробнее об этом: *Ермаков А. М.* Разгром преподавательских кадров Ярославского пединститута в начале 1930-х гг. и его последствия // Вестник Ярославского педагогического института. 2001. № 3/4. С. 135—143.
- ¹⁷ *Блюм А., Вестуле М.* Бюрократическая анархия : статистика и власть при Сталине. М., 2006. С. 28, 267.
- ¹⁸ *Блюм А.* Администраторы, научные элиты и отношение с властью // История сталинизма : итоги и проблемы изучения. С. 81.

- ¹⁹ КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1985. Т. 6. С. 369.
- ²⁰ ГАИО. Ф. П-367. Оп. 1. Д. 65. Л. 10, 15 ; Д. 76. Л. 92—93.
- ²¹ Летом 1937 г. «разоблачен» как белогвардеец, лидер «троцкистской контрреволюционной группы».
- ²² ГАИО. Ф. П-367. Оп. 1. Д. 65. Л. 7.
- ²³ «Что значит таскать за собой целую группу приятелей? — говорил Сталин. — <...> Это значит, что ты получил некоторую независимость от местных организаций и, если хотите, некоторую независимость от ЦК. У него своя группа, у меня своя группа, они мне лично преданы» (см.: Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП (б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 11/12. С. 13).
- ²⁴ ГАИО. Ф. П-367. Оп. 1. Д. 393. Л. 12—13.
- ²⁵ Там же. Оп. 5. Д. 1274. Л. 2—4.
- ²⁶ Рабочий край. 1937. 11 нояб.
- ²⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 6. Д. 458. Л. 106—109.
- ²⁸ Там же. Оп. 5. Д. 1273. Л. 14.
- ²⁹ Там же. Л. 15.
- ³⁰ Там же. Л. 21—22, 146.
- ³¹ Там же. Ф. П-367. Оп. 1. Д. 873. Л. 98.
- ³² Там же. Л. 99.
- ³³ Военный совет при народном комиссариате обороны СССР, 1—4 июня 1937 г. : документы и материалы. М., 2008. С. 137.
- ³⁴ Вероятно, речь идет о Михаиле Викентьевиче Шиманском, арестованном в ноябре 1937 г. (см.: Архив Президента РФ. Оп. 24. Д. 412. Л. 170). URL: <http://stalin.memo.ru/regions/regi32.htm>.
- ³⁵ Бовыкин Д. Ю. «Время заставляло думать о революции...» : беседа с Н. В. Кузнецовой // Французский ежегодник, 2006. М., 2006. С. 5—16.
- ³⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 5. Д. 1522. Л. 23.
- ³⁷ Рабочий край. 1937. 2 нояб.
- ³⁸ ГАИО. Ф. П-367. Оп. 1. Д. 708. Л. 1—2.
- ³⁹ Там же. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Термин М. М. Бахтина (см.: Бахтин М. М. Форма времени и хронотопа в романе : очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 234—407).
- ⁴² Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть : психосоциальная динамика постреволюционного времени : Россия, 1920—1930 гг. М., 2012. С. 3—10.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 60.59(2Рос-4Ива)

С. М. Усманов, В. Л. Чернопёров

«ИВАНОВСКИЕ КОЛХОЗНИКИ» В ПОСТСОВЕТСКОМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

1. «Ивановские колхозники»: уточнение концепта

В 2012 г. авторы данного текста представили на международной научной конференции в Ивановском государственном университете свой доклад «Русский Манчестер и ивановские колхозники»¹. Впрочем, впервые озвучен он был одним из авторов на другом довольно представительном заседании общественности Ивановской области. И сразу вызвал весьма острую реакцию.

С тех пор прошло два года. И теперь о нашем сочинении решил высказаться организатор конференции «Русский Манчестер»,

---

© Усманов С. М., Чернопёров В. Л., 2014

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

Чернопёров Василий Львович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. vlchernopetrov@rambler.ru

* Работа подготовлена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ на проведение научно-исследовательской работы № 33.526.2014/К «Российская интеллигенция и европейские интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности XX — начала XXI в.: виртуальность и реальность».

главный редактор журнала «Лабиринт», доктор философских наук, профессор Ивановского государственного университета М. Ю. Тимофеев². Это дает нам еще один повод продолжить начавшееся обсуждение поставленных прежде вопросов. Дело тут еще и в том, что почти одновременно с написанием нашего доклада, в конце 2011 г., прямо-таки всероссийскую известность приобрела «Света из Иваново», а именно — Светлана Курицына, учащаяся одного из ивановских колледжей (вообще-то, ее точнее было бы назвать «Светой из Приволжска» — райцентра Ивановской области, где она выросла и сформировалась как личность). Своими курьезными высказываниями Светлана Курицына не только сделалась на некоторое время своего рода звездой Рунета, но и стала в какой-то мере брендом Ивановской области. В этой связи заметим, что в наши намерения отнюдь не входит спорить с кем бы то ни было в интернет-пространстве, как это получилось с желающими откликнуться на высказывания и дальнейшие приложения «Светы». Нас интересует прежде всего научная интерпретация региональной идентичности Ивановской области, а в еще большей степени — специфика того социально-культурного типа, который был нами назван «ивановскими колхозниками». Стоит признать, что это непростые проблемы, и их осмысление дается пока исследователям очень трудно.

Но для начала напомним читателям основные параметры сложившегося после революционных потрясений начала XX века в Иваново-Вознесенской губернии (а затем — в Ивановской промышленной области) социального типа «ивановских колхозников» — как нам он видится, и как он был уже охарактеризован в упомянутом выше докладе «Русский Манчестер и ивановские колхозники», с небольшими уточнениями и пояснениями.

1. Колхоз и ему подобные социальные общности стали фундаментом Советской власти в качестве ее основной организационной, хозяйственной и воспитательной матрицы.

2. Эта матрица постоянно культивировала насущно необходимые для ее функционирования качества: неустанное трудолюбие, исполнительность вплоть до жертвенности, коллективизм, патриотизм; а вместе с тем и — враждебность к «социально чуждым», нетерпимость к иному мнению, душевную грубость и ограниченность во всяких отношениях (прежде всего, духовного порядка).

3. Для «советского колхозника» был очень характерен своеобразный комплекс неполноценности — и по отношению к «бывшим», и применительно к интеллигенции, и тем более — к иностранцам. Это, по возможности, компенсировалось попытками «самоутвердиться» в жестких и агрессивных формах — там, где это было возможно (по отношению к интеллигентам, к гонимым властью потомкам бывших «эксплуататорских классов» и очень редко — к представителям самой Советской власти).

4. Для «советских колхозников» была необходима и своего рода находчивость, своеобразная мелочная практичность. Частично она досталась «от прежних эпох». Во многом же это свойство формировалось жесткими условиями «социалистического строительства», когда выживали, «выгадывали» именно те, кто могли утянуть себе половчее от общего пирога сверх полагающихся полуголодных «трудодней».

Все перечисленные свойства относились к «советским колхозникам» в целом. А далее следуют уже качества ивановского варианта как одной из самых типических и ярко выраженных форм данного социально-культурного типа.

5. Иваново-Вознесенск не имел того стержня, каким в Ярославле было дворянство, а в Костроме — купечество. В Иваново-Вознесенск съезжался бедный и часто недовольный люд почти со всей Центральной России. Город буквально затопила «голь перекатная». Это были в своем подавляющем большинстве самые беспокойные, нежелательные или недовольные селяне. Конечно, были и совершенно задавленные нуждой. Как следствие, в городе и области сохранился, с одной стороны, озлобленный, а с другой — стремящийся к разрушению разинско-пугачевский дух. Поэтому, как признавал один из наиболее видных лидеров большевиков, Михаил Фрунзе, «общий культурный уровень иваново-вознесенского пролетариата был чрезвычайно низок».

6. Советская власть стремилась сохранять и культивировать данные революционные настроения как форму местного патриотизма. Некоторое время она пыталась даже превратить Иваново-Вознесенск в «третью пролетарскую столицу», выстроив совершенно новый «социалистический город». Зримым следствием этой политики стали исчезновение из названия города слова «Вознесенск» и превращение его в «Иваново», масштабные

разрушения уникальных православных храмов и появление на их месте зданий в стиле конструктивизма, формирование среды обитания, в центре которой фабрика с фасадом дворца; развитие вузовской системы и т. д. За этим создаваемым образцовым центром должна была тянуться и вся образованная новой властью в 1929 г. Ивановская промышленная область (ИПО), в которой старинные русские города оказывались на вторых-третьих ролях.

7. По мере того как уходила в небытие «ленинская гвардия», теряла свое значение и «третья пролетарская столица». Были тому и объективные основания. Ведь если «Страна Советов» действительно хотела бороться против «империалистического окружения», то более значимыми для нее оказывались сформировавшиеся еще до революции мощные индустриальные и научные центры. Если называть только соседние города, то в числе таких, конечно, были Нижний Новгород (Горький) и Ярославль.

8. К концу XX века значение Иванова все более умахало, что привело к наибольшему упадку уже в 90-е гг., когда после падения Советской власти и область, и город стремительно оказались в «зоне экономического бедствия». Этому способствовали не только проблемы текстильной промышленности или машиностроения, а, прежде всего, недостаточность «ивановских колхозников», их ограниченность и неспособность отвечать на «вызовы времени». Проблема в том, что «ивановский колхозник» — это господствующий тип не только в массе ивановцев, но и среди тех, кто в конце XX — начале XXI века оказался в управленческих и законодательных структурах. В условиях кардинальных перемен «ивановский колхозник» оказался слишком «простым» и недальновидным. Он был (и есть) слишком заточен на сиюминутную практическую выгоду, а потому очень туго соображает, как сохранить и использовать на общее благо даже такие жемчужины, как Плес и Палех. Для этого у него слишком узкий кругозор, слишком ограничен он в своем духовном опыте.

9. Приход в Ивановскую область «московской команды» в 2005 г. несколько сдвинул дело с мертвой точки. Однако из деятельности «москвичей», пытавшихся потянуть за собой «ивановских колхозников», сторонний наблюдатель обращает внимание лишь на два направления — последовательную политику сокрытия за крашеными железобетонными заборами, новостройками

и подсветками деревенско-окраинной основы Иванова и попытки превратить Плес в город «приятный во всех отношениях», особенно для элиты. А вот «родимые пятна», оставшиеся от прежних времен, сохранились в толще нынешних поколений жителей области и ее центра. Здесь и грубость, и злоба, и мстительность, и зависть, и сребролюбие, и правовой нигилизм, и лень, и пьянство, и непочтение к старшим, и неуважительное (в лучшем случае насмешливо-скептическое) отношение к власти. Хотя, несомненно, имеются и позитивные качества, которые Советская власть всячески старалась поддержать — трудолюбие, коллективизм, исполнительность. Они, действительно, сохранились в большей или меньшей степени.

10. Существенное значение имеет вопрос: как определить водораздел между еще доминирующей массой «ивановских колхозников» и теми, кто этот уровень уже перерос (или же вообще не соответствовал данному нормативу)? Тут есть весьма точный критерий, а именно — отношение к возвращению городу названия «Иваново-Вознесенск». Как раз те, кто хочет оставить название «Иваново», потому что так привычнее, удобнее, дешевле; кто «не понимает» — «а зачем нужна такая канитель» — те еще «колхозники». И дальше еще не пошли.

11. Каков же выход? Думается, первым шагом должно стать избавление от «колхозного» наследия интеллигенции, особенно вузовской, что позволило бы начать прививать высокие духовные и культурные ценности России молодому поколению иваново-вознесенцев³.

2. «Ивановские колхозники» и новый урбанизм

Единственным пока прямым откликом на предпринятую нами попытку анализа ивановского социально-культурного типа является статья М. Ю. Тимофеева в одном из летних номеров ивановского журнала «1000 экземпляров» за 2014 г.⁴ Прочитав главные положения нашей работы, Михаил Юрьевич тем самым напомнил о нашей точке зрения представителям региональной элиты «текстильного края». Вместе с тем, его трактовка рассматриваемой нами проблемы расходится с нашей в двух существенных положениях.

Во-первых, будучи не только исследователем, но и, пожалуй, трубадуром урбанизма, М. Ю. Тимофеев трактует концепт

«ивановские колхозники» лишь как обозначение чрезмерно архаичной сельской отсталости ивановцев, которую было бы желательно быстрее преодолеть. «Полагаю, — пишет он, — что не только краоведам известно, что путь от села к городу, от архаики к модерну в некоторых сегментах городского пространства Иванова еще продолжается. Жители вполне центральных кварталов, не говоря уж об окраинах города, по-прежнему не только ведут частично вполне деревенскую жизнь (возделывают свой маленький огород), но и имеют дикий варварский менталитет, примером которого может служить то, что они порой выбрасывают мусор со своего участка прямо за забор, на территорию, за чистотой которой, кстати, должны следить городские службы»⁵.

Во-вторых, М. Ю. Тимофеев «далеко не в полной мере» разделяет наше представление о том, что противящиеся возвращению городу названия «Иваново-Вознесенск» по своему менталитету — еще «ивановские колхозники». Для обоснования своей точки зрения Михаил Юрьевич ссылается здесь на Поля Бурдые, согласно которому официальная номинация есть одно из типичных проявлений монополии легитимного символического насилия, которое принадлежит государству⁶. Выглядит эта аргументация не совсем внятно, но всё становится куда яснее, если посмотреть другие публикации автора. А из них следует, что «новое прочтение советскости» позволило бы «углубить экстравагантность ивановских названий, завершить по-своему одиозный проект формирования городской среды» и — вероятно на потеху заезжим туристам — обогатить ивановскую топонимику такими названиями, как Площадь Горького, Проспект Красных Ткачей, Проспект Строителей Коммунизма, Улица Первых Пятилеток, Площадь Пролетарской Диктатуры⁷. Что, таким образом, может резко выделить Иваново среди других провинциальных центров России.

В этой связи нам хотелось бы еще раз пояснить нашу точку зрения. Вводя термин «ивановские колхозники», мы отнюдь не имели в виду вычленять с его помощью тех более или менее патриархальных селян, которые еще частично сохранились после всех катастрофических социально-политических трансформаций. Конечно, такие есть даже и в давно урбанизированной Ивановской области. Но не они находятся в сфере нашего главного интереса. Напротив, наше внимание привлекает тот

социально-политический тип, который уже очень далеко отстоит от своего прежнего рода, общины, традиционного уклада (что когда-то любовно описывал в своей книге «Лад» известный писатель Василий Белов). Ведь прежний крестьянин был не только труженик, но и отец семейства, воспитатель, прихожанин своей церковной общины. А вот «советский колхозник», как мы и старались показать, уже далеко не таков, в его менталитете и образе жизни появляются совсем другие черты. Во всяком случае, в наших изысканиях нет никакой необходимости использовать, как это делает М. Ю. Тимофеев, обычные для позапрошлого века оппозиции «город» — «деревня», «цивилизация» — «варварство».

У нас также не вызывают никаких симпатий интеллектуальные игры с советской символикой в духе постмодернистского перформанса, что свойственно, разумеется, отнюдь не одному М. Ю. Тимофееву. Такие игры отнюдь не кажутся нам ни безобидными, ни полезными (и даже просто безвредными) в практическом измерении. Как нам уже приходилось отмечать, советская топонимика — это своего рода «трупные пятна» на Русской земле, а их появление отнюдь не прошло бесследно для России и ее народа в советскую эпоху⁸.

3. «Света из Иваново»

Феномен «Светы из Иваново» (кстати, окончание на «о», — а не на «а», как следует писать название «столицы текстильного края» по установившимся в советскую эпоху нормам, — придает «Свете» еще более «деревенский» характер) тщательно проанализирован в опубликованной тем же журналом «Лабиринт» статье доктора философских наук, профессора Ивановского государственного университета О. В. Рябова⁹. Добросовестное изучение практически всех значимых откликов по теме Олегом Вячеславовичем значительно облегчает дальнейшие изыскания по интересующей нас тематике. Правда, автор фиксирует и интерпретирует, в общем-то, лишь внешние отражения изучаемого им феномена. Впрочем, большего читателям он и не обещает.

Из работы О. В. Рябова следует, что «Света из Иваново» в большинстве откликов предстает как удобное воплощение глупости и бескультурья тех «простых людей» (или, как мы бы уточнили, «советских колхозников»), которые и стали опорой нынешней

российской власти в период массовых протестов москвичей на Болотной площади. Отсюда желание многих авторов высмеять, унижить и развенчать пресловутую «Свету», доказать свое интеллектуальное и нравственное превосходство над нею и подобными ей персонажами.

Думается, в таком стремлении столичные и примкнувшие к ним некоторые провинциальные интеллектуалы явно переусердствовали, тем самым поспособствовав прояснению столь неприятной для них реальности противостояния фрондирующей части населения столицы и всей остальной России. Может быть, отчетливее других об этом написала известная по ряду московских либеральных изданий журналистка Ольга Алленова¹⁰. Как пишет О. Алленова, она изменила свое мнение о личности «Светы», лишь посмотрев видеоролик телепередачи канала НТВ, в которой ивановскую девушку задействовали уже в другой роли: «Света из Иваново — это как бы Россия. А саркастичный профессор-синоптик и гламурная Анфиса Чехова — это как бы Москва. И вот простая, как пять копеек, Света из “города ткачей”, как высокомерно называют Иваново в сюжете москвичи, покоряет “зажравшуюся” Москву. И можете сколько угодно смеяться над провинцией, над необразованностью и смешной речью — Россия уже над Светой не смеется. Она на ее стороне».

В итоге появление «Светы из Иваново» оказалось совсем бесполезным хотя бы для части московской интеллигенции, что и сформулировала Ольга Алленова: «Снобизм по отношению к этой барышне я подхватила как инфекцию, распространившуюся в соцсетях. И мне кажется, что это презрение к другой части страны, не такой как мы, не так думающей, не так говорящей и не так голосующей, — большая ошибка. И этой ошибкой воспользовались те, против кого мы выходили на митинги. Кремлевские политтехнологи, давно и упорно работающие над отделением протестующих Москвы и Питера от остальной России, вытащили Свету из Иваново, “докрутили” ее и положили в свою копилку. <...> Мы проиграли, когда сделали из Светы посмешище».

Согласимся, что «они» на этом этапе проиграли. Но хотели бы сделать здесь одно существенное уточнение. Как нам представляется, в данной оценке столиц и провинции слишком уж завышена значимость кремлевских политтехнологов. Московским

и питерским интеллектуалам стоило бы уразуметь, что и без пресловутых политехнологов, а тем более и без «феномена Светы», между ними и настоящей Россией (называйте ее «остальной» или «провинциальной», или как-нибудь еще) — «дистанции огромного размера». И нам это также уже приходилось отмечать ранее в некоторых публикациях¹¹.

Случай «Светы из Иваново», на наш взгляд, немного дает для более ясного понимания феномена «ивановских колхозников». И это несмотря на то, что сама Светлана Курицына до попадания в Москву (где она надолго застряла в «проектах» компании НТВ) была, что называется, обычной «пэтэушницей». Вместе с отцом-шофером и матерью-ткачихой она своим невыразительным «имиджем» олицетворяла «простых людей», которым еще с советской эпохи было предначертано тихо трудиться и «поддерживать и одобрять» заботу о них руководителей страны и региона. Но именно в этом смысле явление «Светы из Иваново» ничего существенно нового не открыло ни столичным, ни провинциальным интеллектуалам. Сама же «Света» лишь еще раз маркировала Иваново как некое захолустье, подкрепив распространённые стереотипы восприятия русской провинции как «деревни» и «варварства». Тем самым ее появление в медиа-пространстве стало невольной провокацией для развернутой манифестации столичного снобизма.

4. «Ивановские колхозники» в контексте дискуссии об ивановской региональной идентичности

Проблематика региональной идентичности для современной России является сравнительно новой. Но в Ивановской области она стоит очень остро, на что вполне справедливо указывает известный ивановский краевед и представитель региональной элиты, кандидат исторических наук А. М. Семененко: «Ивановская область в известной мере повторила судьбу СССР, особенно когда из ее состава “сбежал” Сокольский район (присоединенный к Горьковской области по желанию его жителей. — С. У., В. Ч.). Теперь Ивановская область оказалась самым маленьким по размерам субъектом Российской Федерации. Вот после этого все комплексы, заложенные при образовании этого региона, вылезли наружу. Кризис идентичности, помноженный на ощущение собственной социально-экономической несостоятельности,

ущербности, привел к тому, что у жителей области появилась настоящая фобия — что вот-вот ее присоединят к какой-нибудь соседней области побогаче»¹².

Поэтому в Ивановской области поиск региональной идентичности представляется особенно актуальным, но нелегким делом. Как отмечает кандидат философских наук, доцент Ивановского политехнического университета Л. А. Кривцова, возможны, по крайней мере, «три направления» в процессе «конструирования региональной идентичности» в Ивановской области. Первое направление может быть основано на акцентировании русской этничности Ивановского края, что связано с определенной его архаизацией (в качестве символа этого направления исследовательница приводит попытку восстановления старинной крепости в Лухе). Второе направление предусматривает обращение к русской культуре XVIII—XIX столетий (здесь одним из символов Л. А. Кривцова называет парк-отель «Шереметев» в г. Иваново). Третье направление — это использование западных символов как маркеров региональной идентичности (Плес — русский Куршевель, Холуй — русская Венеция и т. д.)¹³. Заметим от себя, что во всех трех вариантах тип «ивановских колхозников» оказывается не только не актуальным, но и просто досадным препятствием.

На данное время наиболее основательно проблемы регионального развития в Ивановской области разработаны доктором политических наук, профессором Ивановского политехнического университета Ю. М. Вороновым и доктором философских наук, профессором Ивановского государственного университета Г. С. Смирновым. Глубокие пласты региональной истории и культуры поднимает в своих исследованиях Г. С. Смирнов, обращающий внимание на историческое наследие Стародубского княжества и такого городского центра русского средневековья, каковым была Шуя: «...в этом ареале замосковского края сложилась особая гармоничность материального и духовного производства, эта традиция сохранилась и до настоящего времени, хотя и оказалась вытесненной в подсознание, загнанной в глубь культурно-генетических архетипов, но сохраненных в сверхсознании, связанных с красотой архитектурно-ландшафтного синтеза»¹⁴. Весьма интересны и неожиданны предложенные Г. С. Смирновым альтернативы развития Ивановской области на перспективу,

что включает в условиях формирования глобального информационного общества реальную возможность превращения «красного (краснокирпичного) Манчестера» в «замосковский Кембридж»¹⁵.

Такая неожиданная трансформация шаблонного стереотипа «города ткачих» в «наш Кембридж» может показаться нелепой фантазией, однако, как подчеркивали М. П. Шилов и Ю. М. Шилов, работавшие в научном проекте под руководством профессора Г. С. Смирнова, Большое Иваново (территория в радиусе 30 км от областного центра) — это «край студентов и большой науки... современных наукоемких технологий и производств». По мнению этих исследователей, «необходим технополис и преобразование Русского Манчестера в Русский Кембридж», тем более что в 2005 г. по числу студентов Иваново уже приблизилось к Кембриджу¹⁶. Впрочем, как отмечают сами ивановские ученые, воплощение в жизнь подобного пожелания потребует выполнения многих условий. И, может быть, самое существенное из них называют Ю. М. Воронов и Г. С. Смирнов: «Есть вопрос, который не всплыл на конференции 1999 года (посвященной устойчивому развитию. — С. У., В. Ч.) в силу того, что виделся второстепенным, более того, рискованным с точки зрения преемственности эпох. Казалось, что переименование города Иваново в Иваново-Вознесенск предстанет как непроизводительная трата. В действительности прошедшие годы показали, что никакие глубинные изменения не произойдут, пока город не вернется к своим корням, к своему имени, пока сила имени не укоренится в сознании людей, живущих в этом пространстве исконных поисков гармонии и единства материального и духовного производства. Начало устойчивого развития региона непреложно связано с возвращением Иванову его исконного имени-отчества — Иваново-Вознесенск. Пришло время сделать этот шаг»¹⁷.

Эти глубоко продуманные и основательные соображения ивановских ученых очень созвучны нашим изысканиям. Однако не может не возникнуть вопрос: какие социально-политические силы способны «сделать этот шаг» и проводить другие необходимые преобразования? Очевидно, что «ивановские колхозники» быть «аттрактором» подобных перемен не смогут, да и не захотят. Вот почему так актуально основательное интеллектуальное осмысление данной проблематики. И, если это окажется возможным,

постепенное формирование вокруг наиболее ответственной и дальновидной части интеллигенции и региональной элиты некоего неформального сообщества, которое, возможно, будет в состоянии взять на себя роль апологета и движущей силы возрождения Иваново-Вознесенского региона.

Однако в этом отношении не стоило бы питать чрезмерных надежд. Весной 2014 г. такие надежды несколько оживили предвыборные заявления видных деятелей региональной элиты о возможности создания в Ивановской области «международного образовательного кластера». Но речь идет отнюдь не о «Русском Кембридже», а скорее об образовании в Плесе «русского Итона и Оксбриджа», где должен возникнуть «филиал одного из крупных и авторитетных федеральных университетов»¹⁸. Откликаясь на эти заявления, М. Ю. Тимофеев язвительно замечал: «Вспоминая пиар-активность прежней областной власти и полагая, что будут учтены и использованы все сильные стороны оставивших наши края ньюсмейкеров, видимо нужно ожидать новых развернутых заявлений и обнародования “дорожной карты” намеченных проектов. Пока же представляется раздолье для уличения авторов концепции развития в маниловщине, в уподоблении Плеса Нью-Васюкам и т. п.»¹⁹.

Думается, что при таком стиле мышления и практической деятельности региональной элиты Ивановской области, «ивановские колхозники» никогда не увидят ни «Русского Кембриджа», ни «Русского Итона».

Примечания

¹ Усманов С. М., Чернопёров В. Л. Русский Манчестер как социокультурное пространство ивановских колхозников // Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города: сб. науч. ст. Иваново, 2012. С. 72—80.

² Тимофеев М. Ю. Ивановские колхозники и Иваново-Вознесенская утопия // 1000 экземпляров. Иваново, 2014. № 6. С. 108—112.

³ Усманов С. М., Чернопёров В. Л. Указ. соч. С. 72—80.

⁴ Тимофеев М. Ю. Указ. соч. С. 108—112.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Там же.

- ⁷ Тимофеев М. Ю. Красное кольцо: символический капитал «красной губернии» // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. Иваново, 2012. № 5. С. 99—100.
- ⁸ Усманов С. М. Группные пятна на Русской земле, или нечто о Советской топонимике // Имя и Чаша : сб. науч. тр. : в 2 т. Иваново ; Шуя, 2012. Т. 1. С. 102—105.
- ⁹ Рябов О. В. «Света из Иваново» как зеркало Болотной революции // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. Иваново, 2013. № 5. С. 125—147.
- ¹⁰ Алленова О. Более лучше не издеваться. URL: <http://www.politrus.com/2012/07/24/sveta-ivanovo/> (дата обращения: 27.07.2014).
- ¹¹ Усманов С. М. Проекты российской политической элиты и проблемы регионального развития // Междисциплинарный подход к перспективам экономической организации XXI века: от экономики конкуренции — к экономике партнерства. Российские регионы — центры инновационного и социально-экономического развития : сб. науч. ст. и материалов Круглого стола. Иваново, 2008. С. 203—210.
- ¹² Семененко А. М. Ивановская идентичность в контексте российской // Проблемы формирования общероссийской идентичности: русскость и российскость : материалы междунар. науч. конф. Иваново, 2008. С. 177.
- ¹³ Кривцова Л. А. Этничность в контексте семиотики региональной идентичности // Границы : альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Иваново, 2007. Вып. 1. С. 112—113.
- ¹⁴ Смирнов Г. С. Текстильный край: истоки и аттракторы ноосферного устойчивого развития // Региональное устойчивое развитие : комплексные ноосферно-биосферные исследования, проектирование и реализация : материалы науч.-практ. конф. Иваново, 2007. С. 10.
- ¹⁵ Там же. С. 12.
- ¹⁶ Шилов М. П., Шилов Ю. М. О некоторых перспективах текстильного края // Там же. С. 197.
- ¹⁷ Смирнов Г. С., Воронов Ю. А. Региональное устойчивое развитие: шаг второй // Там же. С. 146—147.
- ¹⁸ Тимофеев М. Ю. Иваново/Плес: скромное обаяние мегапроектов // 1000 экземпляров. Иваново, 2014. № 4. С. 54, 56—57.
- ¹⁹ Там же. С. 53.

А. Ш. Руди

РОЛЬ НАУЧНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ МОДЕЛИРОВАНИИ МИРА

Интеллигенция в своей систематизации и критическом осмыслении сведений о мире, определении уровня общественной культуры фактически пересекается интересами с профессиональной рефлексией философов. Философия как форма самосознания культуры и философы как генераторы этой формы реализуют одну из функций абстрактной интеллектуальной деятельности — формирование целостной картины мира. Эта картина мира исполняет роль парадигмы миропонимания и служит основой ориентации в окружающей действительности как социума вообще, так и индивида в частности. Созданию картины мира способствует предельно высокий уровень абстрагирования, свойственный философскому мышлению, острое восприятие и глубокое понимание реальности, обнаруживающей при всем своем многообразии универсальные закономерности, единые схемы развертывания в пространственно-временном континууме. Кроме того, в картине мира находят выражение общественная психология и идеология, соответствующие определенным социокультурным историческим периодам, интегрирующие взгляды на мир, чаяния и убеждения порой нескольких поколений людей.

Ключевые аспекты картины мира отражаются в модели мира. Моделирование как метод исследования крайне актуально в профессиональной деятельности ученых применительно к познанию такого сложного, глобального по масштабу и недоступного для непосредственного целостного восприятия объекта, как мир. Оно позволяет выстроить ряд онтологических моделей миропонимания, значимых для обнаружения закономерно повторяющихся явлений, постоянных связей в чрезвычайно изменчивом

© Руди А. Ш., 2014

Руди Амина Шамильевна — кандидат философских наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения. amina_rudi@mail.ru

мире. Особую значимость приобретают продуцируемые научной интеллигенцией модели в приложении к подвижной ткани социального бытия. Помимо ретроспективного осмысления пережитых процессов онтологические модели вносят ясность в понимание современности и способны оказывать влияние на формирование социальной реальности. Таким образом осуществляется функция определения общекультурного уровня общественного развития, традиционно свойственная научной интеллигенции, философам, учитывая то обстоятельство, что в онтологических изысканиях эмпирической базой закономерно служат результаты частнонаучных исследований. Картина, а соответственно — и модель мира отражает унифицированную систему ориентиров в действительности, выступающую гарантом единства миропонимания всех субъектов социальной жизнедеятельности и укрепляющую в целом устойчивость общества.

Один из способов обозначения моделей мира связан с характерным современному интеллектуальному дискурсу использованием метафор, усиливающих экспрессивную коннотацию терминов, делая модели яркими, емкими по содержанию, легко воспринимаемыми, а значит — эффективно транслируемыми в общественное сознание¹. В качестве основных учеными выделяются такие модели мира, как Мегамашина, Мегаорганизм, Мегарынок и Мегакосмос.

Мегамашина

Образ мира как Мегамшины исторически восходит к механистической картине мира, формируемой профессиональным интеллектуальным сообществом Нового времени. Научным миропониманием в эту эпоху задается четко определенное понятие устойчивости, воплощенное в теоретической модели мира как машинного механизма. Методологический универсализм, исходя из тезиса о целостности мироздания, потребовал распространить законы классической механики, успешно воплощавшиеся в создании технических устройств, на описание и объяснение всех доступных познанию природных явлений, социальной организации и жизни человеческого организма. Проблема социального порядка рассматривалась сквозь призму классической механики английским мыслителем и общественным деятелем Т. Гоббсом.

Гоббс апеллирует к синтезу естественнонаучного и социогуманитарного знания, в связи с чем социальная проблематика приобретает строго научное обоснование наряду с другими объектами научного внимания в ключе механистической парадигмы и выводится за пределы теологического дискурса. Механизм функционирования человеческого сообщества рассмотрен Гоббсом «геометрическим способом», в нем явственно математически вычленяются в качестве идеализированного объекта исследовательского внимания простейшие составляющие — «детали» в виде индивидов, тождественных друг другу ввиду общности их природы, в частности природного равенства и одного набора естественных прав, никем не дарованных — ни Богом, ни монархом. Их взаимодействие аналогично взаимодействию простейших однородных частиц в неорганической природе — атомов, движение которых стихийно и разнонаправленно. Поэтому естественное состояние людей в обществе — «война всех против всех» — так выводит свой известный принцип Т. Гоббс. Платон в свое время отмечал, что непоколебимая власть закона проявляется в истории тогда, когда абстрактная буква юридической нормы может лишить человека самого главного и физически ощутимого — жизни. Описанному Гоббсом Левиафану даровано право карать смертью с целью сохранения социальной безопасности и мира². Совокупность физических тел — отдельных индивидов — формирует политическое тело, возглавляемое государством как основанием спокойного сосуществования.

Идея равновесной целостности получила значительное распространение в механистических философских учениях. В своей знаменитой «Системе природы» П. Гольбах выстраивает схему рассуждений о том, что природа — это великое целое, образуемое соединением множества составляющих в их различных состояниях и движении. Мир как машину воспринимает Р. Декарт, по мнению которого мир являет собой подобие гигантских механических часов. Как часы функционирует мир в целом и каждый элемент мира в отдельности: минерал, растение, животное — всё это может быть представлено как искусная механическая конструкция. Именно «представлено»: по мысли великого геометра, механизм — это метафорическая модель, создаваемая наукой в процессе познания мира.

Если Р. Декарт отличает человека от более простых автоматических устройств — животных, лишенных ощущений, то другой французский мыслитель той эпохи — Ж. О. Ламетри, наиболее последовательно систематизировавший идеи механистического материализма, считает человека в точности такой же машиной, как и другие создания природы, что без намеков отразилось на названии его, пожалуй, самой знаменитой работы³. Очевидная же разница в уме объясняется количественным отличием потребностей — их у человека больше, чем у животных, соответственно больше (без качественной разницы) и ума⁴. Согласно этой линии суждений, порядок в социуме и индивидуальной человеческой жизнедеятельности возможен постольку, поскольку человек и общество являются частью природы и зависят от нее. Так как протекание природных процессов определяется механическими законами, соответственно механическим законам подчинен и человек: природа функционирует аналогично машине, деталью которой служит человек.

У П. С. Лапласа мы встречаем аналогичное указание на общие устойчивые основания всех явлений окружающего мира: «Природа при бесконечном разнообразии своих действий проста только в своих причинах, и мы видим в ней небольшое число законов, рождающих огромное число явлений часто весьма сложных»⁵. По мысли Лапласа, господствующий в мире порядок обнаруживает свое тождество с законами механики. Аналогичному механическому порядку надлежит доминировать и в человеческом обществе во имя его гармонизации, примером или основой которой должна быть гармония небесной механики. Г. В. Лейбниц объясняет целостность и однопорядковость мироздания тем обстоятельством, что Бог распорядился пространством и временем оптимально экономичным образом, совершив наибольшие действия наименее простыми средствами⁶.

Понятие «мегамашина» как метафорическое обозначение модели устойчивости встречается в работах американского социального философа Л. Мэмфорда, использующего данный термин для объяснения механизма функционирования общества. Экстраполируя классическое определение машины, данное немецким инженером Ф. Рело, на описываемый им тип общества, Мэмфорд называет свой объект машиной постольку, поскольку его компоненты

(«пусть они состоят из человеческих костей, жил и мускулов») сводились исключительно к механическим функциям и жестко подгонялись для выполнения строго ограниченных задач. В понятии «мегамашина» заключено указание американским мыслителем не только на размеры социального механизма, но и на его сверхмеханическую природу — машина состоит из биологических и разумных частей, а также на сверхвозможности такой «машины»: ее цели изначально отличаются от целей просто машины, результаты ее работы несопоставимы с коэффициентом полезного действия простого механизма. Ключевыми идентификационными признаками мегамашины ученый обозначил: 1) масштабность выполняемых задач, и соответственно, огромное количество задействованных трудовых ресурсов; 2) масштабность конструкции мегамашины; 3) утрату полноты жизни людьми, составляющими механизм мегамашины; 4) разделение труда; 5) принудительный характер труда, подавляющего человеческий дух; 6) неограниченную власть «царя», узурпирующую волю людей, «комплекующих» собою механизм; 7) религиозные предписания и мистическую подоплеку, укрепляющие власть, которая инициирует работу мегамашины; 8) жесткий бюрократический аппарат, делающий возможным безоговорочное подчинение всего механизма одной воле без промедления; 9) общую регламентацию, не допускающую самоуправление; 10) неустойчивость мегамашины в перспективе.

То обстоятельство, что наибольшие достижения с помощью мегамашины были достигнуты в делах войны и разрушений, утверждавших в иллюзиях о собственном всеведении и всемогуществе ее руководителей, побуждает Л. Мэмфорда говорить о необходимости деконструкции этого социального изобретения.

Мегаорганизм

Очевидно, что по мере продвижения научного сообщества в познании природы окружающего мира усложняется формируемое им мировоззрение, становятся разнообразнее схемы миропонимания.

Открытие учеными эволюционных явлений и законов составило фундамент биологии, укрепившей в XX веке статус теоретически развитой науки настолько, что позволило ей сместить физику, возглавлявшую научную иерархию. Это привело к смене

парадигмы миропонимания и разрешению обострившихся противоречий между эволюционным и термодинамическим описанием процессов в мире. Противоречие было снято обнаружением существенной разницы исследуемых объектов.

Если машина, по словам русского ученого А. Ф. Лосева, «воплощает на себе чуждую своему материалу идею; и эта идея... остается лишь методом объединения отдельных частей, голой «схемой»»⁷, то организм образован элементами, существующими исключительно как часть этого целого в естественном взаимодействии с другими частями. Современная микробиология, генетика по одной клетке или ее компоненту (например, ДНК) способны составить образ целого организма с его свойствами и состояниями. Соответственно, смена одного научного миропонимания аксиоматического толка, выраженного метафорой машины, другим мирощущением, выраженным метафорой организма, позволила взглянуть на мир в целом — природу и общество как более сложно организованные модели. Мир, обозначенный учеными-биологами образом живого единства, представляется одушевленной, содержащей в себе источник собственной активности субстанцией.

Смена характера образного восприятия мира обуславливается рядом факторов мировоззренческой значимости. Научная механистическая картина мира формировалась не без влияния европейской христианской (особенно протестантской) интеллектуальной традиции, представляющей мир однородным, рационально устроенным, подчиненным единому основанию — Божественной воле. В созвучном этому мировидению Ньютоновом понимании вселенских процессов нет идеи самодвижения. Соответственно, в социальных учениях европейских интеллектуалов совокупность изолированных индивидов, подчиненная рациональному (не соответствующему их органической природе) договору, отчуждает часть своей воли в пользу внешней безликой силы — государства. Это сообщество рациональных эгоистов обречено на механистически развивающийся по нарастающей безусловный прогресс — цинично-бессмысленный, как оценят его философы XX века. Существование однородного человечества, «шагающего» в однородном пространственно-временном континууме в едином направлении и в соответствии с едиными рациональными законами, как замечал И. Кант, не испытывает нужды

в моральном выборе личности или народа. Всё просчитывается и прогнозируется без необходимости нравственной свободы.

XIX век, закончившись ницшеанской констатацией смерти Бога, а также формулировкой законов термодинамики и дарвиновского учения, закладывает в основу онтологии XX века иррациональные начала. Эйнштейновская революция в науке приводит к парадигмальному утверждению релятивистской концепции пространства и времени и сменяет унифицированную картину мира представлениями о разнородной совокупности множества систем отсчета. Соответственно с общим «изменением гештальта» (по выражению историка науки Т. Куна) социальная реальность утрачивает облик единого пространства и времени, но обнаруживает многообразие культур и цивилизаций, подобных по генезису и развитию органическим образованиям.

При отсутствии единой пространственно-временной системы координат сравнение культур друг с другом в категориях «отстающих», «догоняющих», «первого эшелона» представляется в социально-гуманитарном научном сообществе невозможным: каждая цивилизация обладает собственным хронотопом, «ускорение» движения в котором чревато нарушением естественного темпа развития. Также как образ жизни одного организма не может служить образцом для жизни другого, бессмысленно подводить культуры под вымышленный общий знаменатель.

Приставка «мега-» в слове «Мегаорганизм» подчеркивает, что обозначаемый им устойчивый объект превосходит любой отдельно взятый организм по масштабам и возможностям. Метафора Мегаорганизма подчеркивает в научном понимании мира его естественную целостность, единство разнообразных незаменимых органов, связанных друг с другом не механически, а органично. Будучи живым образованием, Мегаорганизм и его структурные компоненты в своем развитии не привязаны в научном анализе к жестким, раз и навсегда возникшим детерминантам, устойчивость и гармоничность их существования обеспечивается «интуитивным» поиском новых форм, способностью к своевременным качественным изменениям.

Немаловажно в осмыслении научной интеллигенцией основ существования современного человечества и перспектив его выживания, устойчивого сохранения в привычных условиях

существования обращение к мировоззренческим и аксиологическим смыслам метафоры Мегаорганизма. При гигантском дистанцировании от природы в ходе своей истории человек всё же не может лишиться своих биологических оснований. Попытки забыть о них и недооценивать их значимость обходятся человеку высокой трагичной ценой. Описывая *homo naturalis* в работе «Человек и история», немецкий социолог и философ М. Шелер отмечал отсутствие сущностного отличия человека от животного: «...они различаются лишь по степени присутствия признаков: человек — это только особый вид животного. В человеке функционируют те же самые элементы, силы и законы, которые свойственны всем живым существам, но проявляются они в более сложных следствиях»⁸. Природный человек в такой научной модели мира самодостаточен для природной среды, поэтому не испытывает необходимости возвышаться над ней или искать трансцендентное.

Мегарынок

Биологи подчеркивают, что организмы всегда ограничены некоторым порогом адаптивности и множеством показателей жизнедеятельности — своеобразными границами существования организма, определяющими его устойчивость. Мир же открывает человеку всё большие варианты пластичности, требующие от участников профессионального социогуманитарного научного дискурса конструирования таких моделей устойчивости, которые допускают всё большую изменчивость для сохранения идентичности объекта. Рынок стал своеобразным символом самоорганизующегося мира, в котором постоянно и неизбежно существует хаос, сложно сопрягающийся с порядком, являющий корреляцию изменчивости и устойчивости. В 70-х годах XX века начинается стремительное развитие теория самоорганизации, рассматривающая процессы порядкаобразования из хаотической изменчивости и фактически сконструировавшая онтологическое оправдание рыночных структур в обществе. Это явственно следует из работ представителей синергетического учения Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, обозначающих рынок как аналог хаоса в социальной сфере, понимая при этом под рынком все его конкретные ипостаси: и рынок труда, и рынок услуг,

и рынок идей⁹. Применительно к научным исследованиям общественной устойчивости метафора Мегарынка оказывается более продуктивной, чем метафора Мегаорганизма.

Известно этическое обоснование рыночных механизмов, осуществленное апологетом классической политэкономии А. Смитом. Согласно его убеждениям, рынок естественно коррелирует эгоистические интенции субъектов экономических отношений с задачами процветания нации. Развитие системного познания, в том числе в русле исследований общественной самоорганизации, привнесло в начатое знаменитым американским мыслителем дело очередную лепту. Модель Мегарынка формируется научной интеллигенцией в ответ на неэффективность Мегамшины, связанную с *неэкономичностью управления*, которое требует огромного бюрократического аппарата, отвечающего за контроль исполнения директив; с *неизбежностью проблем профессиональной и нравственной деформации* людей, стоящих практически несменяемо у руля такой мегамасштабной структуры; с *невозможностью нивелировать индивидуальные потребности* и особенности людей, препятствующие их использованию в унифицированном социальном механизме. Социологами и философами установлено, что Мегамашина способствует самосохранению закрытой системы в неблагоприятных условиях, требующих однозначной координации действий всех ее частей и предельного сосредоточения ресурсов. Однако общество по своей природе не может длительное время находиться в замкнутом состоянии без угрозы для своего существования. В свободных рыночных условиях каждый индивид должен обладать свободой критического мышления, которая наряду с демократией составляет фундамент идеи открытого общества. Устойчивость открытого общества заключается в его динамизме. Оно находится в постоянном взаимодействии с другими открытыми обществами, осуществляя обмен товарами, ресурсами, капиталами, идеями. Чем больше в такой системе разнородных элементов, тем сложнее и насыщеннее процессы саморегуляции, тем больше вариантов социального компромисса. В своей последней книге французский мыслитель Анри Бергсон отмечает, что открытое общество — это закономерная стадия развития некогда закрытого общества, сменяющая статическую мораль принуждения динамической моралью свободы¹⁰.

Собственно стихийный процесс порождения в рынке явлен в том, что его законы не устанавливают никакого конкретного порядка, а лишь предписывают условия достижения договоренности, компромисса между участниками мегарыночного пространства в каждой отдельно взятой ситуации. При этом нет необходимости в целостном видении мировой устойчивости, так как мир в качестве Мегарынка фрагментарен: в нем множество ситуаций, сближающих определенных субъектов социального взаимодействия и побуждающих их к созданию условий определенной ситуативной устойчивости. Всё происходящее на рынке подвержено влиянию ситуации и зависит от установок и поведения участников. Три «столпа» рыночных механизмов: стоимость, конкуренция, связь спроса и предложения не оставляют шансов статичной устойчивости. Стоимость — это добровольно ситуативно устанавливаемое непосредственно субъектами рынка значение товара или услуги в контексте протекающей ситуации обмена. Одно только гипотетическое наличие конкурентов — таких же субъектов на рынке побуждает каждого участника постоянно повышать степень своей привлекательности в глазах желаемых партнеров по взаимодействию, не позволяя удовлетвориться имеющимися собственными качествами и статусом. Чрезвычайно подверженные изменчивости ценовой и неценовые факторы влияют на спрос, отражаясь на положении тех, кто осуществляет на рынке предложение.

Здесь обнаруживается связь метафоры Мегарынка и постмодернистской интеллектуальной мысли, декларировавшей смерть всех устойчивых оснований (Бога, автора), некогда предоставлявших возможность зафиксировать некую данность, ясно, окончательно и недвусмысленно определив ее. Одна из ключевых установок постмодернистов — стирание границ. Граница же, предел, мера, обладающие формообразующим потенциалом, традиционно служат основой сохранения идентичности объекта, фактором устойчивости в статичном ее понимании. Различение, а не тождество предмета самому себе привлекает внимание постмодернистов. Нет ничего безусловного и постоянного, существующего в неизменных рамках наличия. В постмодернистском интеллектуальном дискурсе, казалось бы, не может быть и речи о конструировании какой-либо целостной модели мира на основе

универсальной картины мира. Невозможно сформулировать стержневую системообразующую идею, вокруг которой гармонично выстроилось бы мироздание. Не может быть проекта, в соответствии которому необходимо «подгонять» общество. Поняв законы механических явлений, ученые тяготели к распространению принципов движения материальных тел на организацию социального взаимодействия и объяснение психических процессов. Обнаружив сложные феномены природы, не укладывающиеся в освоенную схему линейных детерминант, научная общественность обращается к объяснительной модели организма. Так, каждый раз научный дискурс вырабатывает свою терминологию и методологию познания мира, дающие возможность формировать идеальный символический образ познаваемого объекта.

Создаваемый учеными образ объекта становится тем полнее, чем больше обнаруживается вариантов его определения, конфигурации, форм. Этот процесс в деконструкции бытия неостановим. Феномен определения соответствует стремлению интеллекта к простоте, законченности. Но мир не прост и не знает пределов, соответственно, рациональность, по мысли постмодернистов, ведет исследователя путем простых решений и законченных определений к заблуждениям.

Эта модель устойчивости основана на понимании общества как принципиально открытой системы, существующей по принципу свободы взаимодействия элементов, децентрализации протекающих в ней процессов, не подлежащих подчинению какому-либо проекту. На протяжении тысячелетий человеческой истории обеспечение общественной устойчивости связывалось с максимально жестким иерархическим порядком, позволяющим, прежде всего, контролировать распределение ресурсов. Профессор В. В. Василькова отмечает, что максимально возможную стабильность демонстрируют общества, в которых власть и богатство находятся в распоряжении немногочисленной элиты, когда основная часть населения гомогенна в своей бедности. Изолированная социальная система, сохраняя свою устойчивость в условиях ограниченных природных ресурсов и конечного числа индивидов в своем составе, приобретает форму пирамиды, основание которой представлено большинством, владеющим малыми ресурсами, средняя часть пирамиды соответствует среднему числу индивидов,

владеющих средним количеством ресурсов, вершина пирамиды занята меньшинством, владеющим большей частью ресурсов¹¹.

Чем жестче порядок, обеспечивающий стабильность общества, тем ближе общественная система к распаду ввиду неспособности адаптироваться к меняющимся условиям развития, требующим гибкой и сложной структуры. Русский кибернетик и философ Е. А. Седов, обращая внимание на обреченность жестко детерминированной системы и неэффективность системы полностью разобщенной, предложил формулу соотношения разобщенности (бесконтрольности со стороны централизованной власти) и детерминации в обществе как 20 % к 80 %.

Ученый подчеркивал, что быть полностью детерминированной для системы неестественно, что ограниченное разнообразие обеспечивает перспективы ее развития: «Только при условии ограничения разнообразия нижележащего уровня можно формировать разнообразные функции и структуры находящихся на более высоких уровнях социальных систем. Таким образом, в том аспекте возникает проблема поисков оптимального соотношения детерминации и непредсказуемости граждан и их сообществ как составных элементов социальных систем»¹².

Надо отметить, что метафора Мегарынка отражает феноменологический взгляд научной общественности на жизнь общества как социокультурного многообразия, освобожденного от привязки к жесткой логике исторического развития. Этот взгляд позволяет охватить научным вниманием ранее ускользавшие от него феномены, придавая исследовательской методологии более мягкий, корректный характер.

Мегарынок как модель устойчивости прямо противопоставляется в научном миропонимании модели Мегамшины. Внутренние источники развития Мегарынка не управляются из единого центра, а рассеяны, приближены к непосредственной практике жизнедеятельности, по поводу которой субъекты сами компетентны принимать решения. Соответственно, Мегарынок предполагает доминирование горизонтальных связей над вертикальными. Устойчивость Мегарынка не допускает самозамкнутости, поддерживается постоянным обменом информацией, энергией и ресурсами с окружающим ее миром. Отношение Мегарынка к авторитету силовых структур (в отличие от милитаризированной

Мегамшины) выражено включением таковых во всеобщую шаржевую игру символов, примером чего может служить знаменитое граффити Р. Бэнкса, изображающее двух целующихся констеблей. Регламентация в свободной самоорганизации Мегарынка малоэффективна, ввиду ее быстрого устаревания в стремительно меняющихся ситуативных социальных взаимодействиях. Нормативная правовая база Мегарынка не проста, а формируется и усложняется по мере формирования и усложнения самого процесса общественной жизнедеятельности.

Обе модели в различной степени явленности обнаруживаются исследователями на разных стадиях существования общества: когда оно формирует новый порядок, в нем преобладают признаки самоорганизующегося Мегарынка, когда социум пытается и готов сохранить освоенную форму устойчивости, он тяготеет к централизованному регулированию всех областей своей жизнедеятельности, демонстрируя качества Мегамшины¹³. В силу метафоричности Мегарынок не связан напрямую с рыночным типом экономики как таковым. Так, консервативная идеология может призывать к защите незыблемых устоев рыночного типа хозяйствования, защищая интересы крупных собственников, снижая эффективность амортизационных социальных средств государства, кристаллизуя жесткую иерархичность в обществе, ожидая смирения тех, кто оказался обделен на этом празднике жизни.

Мегакосмос

Применительно к каждому отдельно взятому системному объекту в мире может быть определена та или иная модель лишь в определенной мере на основании сходства идентификационных признаков. Все конструируемые научной общественностью модели могут иметь эвристический потенциал по отношению к конкретной системе в конкретной ситуации, могут сменять друг друга и сочетаться в различной степени представленности свойств. При этом все имеющиеся системы, вне зависимости от известности человеку и прочих качеств, существуя в своих пространственно-временных координатах, объединены единым глобальным условием своего развития — Мегакосмосом, теоретическое воспроизведение которого в современном научном нарративе возможно посредством всех представленных моделей.

Космос, который рассматривался в древних космогониях как исходное начало и состояние окружающего человека упорядоченного мира, в новых условиях эволюции науки, философии, искусства приобретает особое значение как гармоничная целостность, отличаемая актуальными в нашем исследовании характеристиками. Прежде всего, речь идет о *множественности* явлений, процессов, подсистем, составляющих это мегаединство. Каждый феномен, вмещаемый в себя Мегакосмосом, обладает собственной природой и темпами развития, удивительным образом сочетаясь с другими элементами этой гигантской гетерогенной среды. Разнообразные подсистемы *рассеяны* в Мегакосмосе, не подчиняясь в своем существовании некоему началу, находящемуся за пределами Мегакосмоса и определяющему проект его существования. Мегакосмос содержит в себе источники и факторы своего развития. В нем нет жесткой вертикали соподчинения элементов кроме условно выделяемых носителем познающего разума — человеком — уровней организации подсистем. Согласно этой картине структурных слоев, всё мегакосмическое единство подчинено действию безличностных закономерностей физического характера, та часть элементов, которая характеризуется качеством жизни, подчинена еще и действию биологических закономерностей. Сложнейший уровень Мегакосмоса, выделяемый в среде живых организмов наличием разума и самосознания, подчинен действию физических, биологических и социальных законов. В отдельности выбранные для анализа фрагменты Мегакосмоса являют собой самоорганизующиеся системы. Модель Мегакосмоса в целом воплощает собой требование поддержания междисциплинарных связей в корпусе современного научного знания, обусловленных, в свою очередь, необходимостью формирования единой научной картины мира.

Фактически Мегакосмос демонстрирует одновременно на примере разных систем все модели устойчивости, выделенные выше. Обращение к метафорической терминологии при моделировании устойчивости дает возможность отразить ориентир современной науки на гибкость языковых средств, позволяющих выразить различные формы рациональности. В размышлениях немецкого экзистенциалиста М. Хайдеггера встречается установка на выявление изначального переживания действительности

человеком, предшествующего ее предметному восприятию. Преодоление ограниченности «чтойности» современного мышления лежит через признание искусственности научного инструментария и понятийного языка, их вторичности по отношению к экзистенциальным переживаниям человека, существующего в мире значимостей. Именно эта эмоционально-чувственная, аксиологическая составляющая человеческого мировосприятия отображается в языке метафор, столь востребованном современными научными коммуникациями. Отчасти понятие Мегакосмоса отвечает призыву великого философа обратиться к первобытной, донаучной картине мира. М. Хайдеггера вдохновляла идея Платона о том, что общество надлежит преобразовывать по образу и подобию упорядоченного Космоса. Фундаментальное понятие древнегреческой онтологии содержит в себе смыслы, утратившие значимость в результате исторического торжества идеалов Просвещения. По замечанию другого экзистенциального философа, Г. Марселя, именно свершившаяся секуляризация вызвала к жизни сотворенных кумиров, идолов разума, нацизма и классовых интересов.

Самоорганизующийся Мегакосмос, как автопоэтическая система, не подчиняющаяся плану извне, не подлежит и детерминационному воздействию со стороны человека. Формированием данной модели научное сообщество фактически признает, что ему не дано абсолютное предвидение развития наблюдаемых им процессов, разворачивающихся в мире как Мегакосмосе. Это обстоятельство актуализирует еще один древний космологический смысл человеческой жизнедеятельности, согласно которому человек, выражаясь языком теории самоорганизации, является саморазвивающейся системой в саморазвивающемся мире. Это значит, что человек — не марионетка в постановке, режиссируемой высшими силами, подобно, например, средневековым представлениям, но и не успешный покоритель природы, не всемогущий вершитель судеб мира, как позволила человеку ощущать себя идеология Просвещения и Нового времени с сопутствующим ей научно-техническим прогрессом, трагически развязавшим руки хомо сапиенсу. Свое существование человеку необходимо выстраивать соответственно законам Мегакосмоса как универсального миропорядка, находя в своем бытии онтологические, этические и эстетические основания конструирования устойчивости.

Мегакосмос как самое большое по объему понятие из метафорического ряда научных моделей устойчивости демонстрирует идентичность процессов упорядочивания, установления и сохранения устойчивости на всех известных науке уровнях организации мира: в природе, обществе, жизни человека. Оно позволяет в многообразии спонтанных и детерминированных явлений различать универсальные алгоритмы морфогенеза. Путь интеллектуального познания Мегакосмоса лежит не только через этапы накопления и проверки знаний об окружающей действительности, но и нахождения смыслов, осознания логики самоорганизации человека и Вселенной, обращения к предельным основаниям человеческого бытия.

Понятие Мегакосмоса акцентирует в познании мира его устойчивую целостность. В изолированных системах, исследуемых, например, механикой и термодинамикой, возрастает тенденция упрощения и деградации, в то время как энергия Вселенной в целом постоянна. Перенос выявленную закономерность на существование одинокого человека или блокируемых (самоизолирующихся) государств, можно обнаружить все те же деструктивные следствия.

В теоретическом моделировании мира научная интеллигенция выполняет свои ключевые — гносеологические и мировоззренческие — задачи. Специфика миропонимания же всегда связана не только с познавательными целями, но и несет на себе нравственную нагрузку, что непосредственно отражает функцию сохранения, генерации и трансляции духовных ценностей интеллигенцией. Эволюция миропонимания научным сообществом указывает на внесение в осмысление абстрактных понятий мира, космоса гуманистического ракурса, подразумевающего значимость отдельной личности, свободы ее творческой реализации и деликатность в исследовании современных научных объектов.

Примечания

- ¹ Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Метафоры в философских текстах // Омский научный вестник. 2009. № 5 (81). С. 110—113.
- ² Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 133.
- ³ Ламетри Ж. О. Человек-машина // Сочинения. М., 1976. С. 193—244.

- ⁴ *Леденева Е. В.* Человек-машина (между Ламетри и Декартом) // *Crednew*. СПб., 2010. № 3.
- ⁵ *Лаплас П.* Изложение системы мира. Л., 1982. С. 74.
- ⁶ *Лейбниц Г.* Начала природы и благодати, основанные на разуме // *Сочинения* : в 4 т. М., 1982. Т. 1. С. 404.
- ⁷ *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа // *Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура*. М., 1991. С. 46.
- ⁸ *Шелер М.* Человек и история // *Человек: образ и сущность* : (ежегодник). М., 1991. С. 143.
- ⁹ *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Основания синергетики : синергетическое миропонимание. М., 2010. С. 183.
- ¹⁰ *Бергсон А.* Два источника морали и религии. М., 2010.
- ¹¹ *Василькова В. В.* Порядок и хаос в развитии социальных систем : (синергетика и теория социальной самоорганизации). СПб., 1999. С. 129.
- ¹² *Седов Е. А.* Информационно-энтропийные свойства социальных систем : выступление на очередном заседании Междисциплинар. семинара по изучению цивилизационных кризисов 28 января 1993 года // *Общественные науки и современность*. 1993. № 5. С. 100.
- ¹³ *Василькова В. В.* Указ. соч. С. 340—346.

ББК 60.543.132.1

А. М. Баженов, Т. М. Мартынова

РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ

Политический режим — категория политологии, характеризующая реальное распределение политической власти и влияния в государстве и обществе. В основе политического режима в любом конкретном общественном образовании лежат свойственный ему тип легитимной власти, структура политических институтов, система и место партий, форма и роль государства. В более широком плане в понятие политического режима включают совокупность институциональных, идеологических и социальных элементов, способствующих формированию определенного облика политической власти в данной стране и в данный период. В наиболее конкретном описании политического режима — определенное сочетание системы партий, способа голосования, методов принятия решений, структуры и роли групп давления.

Политологи, более склонные к законодательной традиции дисциплины, зачастую концентрируются на том, что записано в конституции. Действительно, конституционная система очень важна. Однако положения конституции не всегда соответствуют реальности. Поэтому политологи нуждаются в термине, который бы совмещал конституцию и реальности политики. Если просто

© Баженов А. М., Мартынова Т. М., 2014

Баженов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета. bajenov.anatol@yandex.ru

Мартынова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета. martynovatm60@yandex.ru

исходить из того, что написано в законодательном тексте, и принимать это за реальность, то можно оказаться в очень сложном положении. Категория «политический режим» отвечает на вопросы: кому принадлежит реальная политическая власть в данном обществе, как, какими методами осуществляется эта власть. Она характеризует также то, как соотносятся и взаимодействуют в данном социальном организме гражданское общество и государство, каков объем прав и свобод личности, социальных групп и реальные возможности их осуществления.

В этой связи уместно сослаться на определение политического режима, данное А. П. Цыганковым: «Политический режим есть совокупность определенных структур власти, которые функционируют в общих (структурных и временных) рамках политической системы общества и преследуют цели ее стабилизации, опираясь в этом на сложившиеся (или же складывающиеся) социальные интересы и используя специфические методы»¹.

При классификации политических режимов чаще всего выбирают следующие признаки: обеспечивается ли и в какой степени данным режимом реальное выражение плюрализма интересов в обществе; существует ли легально и какие возможности имеет политическая оппозиция; каковы реальные возможности контроля избирателей над властями, гражданского общества над государством; методы властвования, наличие или отсутствие свободных выборов; уровень политических свобод граждан; способы разрешения властью конфликтов в обществе; и т. д.

Не существует политического режима или какого-то типа режимов, пригодного для любого народа и на все времена. Изменение режима по образцам, взятым из какой-либо схемы или из опыта других стран, не может принести успеха, если для этого не сложилось необходимых предпосылок и условий в жизни данного общества. Даже полная смена официальных властных институтов общества на институты, характерные для другого режима, не может означать реального изменения режима. В конечном счете, то, какой именно режим существует, определяется наличными условиями: в том числе отношениями собственности, экономической ситуацией, соотношением политических и социальных сил, геополитическим и в целом международным положением, традициями данного общества, уровнем и характером политической культуры

массы населения; задачами, которые объективно приходится решать обществу на данном этапе исторического развития.

Обычно принято различать демократический, авторитарный и тоталитарный режимы. В научной литературе можно встретить и другие типологии. Так, культурная теория имеет собственную классификацию политических режимов по достаточно четким критериям. Там, где преобладает одна культура, режим носит ее имя. Попарное комбинирование двух доминирующих культур создает четыре типа режимов. Иерархия и эгалитаризм в совокупности дают социальную демократию. Эгалитаризм и индивидуализм производят исключительность. Индивидуализм и фатализм ведут к авторитаризму. Фатализм в сочетании с иерархией питает тоталитаризм.

Известный американский политолог Хуан Линц выделяет пять основных типов режимов. Кроме названных, он добавляет еще посттоталитарный и султанистский режимы. Линц определил авторитаризм как политическую систему, при которой власть ограничивает участие народа в политической жизни, опираясь на традиционализм и политическую апатию населения. По его мнению, именно опорой на традиционные институты — церковь, патриархальные семьи, клановые группы — и на политическую пассивность населения авторитаризм отличается от тоталитаризма. Тоталитаризм — политический режим, при котором правители государства не заинтересованы в пассивности населения, напротив, они политически мобилизуют его, идеологически подчиняют себе, манипулируя массовым сознанием и стремясь к тотальному контролю над всеми сферами жизни общества.

Реальная практика показывает, что в настоящее время в мировом сообществе преобладает тенденция к демократизации политических режимов. Это находит отражение и в политической жизни современной России. Известно, что демократия — самая рациональная форма правления: периодическая организация свободных выборов требует меньших затрат, чем поддержание внутреннего порядка с помощью силовых средств, при всех вариантах авторитарного или тоталитарного контроля над обществом. Современная демократия, как полагали М. Вебер и Й. Шумпетер, может утверждаться и базироваться не на предполагаемой доброй воле и благих пожеланиях просвещенного правителя. Это

возможно на соревновании элит, противостоящих организованной бюрократии, конкурирующих и уравнивающих друг друга в борьбе за политическое лидерство, представляющих и умеющих согласовывать различные интересы.

Россия совершает переход от тоталитарного политического режима к демократическому режиму с огромными трудностями. По объему решаемых российским обществом задач этот период иногда называют второй русской революцией.

События, развернувшиеся сразу после неудавшегося путча в августе 1991 года, стали поворотными в политической жизни российского общества. К ним можно отнести дискредитацию и запрещение КПСС, приход к власти общественных сил, назвавших себя демократическими, а на самом деле весьма разнородных и нередко противоречащих друг другу. Сюда же надо отнести официальный отказ новых политических сил и властных структур от коммунизма (часто можно слышать, что это декларативно), непоследовательный, несистематический курс на проведение реформ, по самой своей сути антитоталитарный (и в экономике, и в политике, и в идеологии, и в культуре), наконец, распад СССР на отдельные независимые государства. Сегодня ситуация в российском обществе является достаточно противоречивой. Здесь следует заметить, что в этот процесс вовлечена и определенная часть интеллигенции.

Россия не знала, не имела института демократии. Она не имела института свободы. Она знала, что такое воля, но свободы не знала. В России не уважали личность. Родину, отечество, отчизну уважали. В России не уважали закон. Всему этому можно найти объяснение в отечественной истории. В связи с этим историк А. Зубов утверждает: «У Карамзина, у Соловьева, в какой-то степени даже у Ключевского и Платонова история ориентирована на государство — как династию или политический режим, строй, власть. Не на человека. И культуре как духовной составляющей общества уделяется недостаточно внимания»².

Видимо, пока Россия не освоит эти институты, пока они не вольются в ее кровь, ничего хорошего не будет. Нужно много времени, много поколений, много страданий. Не в последнюю очередь это будет зависеть от утверждения демократического режима. Для этого открывается широкое поле деятельности

российской интеллигенции. Тут можно привести умозаключение Э. Паина: «Элементарные и неустойчивые демократии сносит в сторону авторитаризма почти вне зависимости от личных особенностей и биографии лидера страны или специфики региона»³. Это прошлое напоминает о себе на каждом шагу. Традиции подчинения личности, общества власти у нас заложены с давних времен. Эту палитру красок в образе жизни, во всем укладе общественных устоев «обогастил» коммунистический режим.

Конечно, об укоренении демократического режима можно будет говорить лишь тогда, когда не только закон и право будут восприниматься аксиомами большинством населения, но и сама жизнь претерпит радикальные изменения. Российская интеллигенция будет в первых рядах на этом пути. Не только социально-экономическая жизнь диктует линию поведения нынешнего политического режима в России. По старой советской традиции множество проблем нашей весьма неустроенной жизни часто замыкается на одно лицо — президента. Несмотря на большое количество чиновников всех званий, на весь разросшийся государственный аппарат, никто не может или не хочет брать ответственность на себя. Хотя давно говорится, что каждый за всё в ответе. Но, увы, далеко не каждый. Даже те, кто обличен в соответствии с занимаемой должностью огромной властью, всякий раз не прочь передоверить президенту решение очередного судьбоносного вопроса.

Вот уже более двадцати лет в России в той или иной степени идут реформы. Многое из того, что было наносным, в том числе разные финансовые пирамиды, исчезло. Тем не менее, результаты этих реформ пока скромные. Сейчас часто можно слышать, что общество было не готово к таким переменам. Если это так, то наступает всевластие бюрократии. Преобразования осуществляются ее руками и в ее интересах. Отсюда — недоверие даже лучших людей к власти и ее реформам. К сожалению, в среде творческой интеллигенции такое настроение тоже присутствует. Видимо, весь вопрос упирается, если можно так сказать, в качество политического режима. Может ли Россия чего-то достичь при таком режиме? Нынешнее состояние общества — это приговор попыткам целых слоев российского населения «вписаться» в чуждую им жизнь.

Здесь трудно не согласиться с А. П. Бутенко, который отмечал, что тоталитарный режим утверждался в России по известной

схеме. Партийно-государственная бюрократия, возглавляемая И. Сталиным, спекулируя на исключительной ситуации, в которой находилась страна (разруха, голод, бойкот на международной арене, изоляция), используя веру народа в светлое социалистическое завтра, реализовала свой социальный идеал — казарменный социализм и обеспечила номенклатуре политическую власть, распоряжение средствами производства, общественными богатствами. Так было создано первое тоталитарное общество коммунистических цветов, но эксплуатировавшее трудящихся⁴.

Как известно, последствия этих процессов для российского общества драматические. Утвердившийся политический режим оказал деформирующее воздействие на сознание многих поколений людей. В 2012 году исполнилось 75 лет Большому террору. В этой связи Международное общество «Мемориал» опубликовало тезисы «Тот самый Тридцать Седьмой и современность». Оценивая события того времени, общество отмечает: «Это окончательная девальвация ценности человеческой жизни и свободы. Это культ чекизма, романтизация насилия, обожествление идола государства. Это эпоха полного смещения в народном сознании всех правовых понятий»⁵.

В то же время часто ссылаются на неповторимость, уникальность российского опыта. Действительно, в чем Россия не испытывает дефицита, так это в особенности пути своего развития — и ничего этой особенности, очевидно, не грозит и сейчас. Мы отличаемся от развитых стран, прежде всего, патерналистской структурой власти; она только окрепла после 1917 года, никуда не делась и после 1991 года. Судя по всему, не потерпит ущерба и в ближайшем будущем.

В этом случае концепция тоталитаризма служит логической системой отсчета, базой для теоретического и исторического анализа изменений институтов, культуры, человека в стране. Из теории тоталитаризма известно, что массовый террор, его институты имеют важнейшее функциональное значение для поддержания режима такого типа. Помимо очевидных задач устрашения и дисциплинирования населения, консолидации на основе страха или ненависти к врагам, он способствует обеспечению социальной мобильности, в первую очередь, для нижних уровней номенклатуры. Этим самым открывая для них каналы продвижения

наверх, лояльности к вышестоящим руководителям, вызывая надежды на лучшее будущее, оптимизм и уверенность в самой системе. Так было в СССР в годы правления И. Сталина.

После выведения кадров властной верхушки из-под возможного удара аппарата тайной политической полиции, террор не исчез, изменился лишь его характер: из массового он превращается в террор локальный, профилактический, направленный против отдельных групп населения. Всем советским людям памятна репрессия против диссидентов в 60—80-е годы XX века. Диссидентское движение в СССР существовало с ареста А. Синявского и Ю. Даниеля в 1965 году до перестройки и освобождения политических заключенных. Самую заметную роль в диссидентском движении сыграл академик А. Д. Сахаров.

В этой связи интересное суждение высказал Д. Гранин. Говоря о роли отечественных физиков в развитии науки и в общественной жизни, он отметил: «Ну вот, и эту бомбу они сделали, а дальше можно было с их мнениями не считаться. Это, собственно, и мучило Сахарова — он предлагал дельные, спасительные вещи, а его никто слушать не хотел. Значительную их часть вытолкнули в диссиденты... а не менее значительная часть спокойно себе продолжала работать, не обращая внимания на слом времен»⁶.

Избирательность репрессий означала, что довольно скоро в средних эшелонах аппарата управления стало ощущаться замедление процессов вертикальной и горизонтальной мобильности, так как сократилось число вакансий, пропускная способность каналов социального лифта сузилась. Это связано с тем, что не было социальной дифференциации, система могла расти или уменьшаться лишь в своих количественных характеристиках, не меняя самой своей структуры.

Лишение террора системного характера очень скоро сказалось на падении эффективности управления, вызывая у высшего эшелона склонность к консервации положения вещей и отказ от обострения отношений с основными внешними противниками, что потянуло за собой и конец идеологии, конец мессиянства, рост материальных запросов населения. Всё это завершилось к концу 1980-х годов появлением и утверждением групп интересов, в том числе и властных. Одним словом, наступил системный кризис, который развалил всю сложившуюся структуру тоталитарного

государства, а у самой системы, точнее у ее руководства, не было возможностей справиться с ним.

Распад системы произошел при общей пассивности населения. Крах коммунистического режима не был вызван открытым выражением общественного недовольства или действием каких-то общественных сил и групповых интересов. Он стал результатом длительных тенденций децентрализации тоталитарного режима и невозможности его воспроизводства. В 1991 году рухнул только самый внешний, имперский контур организации тоталитарного режима, однако это не означало ликвидации самих институтов. Сегодня многие эксперты сходятся во мнении, что проведенная в интересах номенклатуры приватизация государственной собственности привела к изменению социальной структуры российского общества, то есть к сращиванию власти, чиновничества разных уровней и бизнеса, но вовсе не к свободному рынку.

Ликвидация КГБ, конечно, сократила объем полномочий института тайной политической полиции и масштабы террора против общества. Несколько изменились его функции, но сам институт после кризиса сохранил свою структуру и прежнюю практику масштабных провокаций. Однако главное влияние КГБ на государственную политику заключается по-прежнему в ресурсах кадрового подбора и контроля, в том числе и для высших структур власти⁷. Связь тайной полиции с высшей властью заключается в первую очередь в использовании ее для укрепления политического режима. Она помогает власти в установлении контроля за силовыми структурами, судебной властью, за крупными ФПГ, СМИ и региональной администрацией. Правда, круг полномочий ФСБ (наследника КГБ) по воле власти сейчас расширяется⁸.

Одним словом, несмотря на все видимые изменения в общественной и политической жизни, не произошло отделения государства от общества, автономизации и структурно-функциональной дифференциации социальных институтов⁹. По данным социологического исследования Левада-Центра, открываются черты знакомой тоталитарной организации господства. Власть в стране предельно централизована, недифференцирована. Она опирается в первую очередь на неконституционные органы и механизмы господства. Речь идет об администрации президента и политической полиции, которая выведена из-под контроля закона,

суда и парламента, на систему пропаганды и агитации — СМИ, полностью зависимые от власти, вооруженных сил и представителей центральной власти в провинции, а также директората крупнейших корпораций и предприятий. Эта власть фактически бесконтрольна, ее дееспособность вызывает большие сомнения. Ни политические партии, ни профсоюзы, ни интеллигенция не пользуются сколько-нибудь существенным влиянием. Конструкцию власти дополняют олигархи, которые воплощают в себе все негативные качества силы, почти равной президенту. Таким образом, распад тоталитарной структуры организации общества-государства не сопровождается появлением новых представлений о социально-политической реальности¹⁰.

В России за всю тысячу с лишним лет ее существования только и дышали воздухом свободы, по выражению декабриста Михаила Бестужева, четыре часа на Сенатской площади. В этот ряд можно добавить восемь месяцев в 1917 г. и первое десятилетие после падения СССР. В силу этих обстоятельств можно только удивляться, что русский человек, тем не менее, выносил в себе кое-какие высокие качества европейца, потому что раб, как ты ему ни сочувствуй, всегда и при любых условиях остается таковым. В этой связи можно привести свидетельство Б. Мессерера о финале правления И. Сталина: «Годы моего взросления совпали с последними годами жизни товарища Сталина. Гигантская мрачная тень вождя народов подавила в стране всё живое, и было ощущение, что мрак этот всё сгущается»¹¹.

Демократия представляет собой в некотором роде механизм урегулирования возникающих в обществе конфликтов, поэтому важно выявить источники и субъекты конфликтов. В плюралистической модели политическая система — сбалансированный механизм, в котором участвуют группы, взаимно сдерживающие и уравновешивающие друг друга в процессе реализации своих интересов. Она предполагает наличие в обществе множества центров власти, вступающих в конфликты, соглашения, компромиссы, в ходе которых принимаются взаимоприемлемые решения.

Плюрализм становится гарантом возможности борьбы между различными властными группами, разрешения возникающих между ними конфликтов, достижения равновесия и компромисса. Права человека обеспечивают свободу слова, ассоциаций, организаций,

убеждений и собственности. Договорный принцип предоставляет договаривающимся сторонам возможность для заключения и перезаключения договора, а принцип представительства гарантирует легитимность правительства путем участия в выборах всех без исключения граждан.

В политической жизни современной России признаки плюралистической демократии проявляются крайне противоречиво. Думается, лучшей характеристикой особенностей политического режима в нашей стране является суждение выдающегося политика и писателя Вацлава Гавела (это сказано незадолго до его смерти): «Думаю, российское общество ведет борьбу с самой жесткой из всех известных форм посткоммунизма, с этакой особенной комбинацией старых стереотипов и новой бизнес-мафиозной среды... Поэтому я убежден, что необходимо в первую очередь убедить граждан России в том, что режим, который преподносится им под видом демократии, никакой демократией не является. Этот режим отмечен лишь некоторыми крайне формальными приметами демократии»¹².

Тем не менее, обнаруживается привлекательность демократической альтернативы России как политического проекта для значительной части населения. В этом состоит большая заслуга разных групп интеллигенции, что стало возможным при сочетании нескольких факторов.

Политика информационной открытости, проводившаяся М. С. Горбачевым в годы перестройки, позволила быстро разрушить одну из главных основ легитимности коммунистической системы, а именно миф о ее большей эффективности в социальной сфере и способности более надежно защищать права «простого человека». Информация о реальной жизни на Западе, которую стали активно пропагандировать отечественные СМИ, побудила миллионы советских людей отвернуться от коммунистической системы и связать свои надежды на будущее с реализацией демократического проекта.

В немалой степени популяризации демократического проекта в 80—90-е годы XX века в нашей стране способствовали и общемировые тенденции. К ним относятся новая волна демократизации, затронувшая многие страны, быстрый крах коммунизма в странах Центральной и Восточной Европы и столь же стремительный

упадок коммунистических партий в государствах Западной Европы, динамичное и поступательное развитие Запада во главе с США.

Успеху демократического транзита в нашей стране в рассматриваемый период содействовала и мощная демократическая традиция, созданная представителями интеллигенции во времена хрущевской «оттепели», при всех оговорках. В центре их внимания находились проблемы соблюдения человеческого достоинства, социальной справедливости, свободы выбора. И хотя подавляющее большинство «шестидесятников» предпочитало оставаться в рамках коммунистической парадигмы и не ставило вопроса о смене общественного порядка, высказываемые ими идеи, достаточно глубоко проникшие в сознание наиболее активных слоев советского общества, в значительной мере обеспечили готовность к масштабным переменам.

В России, в отличие от государств Восточной Европы, не произошла переоценка ценностей. Демократия на массовом уровне изначально воспринималась лишь как способ более эффективно, чем коммунистическая система, решать задачи повышения материального благосостояния народа.

Изначально для большинства населения оставалась неясной цель перемен. В отличие от граждан бывших социалистических стран, для которых главным было возвращение в европейскую цивилизацию через интеграцию в ключевые институты Запада — Европейский Союз и НАТО, для большинства россиян смысл посткоммунистических изменений и по сей день выглядит неопределенным.

К началу 1990-х годов в России не сложилось влиятельное гражданское общество. У нас сформировалось в основном общество потребления, которое захотело жить «как на Западе», что и стало поначалу мощным ресурсом реформаторов в поддержке проводимой ими политики. Однако под влиянием экономических трудностей, необходимости адаптации к новым условиям жизни, общество потребления стало стремительно атомизироваться.

Сложная ситуация, в которой оказались демократия и демократы в нынешней России, обусловлена в значительной степени специфическим состоянием общества. Наше общество очень слабо организовано, в нем очень низок уровень солидарности. В этой связи можно сослаться на мнение Д. Норта, Д. Уоллиса и Б. Вайнгаста о том, что имеется зависимость между наличием общественных

организаций и состоянием демократии. «Важность групп и организаций для жизни современных либеральных демократий остается краеугольным камнем огромного корпуса литературы по гражданскому обществу, — пишут они. — Богатая и разнообразная сеть групп и организаций контролирует как действия правительства, так и условия, в которых индивидуальные ценности — терпимость, участие, гражданственность — могут быть воспитаны»¹³.

При анализе в рамках институционального подхода политический режим оценивается с точки зрения действующих в стране формальных и неформальных институтов. Сейчас можно вспомнить, что в первый период пребывания В. Путина у власти в России были осуществлены либеральные по своему содержанию институциональные преобразования. В частности, приняты шаги по упорядочению прав собственности, проведена земельная реформа и законодательно признана частная собственность на землю, в результате принятия Налогового и Бюджетного кодексов упорядочены финансовые отношения, начато перераспределение полномочий между федеральным, региональным и местным уровнями власти.

Но после драмы в сентябре 2004 года в Беслане, событий, связанных с «оранжевой революцией» на Украине, политический режим в России резко развернулся в противоположную сторону. Среди специалистов широко распространено мнение, что в современной России «властная вертикаль» сосуществует со слабыми институтами. Универсальные правила игры отсутствуют, поскольку правящая элита не заинтересована в их укоренении в общественную жизнь. Происходит демонтаж системы политического представительства общественных интересов в представительных органах власти, в первую очередь в обеих палатах Федерального Собрания, а также разрушены каналы коммуникации между различными уровнями власти¹⁴.

Субъектный подход позволяет вскрыть специфику политического режима через участников, которые играют системообразующую роль в его создании, поддержании и воспроизводстве. С помощью этого подхода удастся избежать статичного представления о политическом режиме и выявить, как он меняется в случае замены важных участников. В исследованиях российских политологов и социологов, как правило, политический режим

отождествляется с доминированием элитных групп. Стало уже общим местом утверждение о том, что в России отсутствует гражданское общество, проявляется слабость и неэффективность действующих социальных институтов, постоянно воспроизводится модель «реформирования сверху», а элитные группы становятся главными действующими игроками на политическом поле.

Таким образом, выбор из всех перечисленных подходов для исследователя — это, видимо, вопрос индивидуальный. Наряду с персональной склонностью к определенному типу анализа существует объективная закономерность: научный подход избирается в зависимости от стоящих перед ученым задач. Сравнительный подход позволяет понять, насколько российский вариант типичен для всех посткоммунистических стран, а что в нем исключительно российское. Историко-трансформационный подход дает представление о месте постсоветского периода в российской истории. Субъектный и институциональный подходы раскрывают особенности функционирования существующего политического режима. Думается, на развитие политического режима могут в определенной степени повлиять проводимые научные изыскания, в которых особенно велика роль научной интеллигенции.

Вместе с тем современный политический режим в России, по мнению аналитиков, не может быть отнесен к категории классического авторитаризма. Допускается ограниченная свобода слова, в частности, выходят такие издания, как «Новая газета», «The New Times», ведет радиопередачи «Эхо Москвы», имеется доступ к Интернету. Практикуется избирательный характер физического насилия к противникам режима. Пусть формально, но регулярно проводятся выборы разного уровня в целях легитимации реальной власти. Конечно, в действиях нынешнего политического режима просматривается определенная преемственность. В процессе становления новой России мы многое связываем с деятельностью первого президента Б. Н. Ельцина. Затем В. Путин преобразовал полуавторитарный режим Б. Ельцина в полноценный авторитаризм. При этом сопровождал его символическими признаками тоталитаризма¹⁵. В. Путин принял не только пышность ритуала инаугурации президента России, больше напоминающей коронацию русских царей, но и небывалый объем полномочий, сосредоточенных в руках президента, тех полномочий, которые

при Б. Ельцине были внесены в Конституцию РФ. В. Путин перенял технологию исторической легитимации президентской власти, но в отличие от своего предшественника легитимировал и советский режим. Б. Ельцин проводил политику «возвращения России в Европу», В. Путин возродил сталинскую политику «осажденной крепости», антизападную риторику холодной войны и шпиономанию. Б. Ельцин символизировал разрыв России с тоталитаризмом; при В. Путине же российские власти рассылали ноты протеста тем европейским странам, которые признали сталинизм и гитлеризм равно недопустимыми формами тоталитаризма. Б. Ельцин подчеркивал антиимперский характер своей политики. При В. Путине определяющей линией внешней политики России стало «великодержавие», по сути дела, культ империи. Для этой цели возрождается и культ Сталина, который подается вовсе не как марксист, а как человек, создавший великую империю. Для державников Сталин стал новым собирателем империи.

Страна, живущая в ситуации осажденной крепости, не расположена поощрять народный суверенитет и гражданские права. В таком государстве не приживается федерализм с его децентрализацией власти и широкими полномочиями региональных центров в сфере самоуправления. Здесь же следует вывод и о том, как не было в России общества, способного контролировать государственный аппарат и осознавать свою ведущую роль в политической системе, так его и нет сейчас. Некоторые аналитики склонны утверждать, что в этом отношении наблюдается даже регресс, связанный с утратой традиционных институтов социального контроля. Отсюда и гигантские качели инверсии ценностей в нашем обществе.

Отсутствие перемен в условиях включенности России в систему глобальной экономики будет постоянно напоминать о себе растущим отставанием нашей страны в мировой конкуренции. Достаточно образно по этому поводу заметил экономист С. Гуриев: «Ничего нетипичного нет, кроме того, что Россия слишком богатая и образованная страна для того, чтобы иметь недемократический режим. В остальном — это нормальная недемократическая страна, в которой элита всеми силами хочет остаться у власти»¹⁶.

В то же время российское общество в целом удовлетворено складывающимися реалиями. Демократия — это часть современного мира. Она возникла в определенном регионе и в определенных

культурных условиях, но распространяется на разные страны. Россия, очевидно, усваивает демократию труднее, чем другие страны.

Данное умозаключение подтверждается результатами социологических исследований. Сегодня в России та часть граждан, которых называют обывателями, составляет большинство населения. Оно является электоральным ресурсом сохранения нынешнего политического режима. Но люди начинают задумываться о способах изменения действительности, даже сочувствовать в глубине души протестному движению. По данным Левада-Центра, институт выборов поднялся в цене в глазах россиян: они видят в нем инструмент здоровых, постепенных, спокойных перемен. 42 % респондентов готовы использовать выборы для того, чтобы изменить положение дел в стране. В 2009 году число сторонников такой точки зрения достигало 13 %. Несменяемость власти, несмотря на сравнительно высокие рейтинги «безальтернативного» президента, уже не устраивает население. За последние шесть лет увеличилось с 20 до 36 % число россиян, считающих, что несменяемость власти приводит к усилению произвола и росту коррупции. Несменяемость властей как оплот стабильности признают 20 % респондентов. Наконец, 48 % отрицательно относятся к идее отмены выборов мэров, а 21 % — за отмену.

Одним словом, в настоящее время в России нет устойчивого запроса на демократизацию, понимаемую как готовность к поддержке и участию в переустройстве политического режима на принципах конкурентности, открытости, гражданского контроля над властью. Но нет и отчетливого неприятия идеи демократизации. Элиты в основном ориентированы на сохранение статус-кво. Массовые же слои на волне умеренно-позитивных ожиданий последних лет, вызванных относительными экономическими успехами (за счет доходов от продажи нефти и газа), хотя и выражают недовольство отдельными сторонами жизни в стране, тем не менее, по-прежнему связывают надежды на улучшение с существующей властной элитой, либо предполагают уход в частную жизнь.

Разумеется, всё перечисленное является благодатной почвой, средой для утверждения авторитарного политического режима со всеми его атрибутами.

Российские специалисты всё больше приходят к убеждению, что усиливающийся контроль власти над избирательной

системой, над общественными организациями, вмешательство государства в экономику не уравниваются вялым сопротивлением общества или ростом коррупции, компенсирующей отчасти для населения произвол государства.

В то же время разные группы интеллигенции прилагают усилия для смены курса российской власти в позитивную сторону. Это происходит в связи с важными событиями для всей России. Интеллигенция осудила действия власти против независимого телеканала «Дождь», судебный «Болотный процесс». В связи с событиями на Украине и в Крыму 19 марта 2014 года прошла первая сессия Конгресса интеллигенции России под лозунгом «Против войны, против самоизоляции России, против реставрации тоталитаризма». Власти должны прислушаться к мнению значительной части интеллигенции.

Итак, при всех нынешних катаклизмах в России идет процесс становления нового политического режима. Интеллигенция в определенной степени оказывает влияние на этот политический процесс.

Примечания

- ¹ *Цыганков А. П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика : учеб. пособие. М., 1995. С. 18.
- ² См.: Единый учебник для разорванного общества // *The New Times*. 2013. № 39. С. 28.
- ³ *Паин Э.* Политический режим в России 2000-х гг.: особенности наследственные и приобретенные // *Вестник общественного мнения : данные. Анализ. Дискуссии*. 2009. № 4 (102). С. 46.
- ⁴ *Бутенко А. П.* Тоталитаризм в России и пути его преодоления // *Социально-политический журнал*. 1994. № 9/10. С. 172.
- ⁵ Тот самый Тридцать Седьмой и современность : тез. Междунар. о-ва «Мемориал» к «юбилею» Большого террора // *Новая газета*. 2012. № 84. С. 12.
- ⁶ *Быков Д., Муратов Д., Петлянова Н.* Даниил Гранин: «Остервенение и русский Бог» // Там же. 2014. № 16.
- ⁷ *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М., 2005.
- ⁸ *Камышев Д.* Принтер опять взбесился // *The New Times*. 2014. № 1. С. 10—13.
- ⁹ *Гудков Л.* Деньги и власть в общественном мнении россиян : (одномерность представлений о формах социального) : статья вторая : Институциональный имморализм элиты и власти // *Вестник*

- общественного мнения : данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 4 (84). С. 29—32.
- ¹⁰ Там же. С. 42—43.
- ¹¹ *Мессерер Б.* Промельк Беллы : фрагменты книги // Знамя. 2011. № 10. С. 121.
- ¹² *Гавел В.* Самой большой угрозой для России были бы равнодушие и апатия людей // Новая газета. 2011. № 143. С. 15.
- ¹³ *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки : концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. С. 48.
- ¹⁴ *Латина Н., Чирикова А.* Путинские реформы и потенциал влияния региональных элит : анализ. докл. М., 2004.
- ¹⁵ *Паин Э.* Указ. соч. С. 42.
- ¹⁶ *Колесников А.* Сергей Гуриев: «Каждый диктатор несчастлив посвященному» // Новая газета. 2013. № 146. С. 7.

ББК 60.543.132.1

Е. А. Трофимов

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
КРАТОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК**

В современных политических системах ключевую роль играют четыре социальные общности — интеллигенция, бюрократия, предприниматели, военные. Все они участвуют в репродукции политической элиты. Оптимум их соотношения в механизме политического управления позволяет обеспечить устойчивость социально-политической системы, а противостояние между ними способно привести к нарушению эволюционного социогенеза. Надо заметить, что примеры такого противостояния неоднократно

© Трофимов Е. А., 2014

Трофимов Евгений Александрович — кандидат политических наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного аграрного университета. dalgau@tsl.ru

проявляли себя в истории России, даже несмотря на присущий политической системе страны патернализм.

В известном смысле, интеллигенция, бюрократия, предприниматели и военные — самодостаточные социально-политические субстанции, занимающие свои ниши в социуме и отличающиеся друг от друга социокультурными и ценностными характеристиками. Так, интеллигенция характеризуется творческим началом. Обладая разумностью и способностью самостоятельного понимания сущности и природы вещей¹, интеллигент наделяется «самостью», дистанцируясь от других социальных групп, в большей мере подверженных влиянию извне. «Самость» преобладает в понимании интеллигента у Гегеля и Шеллинга. Русский социолог и публицист-народник П. Л. Лавров в «Исторических письмах» отождествляет интеллигентов с людьми критической мысли². Таким образом, интеллигент представляет собой самостоятельного и относительно независимого от внешнего мира индивида, отличающегося своими свободолобивыми представлениями от других Homo sapiens.

Для бюрократа критическое осмысление жизни и творческий подход не характерен. Он создан для служения государству и обеспечения его функционирования. Содержательная сторона бюрократа переполнена противоречиями: он безлик, но в то же время своим светом озаряет всё социальное пространство; он сплочен с другими в своей неоднородности; осуществляя функции служанки социума, бюрократ стремится повелевать своим хозяином; он с недоверием относится к своему настоящему «кормильцу», его свободам и систематически посягает на них, прикрываясь руссоистским «общим благом»; он не имеет своего мнения, но большинство происходящих в социуме процессов подчинено его пониманию.

Предприниматель, как и интеллигент, творец. Он стремится к самостоятельности, дистанцируясь от бюрократии, желающей ограничить его способность «делать» деньги, и от интеллигенции, ограничивающей его моральными принципами и идеями социальной справедливости, во многом представляющимися ему иррациональными. Предпринимателю нужна стабильность, поэтому к любому насилию и отождествляемым с ним институтами он, как и интеллигент, относится крайне отрицательно.

Военные также представляют собой достаточно изолированную группу. Их место в системе социальных отношений продиктовано монопольным правом государства осуществлять насилие, использовать различные инструменты физического подавления тех общностей, которые угрожают стабильному функционированию социальной системы и даже государству. Как считал М. Вебер, «государство есть то человеческое сообщество, которое внутри определенной области... претендует (с успехом) на монополию легитимного физического насилия»³, одним словом, то государство является сильным, которое обладает сильной армией. Но иногда и сама армия способна стать государством, свергнув прежнего Левиафана или захватив ключевые посты государства при помощи политического давления и введения своих представителей в его состав.

Таким образом, каждая социальная группа имеет свою природу, интересы, представления и ценности. Каждая группа способна выступать как механизмом обеспечения социальной стабильности, так и субъектом социального напряжения. Но ключевую роль в этом процессе всё же играет бюрократия, которая является некоторого рода «прослойкой», обеспечивающей своей приспособляемостью и живучестью стабильное развитие социума. Эту способность бюрократии отмечает В. В. Похмелкин: «Бюрократия бывает вынужденной делиться собственностью на государство, доступом к принятию властных решений, а вместе с ним и к различным ресурсам с другими социальными группами, но она никогда не теряет контроль над ним, пока сохраняет себя в качестве класса, имеющего общий интерес в разрастании, расширении и концентрации государственной власти»⁴. Природной склонностью бюрократии становится стремление к навязыванию своей воли другим социальным общностям, желание всеми возможными и не возможными способами подчинить их себе, в независимости от того, кто они — интеллигенция, предприниматели или военные.

Рассматривая место интеллигенции в системе властных отношений современной России, следует сказать, что с президентством В. В. Путина, влияние интеллигента творца на политический процесс заметно изменилось не в лучшую сторону. Известный российский социолог О. В. Крыштановская отмечает, что президентские выборы 2000 года возвели впервые в истории российского государства на политический пьедестал офицеров:

«...это была не хунта, не военный режим. Военные пришли к власти в России легитимно. Сформировался особый тип государства, который я и называю милитократией. <...> Впервые военные заняли важнейшие государственные посты, причем не только в сфере безопасности. Они пришли и в публичную политику, и в экономику, и в массовые коммуникации. Они пришли с целью “навести порядок”, как они его понимали»⁵.

Став частью российского государства и его обслуживающим персоналом, военные вытесняли из этой организации интеллигентов и начали устанавливать свою систему отношений, расходящуюся с представлениями своих ключевых «оппонентов». Начиная с 2000 года российская политическая система взяла курс на автократизацию режима, усиление личной власти президента В. В. Путина⁶. За короткий период в стране были ограничены политические права и свободы граждан, а федерализм, прямая и представительная демократия приобрели фантомный характер. Интеллигенция была ограничена в возможности творчества, став явным аутсайдером в политическом пространстве. Стремление интеллигента выжить в сформированной В. В. Путиным моноцентрической системе, в которой бытие становилось неотделимым от силы, денег, лояльности, заставило значительную часть интеллигентов радикализироваться, так как происходящие процессы вступали в противоречие с их представлениями. И только некоторые нашли в этой системе свое место, став «элитой» за счет государственной поддержки, внутренних моральных уступок, цинизма и личной лояльности, подтвердив известный тезис В. И. Ленина.

Следует сказать, что созданная В. В. Путиным система практически ликвидировала среду для воспроизводства интеллигенции, так как с целью сохранения системы был усилен процесс маргинализации общества, с одной стороны, лишивший интеллигентов соответствующей социальной среды, поддерживающей их жизненный цикл; с другой — усиливший процесс их внутренней дезорганизации и ценностной дезориентации.

В этом плане следует обратиться к анализу трансформации системы российского образования и науки — процессу, играющему важную роль в воспроизводстве интеллигенции.

Даже поверхностный взгляд на «модернизацию» системы образования позволяет говорить о возросшей зависимости

интеллекции от бюрократии. Основа такой зависимости лежит в политической плоскости и связана как с объективным конфликтом между интеллигенцией и милитократической бюрократией, так и с российской моноцентрической системой управления, во главе которой находится верховный сюзерен — российский президент.

Смысл последнего тезиса заключается в том, что в моноцентрических управленческих системах поддержание авторитета главы государства и выполняемых им арбитражных функций требует перманентного конфликта в обществе, который, в известной степени, возможен в условиях низкой грамотности населения. То есть чем больше интенсивность социального конфликта и напряжения, тем востребованнее становится президент-арбитр.

Стремление сохранения политического влияния президента-арбитра ведет к необходимости полного контроля над системой образования, витализируя тезис: «чем люди меньше знают, тем проще ими управлять». Именно это приводит к тому, что любые инновации в области российского образования носят если не открытый антинародный, то фантомный характер.

Итак, формирование интеллигента — представителя социальной группы людей, занятого преимущественно высококвалифицированным умственным трудом, начинается, если не сказать, что с семьи, то со школы. В период реформирования системы образования число школ в России заметно сократилось, что связано с принятием механизма их подушевого финансирования.

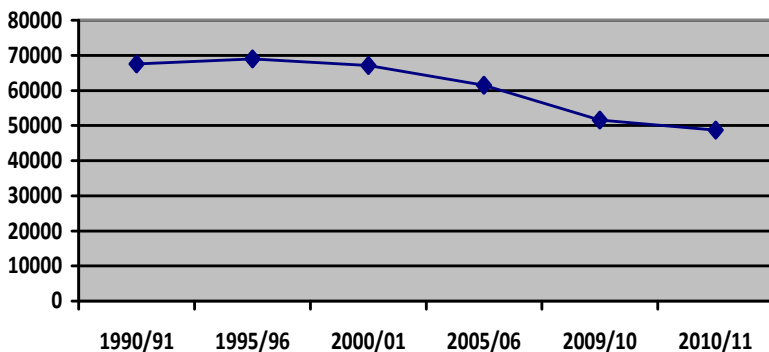

Рис. 1. Число дневных общеобразовательных учреждений в России⁷

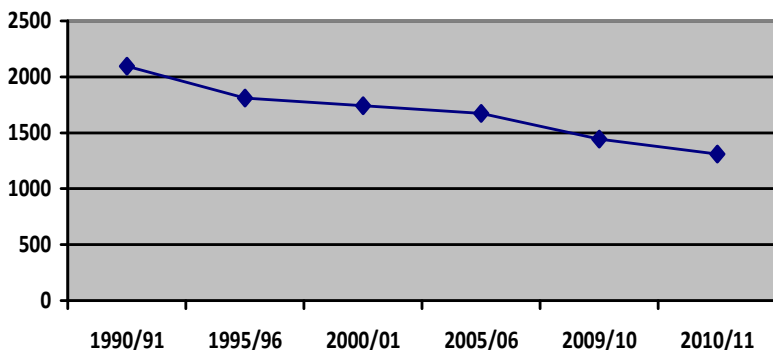

Рис. 2. Число вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений в России⁸

Из диаграмм видно, что увеличение числа общеобразовательных школ шло до середины 1990-х годов, а затем начался процесс их сокращения. С 1995 года количество дневных образовательных школ сократилось более чем на 20 тысяч. Особенно интенсивно этот процесс шел в половине «нулевых». Тенденция сокращения вечерних (сменных) общеобразовательных учреждений явно обнаружила себя в начале 1990-х годов.

Введение единого государственного экзамена (ЕГЭ) и зачисление на его основе вчерашних школьников в вузы и средние специальные учебные заведения также негативно отразилось на интеллигенции. Во-первых, была подорвана репутация научной и профессорско-преподавательской интеллигенции, так как кампания введения единого государственного экзамена сопровождалась заявлениями о необходимости предотвращения коррупции со стороны работников учебных заведений в период вступительных экзаменов. Во-вторых, введение ЕГЭ отразилось на качестве знаний принимаемых в профильные вузы студентов, создало препоны для поступления в вузы абитуриентов, ориентированных на изучение определенных дисциплин. Неизвестно, сколько нобелевских лауреатов потеряла Россия из-за введения ЕГЭ, а вот качество будущей интеллигенции, несомненно, снизилось.

При этом реформа системы высшего образования осуществляется на фоне критики деятельности российских вузов, призывов к их массовому сокращению. Очевидно, что политика сокращения

числа вузов и бюджетных мест, начатая А. А. Фурсенко, проводится Д. В. Ливановым, так как соответствует общему вектору, лежащему в основе моноцентристской системы управления. Так, Д. В. Ливанов на брифинге 26 июля 2012 года высказал необходимость сокращения 20 % вузов и 30—35 % филиалов высших учебных заведений⁹, а несколькими месяцами ранее предложил сокращение числа бюджетных мест. Эту точку зрения разделил и Председатель Правительства Д. А. Медведев: «...на мой взгляд, абсолютно очевидно, и, я надеюсь, мы не будем об этом спорить, общее количество высших учебных заведений превосходит все разумные рамки...»¹⁰

Сокращение числа бюджетных вузов не позволит значительной части российских граждан повысить уровень образования или получить высшее образование. Между тем, как отмечает О. Н. Смолин, в Австралии один вуз приходится на 52 тыс. граждан, в Бельгии — на 55 тыс., а в России — на 130,5 тыс., включая и государственные, и частные вузы¹¹. Если к процессу сокращения числа вузов прибавить изменение структуры образования — переход на бакалавриат и магистратуру, то очевидным становится элитизация российского образования.

Немаловажным в генезисе интеллигенции является процесс дегуманитаризации образования и вопрос его качества.

С получением государственной власти милитократией и вхождением ее в около государственные структуры, сферу образования захлестнул процесс дегуманитаризации, главным стало «вырастить потребителя, который сможет правильно использовать достижения и технологии, разработанные другими»¹², а не творца. Количество гуманитарных наук заметно снизилось, некоторые прекратили свое существование даже в гуманитарных вузах, не говоря уже о вузах технических. В конечном счете, технократизация системы высшего образования не способствует формированию интеллигента как человека, способного видеть мир в его различных проявлениях и служить обществу.

Чрезмерная регламентация решения проблемы качества образования государством, характерная для российской патерналистской системы управления, приводит к тому, что основные преобразования в создаваемых системах качества образования начинают носить «технический» характер. Педагогически обоснованная и целесообразная работа по повышению качества образования

подменяется организационно-штатными изменениями; созданием и модернизацией различных структур, ответственных за качество подготовки специалистов, без изменения качества их работы; внешним усилением управляющей и контролирующей функций руководителей вузов, факультетов и кафедр в сфере качества, которые объективно имеют свои интересы, связанные с поддержанием имиджа вуза, но, как правило, менее затратными проектами. К этому добавляется «бумагомарательство»: масса отчетов, «оптимизация» и постоянная переработка учебных программ и т. д., которые стали настоящим бедствием для профессорско-преподавательского состава учебных заведений. Смысл бюрократизации системы образования предельно прост — «прогрессоры» не должны поднимать головы, потерять мотивацию к творчеству, почувствовать свою несостоятельность в новых условиях.

Процессы централизации, бюрократизации и технократизации в решении проблемы качества образования ведут к возникновению негативной тенденции в этой сфере, о чем свидетельствуют результаты социологического исследования Аналитического центра Юрия Левады, проведенного в августе 2013 года. В соответствии с данными опроса, только 20 % населения страны удовлетворены системой образования в России (2012 г. — 22 %); не удовлетворены — 72 % (2012 г. — 68 %); 38 % считают, что качество системы образования ухудшилось (2012 г. — 32 %); а 10 % — улучшилось (2012 г. — 11 %) ¹³.

Следует констатировать, что несмотря на многомиллионные затраты, направленные на «реформирование» высшей школы, в российском высшем образовании продолжают обостряться противоречия в системе «инновация — традиция», имеющие политическую основу. Так, российское образование и наука продолжают оставаться «изгоями», их финансирование осуществляется по остаточному принципу, авторитет ученых и педагогов в социуме снижается, что только доказывает реформа РАН, направленная на фактическое экономическое подчинение научной интеллигенции бюрократии ¹⁴.

Экономическая зависимость интеллигенции от бюрократии приводит к сегрегации и в самих вузах, администрация которых воспроизводит «федеральный стандарт». Вертикальные, командно-административные схемы управления негативно отражаются на состоянии творческого потенциала профессорско-

преподавательского состава. Привыкшие к творческой активности и имеющие свое мнение преподаватели под воздействием репрессий со стороны администрации уходят из вузов, которым отдали большую половину своей жизни. Некоторых преподавателей «убирают» из университетов за инакомыслие, ограничивают финансово, унижают морально. Репрессалии бьют по университетскому организму сразу из нескольких источников, и каждый выделяет авторитарную энергию¹⁵.

Таким образом, российская интеллигенция сегодня занимает место аутсайдера в политической жизни. Она не в состоянии противостоять тандему бизнеса и силовиков, формировать благоприятную среду для собственного воспроизводства, противостоять политике «мертвого образования», проводимой государством. Государство, не задумываясь о своем будущем, осуществляет маргинализацию населения, выбивая из-под ног интеллигенции почву для ее воспроизводства, при этом в данный процесс вовлекается сама интеллигенция, что стимулирует ее ценностную дезориентацию и ведет к морально-нравственному разложению.

Примечания

- ¹ Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 100, 150.
- ² Лавров П. Л. Исторические письма : письмо восьмое : Растущая общественная сила. URL: http://az.lib.ru/l/lawrow_p_l/text_1869_istoricheskie_pisma.shtml (дата обращения: 20.04.2014).
- ³ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645.
- ⁴ Похмелькин В. В. В царство свободы дорога : очерки либеральной футурологии. URL: http://www.pokhmelkin.ru/publ/books/book_1.html (дата обращения: 20.04.2014).
- ⁵ Крыштановская О. В. От милитократии к меритократии? // Русский журнал. 2008. Май. С. 61—62.
- ⁶ Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. URL: http://www.uhlib.ru/politika/anatomija_rossiiskoi_yelity/index.php (дата обращения: 20.04.2014) ; Трофимов Е. А. Ограничение пассивного избирательного права граждан России в начале XXI века // Права и свободы человека : проблемы реализации, обеспечения и защиты : материалы междунар. науч.-практ. конф. Пенза ; Прага, 2011. С. 135—141 ; Трофимов Е. А. Проблемы эффективности экономического федерализма в РФ: политологический аспект // Наука и общество : сб. науч. ст. : в 2 ч. Омск, 2011. Ч. 1. С. 212—220.

- ⁷ Подсчитано по: *Смолин О. Н.* Образование — фундамент культуры // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 7—23.
- ⁸ Подсчитано по: Там же.
- ⁹ Число государственных вузов к 2015 году сократят на 20 %. URL: <http://top.rbc.ru/society/10/07/2012/659320.shtml> (дата обращения: 20.04.2014).
- ¹⁰ *Медведев Д. А.* Количество вузов в России превышает все разумные нормы. URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20120725140141.shtml> (дата обращения: 20.04.2014).
- ¹¹ *Смолин О. Н.* Указ. соч. С. 8.
- ¹² Потребитель нынче в дефиците? // Литературная газета. 2007. 8 авг. URL: http://lgz.ru/article/N32--6132---8-08-2007-/Potrebitely-nyynche-v-defitsite_1154/?sphrase_id=28615 (дата обращения: 20.04.2014).
- ¹³ О качестве образования : опрос Аналит. центра Юрия Левады. URL: <http://www.levada.ru/02-09-2013/o-kachestve-obrazovaniya> (дата обращения: 20.04.2014).
- ¹⁴ *Златкин А.* Рейдерский захват РАН, как логический этап в проведении государственной политики. URL: <http://zlatalex.livejournal.com/21909.html> (дата обращения: 20.04.2014) ; Обращение научного коллектива социологического института РАН в Президиум РАН. URL: <http://www.si.ras.ru> (дата обращения: 20.04.2014).
- ¹⁵ *Скитерских А.* Ожидание медленной смерти // Свободная мысль. 2013. № 5. С. 40—48.

ББК 74.483(2)613

Н. В. Стребкова

ПРАВИЛА ПРИЕМА В ВУЗЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ ПО ИЗМЕНЕНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СТУДЕНЧЕСТВА В 1920-е гг. (На материалах г. Саратова)

В 1920-е гг. в СССР проводились крупномасштабные культурные преобразования, которые коренным образом должны были изменить существовавший уклад жизни. В условиях реконструкции изменялись сущность, методы и темпы образования, была кардинально модернизирована высшая школа. Исследуемый период характеризовался усилением внимания партийно-государственной власти к системе высшего образования.

В 1920-е гг. советская власть приступила к осуществлению новой культурной политики, призванной, опираясь на идеологию марксизма, создать пролетарский тип культуры, воспитать нового человека, добиться всеобщей грамотности населения. Была выдвинута теория «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму», что подразумевало поиск «классовых врагов» и ускорение процесса вытеснения так называемых социально-чуждых элементов из всех сфер жизни общества. С другой стороны, курс на форсирование темпов социально-экономического развития увеличивал спрос на интеллектуальный труд, поэтому особое значение приобретала проблема формирования «новой» социалистической интеллигенции¹.

© Стребкова Н. В., 2014

Стребкова Надежда Викторовна — аспирант кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета.
hope8917@gmail.com

Перед властными структурами встал вопрос о воспитании этого «нового» типа трудовой интеллигенции, как качественно иного по своей сущности социально-экономического типа социума. «Новая» интеллигенция стала рассматриваться как идейно-политический, интеллектуально-творческий и нравственный эталон советского общества, полностью подчиненный партийному руководству.

Постепенно ликвидировались институты профессиональной автономии интеллигенции — творческие и профессиональные союзы, профсоюзные объединения, независимые издания; шло вытеснение старой интеллигенции.

Одновременно происходило ускоренное создание интеллигенции советской. Быстро росло число вузов, особенно на рубеже 1920—30-х гг. В результате уже к 1933 г. по количеству студентов СССР превзошел Германию, Англию, Японию, Польшу и Австрию вместе взятых².

Самым эффективным средством осуществления новой культурной политики в системе образования было огосударствление, которое преследовало несколько целей. Во-первых, администрация вузов, лишившись академических свобод и неприкосновенности, подчинялась партийному аппарату, который назначал кадры преподавателей, определял квоты на прием студентов. Во-вторых, за повседневной жизнью студенчества и профессуры, содержанием преподаваемых предметов устанавливался жесткий идеологический контроль. В-третьих, сильно расширились масштабы народного образования, к бесплатному образованию получили доступ практически все слои населения. В результате уже в 1921 г. количество вузов в стране увеличилось до 244 по сравнению с 91 в дореволюционной России, а к началу 1930-х гг. их стало более 700³.

Комплексная пролетаризация учебных заведений рассматривалась как целая система мер, которая включала в себя следующее: доведение удельного веса выходцев из рабочих и беднейшего крестьянства среди студенчества до 70—80 %, систематическая чистка учебных заведений от «классово-враждебных» элементов, создание научно-педагогических кадров из числа представителей трудового народа, усиление партийно-комсомольского влияния на обучавшихся. Всё это должно было создать условия для подготовки подлинно «красных» специалистов⁴.

Органы власти разработали нормативно-правовую базу, которая должна была способствовать целям новой культурной политики в вопросе формирования советской интеллигенции. Важное место в ней отводилось правилам приема в вузы, которые постоянно менялись на протяжении 1920-х гг.

Первым законодательным актом в сфере образования стал Декрет СНК от 11 декабря 1917 г. о передаче всех учебных заведений, в том числе и высших, в ведение Народного комиссариата просвещения⁵. В. И. Ленин говорил о необходимости осуществления первоочередного «безусловного приема лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства»⁶.

Работа развернулась по следующим направлениям: подготовка нового Устава высшей школы, формирование системы управления вузами, перестройка сети высших учебных заведений, организация отбора в вузы пролетарского контингента.

Декретом СНК РСФСР от 2 августа 1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения» провозглашалось, что каждый человек, достигший 16 лет, независимо от гражданства и национальной принадлежности, пола и вероисповедания принимался в вузы без экзаменов, не требовалось предоставления документа о среднем образовании. Преимущество при зачислении отдавалось рабочим и беднейшему крестьянству⁷.

Согласно Декрету СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. «О народном комиссариате по просвещению (положение)», вузы стали подчиняться Главному комитету профессионально-технического образования (Главпрофобр)⁸. Постепенно полностью ликвидировалась автономия высшей школы и создавалась новая система управления вузами. Высшим органом университета становилось правление, которое назначалось Главпрофобром. Председателем правления являлся ректор, а в состав правления обязательно входил представитель студентов. Правление созывало Совет университета, в котором, наряду с профессорами, теперь были представители общественных организаций и органов управления образованием. Подобная система управления создавалась и на факультетах⁹.

В 1922 г. Декретом СНК РСФСР было утверждено Положение о высших учебных заведениях, согласно которому управление высшей школой находилось в ведении Народного

комиссариата просвещения. Управление высшим образованием на местах было отдано Губернскому исполнительному комитету и его отделам. Установление местного управления подтверждало еще более жесткий контроль над деятельностью высших учебных заведений со стороны власти, что не позволяло вузам самостоятельно решать свои вопросы¹⁰.

В 1923/24 уч. году все вузы страны перешли на работу в соответствии с принятым «Положением о высшей школе РСФСР». Это положение фактически являлось уставом высшей школы и действовало до 1930 г. Оно стало тем законом, на основе которого осуществлялось всестороннее руководство вузами в эти годы.

В Саратове принятые положения проявились в создании в 1923 г. для координации работы приемных комиссий общегородской приемной комиссии в составе представителей следующих организаций: Губкома РКП (б)¹¹, Губкома РКСМ, Губернского совета профсоюзов, Губпрофобра¹², Горисполбюро профсекций¹³.

При вузах приемные комиссии состояли из члена Президиума вуза по студенческим делам, представителя Губкома РКП (б), КСМ, Губпрофобра, Исполбюро факультетских профсекций. При комиссиях были созданы подкомиссии из членов Президиумов факультетов по студенческим делам — представителей Исполбюро профсекций, Губкома РКП (б), Губкома РКСМ, Губпрофобра¹⁴.

Работа приемной комиссии осуществлялась по следующей схеме: к половине мая Главпрофобром устанавливались и рассылались точные разверстки и инструкции; к первым числам августа все командировки и заявления о приеме должны были быть через вузовские и факультетские приемные комиссии сконцентрированы в общегородской приемной комиссии, работа которой заканчивалась к 15 августа. До первого сентября проходила работа экзаменационных комиссий, а с первого сентября начинались занятия¹⁵.

Приоритет при приеме в саратовские вузы отдавался лицам пролетарского происхождения, но существовала и определенная квота для выходцев из трудового крестьянства, демобилизованных красноармейцев и инвалидов Гражданской войны¹⁶.

Все отведенные для трудового крестьянства места распределялись между губернскими партийными комитетами, а последними между уездными. Выделение командированных производилось

сельскими и волостными организациями — в первую очередь комитетами крестьянской взаимопомощи, исполкомами сельских советов, ячейками РКП (б) под общим руководством партийных комитетов. Выделенные кандидаты утверждались губернскими партийными комитетами, и их документы направлялись непосредственно в приемные комиссии вузов. С командированными могли отправляться и кандидаты. Общее число кандидатов не должно было превышать 50 % числа командированных (например, с 4 командиремыми отправляли 2 кандидатов). Вузовские приемные комиссии были обязаны принимать лиц из среды трудового крестьянства лишь при наличии у них командировки от Губкома РКП (б). Все другие командировки считались недействительными.

Места, выделенные для демобилизованных красноармейцев и инвалидов Гражданской войны, передавались профсоюзам, которые распределяли их через свои местные организации¹⁷.

Так как среди подававших заявления о принятии в вузы было много лиц, не подготовленных к обучению в высших учебных заведениях, то пришлось в срочном порядке создавать рабфаки с целью организации подготовки кадров рабоче-крестьянского студенчества для быстрой количественной и качественной пролетаризации вузов. 11 сентября 1919 г. вышло постановление Народного комиссариата просвещения «Об организации рабочих факультетов при университетах», согласно которому все высшие учебные заведения страны должны были не позднее 1 ноября 1919 г. открыть рабочие факультеты. Создание рабфаков стало еще одним шагом к революционному слоому старой системы высшего образования. Рабфаки ускорили процесс изменения классового состава студенчества, с их помощью проводилась пролетаризация высшей школы. На рабфаки принимались рабочие и крестьяне в возрасте от 16 лет, занятые физическим трудом, по командировкам предприятий, профсоюзов и партийных органов¹⁸.

Рабочий факультет при Саратовском университете был открыт 1 января 1920 г. На него принимались рабочие и крестьяне, имевшие следующие знания по основным предметам:

1) по русскому языку: грамотное (без пропуска букв) и согласованное в словах письмо и беглое чтение; умение излагать и объяснять прочитанное; по грамматике — имя существительное, глагол, подлежащее и сказуемое;

2) по математике: знание четырех действий над целыми числами любой величины и умение решать несложные задачи разных типов;

3) по политграмоте — знание материала в объеме Станчинского¹⁹ и знакомство с основными текущими моментами по газетам.

Помимо этого поступавшие предоставляли определенный набор документов: командировка на рабфак, документы о возрасте (метрика), о социальном положении и трудовом стаже, справка и документ об образовании, автобиография, заявление²⁰.

При этом существовал ряд заболеваний, наличие которых являлось препятствием при поступлении на саратовский рабочий факультет, например: белокровие, сахарный диабет, сифилис, болезни кожи и т. п.²¹

К концу 1920-х гг. прием в саратовские вузы проводился по конкурсной системе, но приоритет всё также отдавался рабоче-крестьянской молодежи. Для поступления требовались знания в объеме школы 2-й ступени. Неокончившие 2-ю ступень готовились к поступлению по изданию «Прибой», «Рабфак на дому» и учебникам, принятым в школах 2-й ступени²².

Однако прием 1926 г. показал, что несмотря на принятые меры, социальное происхождение большинства поступивших отвечало требованиям не в достаточной степени. Так, в саратовские вузы было принято 19,5 % рабочих, 42,22 % крестьян. При этом поступившие с отметкой «крестьянин» в графе социального происхождения зачастую не являлись таковыми и практически не были связаны с сельским хозяйством²³.

Это сочеталось с достаточно низким уровнем знаний поступавших, о чем свидетельствуют разосланные правила приема в вузы, рабфаки и техникумы. В них подчеркивалась необходимость проведения серьезной проверки знаний абитуриентов при сохранении классовости приема. В задачу приемных комиссий входила проверка знаний поступавших и отбор из числа прошедших проверку рабочих, батраков, деревенской бедноты, середняков и их детей, а также членов партии, комсомола и профсоюзов. Предполагалось также организовывать подготовительные курсы и работу по разъяснению правил приема.

Помимо этого подчеркивалось, что на рабочие факультеты всё также могут быть приняты только рабочие и крестьяне (батраки, бедняки, середняки) и их дети²⁴.

Таким образом, правила приема использовались как инструмент изменения социального состава вузов. Итоги приема абитуриентов в 1920-е гг. в саратовские вузы показывали постепенное преобладание рабоче-крестьянской прослойки. Хотя этого не всегда удавалось добиться. Например, в Саратовский государственный университет в 1923/24 учебном году на первый курс было зачислено 1240 человек, из которых рабочих и их детей было 287 человек, крестьян и их детей — 578 и трудовой интеллигенции — 360. Таким образом, по результатам этого приема рабочие и крестьяне составили 55,2 % всех принятых²⁵. Схожие показатели наблюдались и в других вузах Саратова в 1925 г. Так, в Ветеринарном институте из 496 обучавшихся представителями рабоче-крестьянской прослойки были 336 человек (63 %), в Институте сельского хозяйства и мелиорации из 636 обучавшихся — 309 (49,6 %) ²⁶. Итоги приемной кампании 1925 г. показали схожий результат: из всех 868 человек по итогам укомплектования саратовских вузов рабочие и крестьяне составили 546 человек²⁷.

В то же время из сводки поступивших в 1926/27 учебном году видно, что из 1811 учащихся СГУ рабочие составили 16,8 %, крестьяне — 31,4 %, представители других социальных групп — 53,4 %²⁸. Сходные результаты показал и прием в Саратовский институт сельского хозяйства и мелиорации. В нем представители рабоче-крестьянской прослойки составили всего 43 %²⁹.

Следовательно, несмотря на ужесточение правил приема в вузы для выходцев из других социальных слоев, кроме рабочих и беднейшего крестьянства, добиться в годы нэпа абсолютного преобладания среди студентов последних не удалось. Поэтому приходилось принимать и ряд других мер для повышения удельного веса рабоче-крестьянской прослойки студенчества в вузах страны, в том числе и в Саратове. К ним, в частности, относились постоянно проводившиеся чистки студентов, оканчивавшиеся массовым исключением социально-чуждых элементов.

Примечания

- ¹ Хабльева Л. Ч. Государственная политика в сфере высшего образования в 1920—1930-е гг. // Историческое обозрение : сб. науч. ст. / под ред. Н. Д. Малиева. Владикавказ, 2010. С. 5.
- ² Кравченко А. И. Культурология : учеб. пособие. М., 2001. С. 31—32.
- ³ Там же. С. 32.
- ⁴ Хабльева Л. Ч. Указ. соч. С. 56—63.
- ⁵ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 39. С. 507.
- ⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 34.
- ⁷ Декрет СНК РСФСР от 02.08.1918 г. «О правилах приема в высшие учебные заведения». URL: <http://bestpravo.ru/sssrf/gn-gosudarstvo/m8n.htm> (дата обращения: 01.04.2014).
- ⁸ Декрет СНК РСФСР от 11.02.1921 г. «О народном комиссариате по просвещению» : (положение). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=9503> (дата обращения: 18.04.2014).
- ⁹ Хабльева Л. Ч. Указ. соч. С. 56—63.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Губернского комитета РКП (б).
- ¹² Губернский отдел профессионально-технического образования.
- ¹³ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 27. Оп. 3. Д. 427. Л. 9.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 3.
- ¹⁶ Там же. Д. 829. Л. 80.
- ¹⁷ Там же. Л. 81.
- ¹⁸ Андрианов В. И. Косыгин. М., 2003. С. 45.
- ¹⁹ Станчинский А. П. Политграмма. М., 1925.
- ²⁰ ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 370. Л. 1.
- ²¹ Там же. Д. 815. Л. 20.
- ²² Там же. Д. 370. Л. 3.
- ²³ Там же. Оп. 4. Д. 373. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Л. 5.
- ²⁵ Там же. Оп. 3. Д. 425. Л. 26.
- ²⁶ Там же. Оп. 4. Д. 340. Л. 9—10.
- ²⁷ Там же. Оп. 3. Д. 1299. Л. 52.
- ²⁸ Там же. Оп. 4. Д. 340. Л. 74.
- ²⁹ Там же. Л. 67.

И. Д. Назаров

**РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ
В ДРЕВНЕМ РИМЕ**

Исследование роли и значения интеллигенции в становлении и развитии социально-культурных институтов общества на протяжении многих лет входит в проблематику различных частнонаучных дисциплин. Осознание сущности и социально-исторического значения правосудия невозможно без систематического исследования периодов его становления и влияния потенциала интеллигенции на его развитие.

Указанный исторический период выбран автором не случайно. Именно модель правосудия Древнего Рима послужила основой формирования существующих судебных правоприменительных систем во всем мире. Отличаясь по своей сущности и содержанию от современных аналогов, в рамках древнеримского правосудия, благодаря трудам выдающихся представителей интеллигенции, были сформулированы и обоснованы: дефиниции, положения, юридические и логические конструкции, до сих пор признаваемые исследователями всего мира в качестве вершины юридической техники и человеческой мысли в правоприменительной сфере.

Однако прежде чем приступить к исследованию заявленной темы, необходимо определиться со значением понятия «интеллигенция». Принимая во внимание многогранность и специфику рассматриваемого социального феномена, а также многообразие точек зрения относительно сущности и значения интеллигенции в современной отечественной публицистической и научной литературе, наиболее обоснованным представляется подход, предлагаемый В. В. Возиловым и Ю. Н. Назаровым.

© Назаров И. Д., 2014

Назаров Илья Дмитриевич — аспирант кафедры философии и религиоведения Шуйского филиала Ивановского государственного университета. nazarov_37@mail.ru

Связывая развитие интеллигенции с соответствующим развитием общества в целом, авторы отмечают, что появление первых интеллигентов находилось в прямой зависимости от процессов, происходивших на ранних ступенях развития человечества: «отделения умственного труда от физического и возникновения социального неравенства»¹. Авторы указывают, что «если первые интеллигенты (жрецы, военные вожди, руководители хозяйственной деятельности) появляются на ранних этапах первобытного общества, то интеллигенция в целом как социальная группа формируется в условиях цивилизации, то есть государственно организованной жизни.

Рассматривая вопрос о сущности интеллигентской деятельности, следует подчеркнуть, что интеллигент — это человек, опосредованно или непосредственно управляющий общественными процессами на основе индивидуальной разумности в целях организации совместного труда людей. «Интеллигенция — это социальная группа, состоящая из людей, целенаправленно использующих свой разум для постановки теоретических проблем и нацеливающих людей на решение социально значимых задач»². Таким образом, данное определение свидетельствует о ключевой роли интеллигенции в решении такой социально значимой задачи, как отправление правосудия.

Проводя параллель между древнеримским и современным восприятием сущности и значения правосудия, следует отметить, что уже с первого взгляда становятся очевидными их существенные (концептуальные) различия.

Принимая во внимание незначительные теоретические споры по вопросу соотношения элементов рассматриваемого понятия, в научной литературе под правосудием понимается деятельность специальных государственных органов (судов) по рассмотрению и разрешению гражданских, уголовных, административных и арбитражных дел, осуществляемая в особом процессуальном порядке при неукоснительном соблюдении действующего законодательства. Данное определение подчеркивает особую значимость правовых критериев, неукоснительное соблюдение судами материальных и процессуальных норм позитивного права; рассмотрение и разрешение дела в соответствии с конкретно установленными правилами, отступление от которых невозможно ни при каких

обстоятельствах. Иного подхода к содержанию значения и сущности правосудия придерживалось древнеримское общество.

Прежде всего, необходимо отметить, что судебное разбирательство для римских граждан, вне зависимости от рассматриваемого дела, было крайне нежелательным. В частности, А. Л. Смышляев ссылается на британского исследователя вопроса, посвященного судопроизводству по делам частных лиц, Дж. Келли, который пришел к выводу, что «вне зависимости от характера и исхода тяжбы ее участники всегда оказывались в унижительном положении и вынуждены были смириться с определенной “потерей лица”. В силу этого римляне, как люди особо чувствительные ко всему, что могло нанести ущерб их репутации, стремились избегать участия в судебных процессах; их отвращение к тяжбам было значительно сильнее, чем в современном обществе»³. Указанный довод, по мнению А. Л. Смышляева, является вполне обоснованным, однако ему не совсем понятно, почему, несмотря на сознательное нежелание римлян вступать в тяжбы, судебное красноречие и правовая наука в данный период достигли невиданного совершенства.

Данное несоответствие можно объяснить следующим образом. Указанный стереотип (потеря лица в процессе судебного разбирательства) был, скорее всего, характерен для непосредственных граждан «вечного города» (квиритов (патрициев) — населения исключительно города Рима), тогда как импульс совершенствования судебной правоприменительной практики, формирования основных юридических и логических конструкций происходил от peregrini (плебеев), пытавшихся посредством своей интеллигенции (перегринского претора, народного трибуна) защитить собственные права в отношениях с патрициатом.

В процессе рассмотрения представлений древнеримского общества о сущности и значении правосудия, особое внимание привлекают исследования зарубежных ученых, отмечающих приоритет внеправового критерия в качестве определяющего фактора римского правосудия. Так, Дж. Келли, М. Глисон, Э. Мейер, П. Гернси, Ж.-М. Давид прямо или косвенно утверждают, что «римский суд был в большей мере состязанием репутаций, чем исследованием фактов»⁴.

Подчеркивая агональный характер римского суда, Ж. -М. Давид уподобляет дуэли судебный поединок между обвинителем и подсудимым в *iudicia publica* (правосудие по публичным делам). Исход этого поединка определялся престижем (*auctoritas*) его участников, причем не только обвинителя и обвиняемого, но и тех, кто выступал на стороне защиты: *patrones* (непосредственных судебных защитников), *advocati* (призванных или приглашенных сторонников и друзей), *laudatores* («хвалителей», лично или заочно представляющих в суд свидетельства в пользу обвиняемого)⁵. Необходимо особенно отметить, что в указанные категории защитников могли входить: профессиональные юристы, философы, ораторы, римские всадники, сенаторы, консулы, и даже императоры, что необычайно расширяло привычный круг интеллигенции, так или иначе связанной с правовой сферой.

Важные данные о значении *auctoritas* для римского правосудия можно найти у древнеримского писателя и историка Гая Светония Транквилла в биографии императора Августа. Повествуя о гражданственности (*civilitas*) прославленного цезаря, Светоний приводит в пример историю с судом над его близким другом Нонием Аспренатом. По свидетельству биографа, «друзей своих он хотел видеть сильными и влиятельными в государственных делах, но при тех же правах и в ответе перед теми же судебными законами, что и прочие граждане. (3) Когда его близкий друг Ноний Аспренат был обвинен Кассием Севером в отравлении, он спросил в сенате, как ему следует поступить: он боится, что, по общему мнению, если он вмешается, то отнимет из-под власти законов подсудимого, а если не вмешается, то покинет и обречет на осуждение друга. И с одобрения всех он несколько часов просидел на свидетельских скамьях, но всё время молчал, и не произнес даже обычной в суде похвалы подсудимому»⁶. Таким образом, в сущности, подходах, целях древнеримского правосудия и поведении римской интеллигенции имеется одна общая особенность: выставление на всеобщее обозрение, оценка и регулирование притязаний на престиж и социальное положение.

Главное, что стояло на кону в древнеримском судебном процессе, была не материальная выгода, а репутация и социальный статус сторон, причем победа над представителем более привилегированного сословия (сенатором, всадником) укрепляла

авторитет победителя в рамках своей корпорации, и как ни странно, благотворно влияла на вынесение решений по следующим тяжбам. По этой причине, усилия интеллигенции Древнего Рима были всецело направлены на сбор доказательств, связанных с моральным обликом и репутацией сторон, которые, зачастую не имея прямого отношения к обстоятельствам дела, могли лишить силы все основные доказательства по делу и предопределить исход процесса. Таким образом, получается, что в процессе древнеримского правосудия рассматривали и давали оценку не деяниям (действиям, бездействиям) лица, а всей его предшествующей судебному поединку жизни.

Подтверждение этому можно найти в речах величайшего представителя древнеримской интеллигенции Марка Тулия Цицерона.

В трактате «Об ораторе», оценивая тяжбы, в которых участвует судебный оратор, Цицерон отмечает то, что в таких случаях является предметом судебного разбирательства: «Так вот, прежде всего оратор должен, какие бы дела он не взялся вести, тщательно и основательно в них разобраться... Но вот на форуме документы, свидетельства, договоры, соглашения, обязательства, родство, свойство, указы магистратов, заключения правоведов, вся жизнь, наконец, тех, чье дело разбирается, — и всё это должно быть разобрано...»⁷ Об успехе речи Цицерон говорит следующее: «Итак, чтобы добиться успеха, очень важно представить в хорошем свете образ мыслей, поведение и жизнь ведущих дело и их подзащитных, а равно и представить в дурном свете их противников, чтобы привлечь как можно больше благосклонности судей, как к оратору, так и к подзащитному. Благосклонность же снискивается достоинством человека, его подвигами и безупречной жизнью; все эти качества легче возвеличить, если они имеются, чем выдумать, если их нет... Даже если об этом будет сказано только во вступлении или в заключении речи, но проникновенно и с чувством, то часто этот рассказ оказывается сильнее самого разбора дела»⁸.

В рамках рассмотрения заявленной темы нельзя не остановиться на вкладе в развитие правоприменительной деятельности непосредственных участников древнеримского правосудия — преторов (судей) и юристов. Огромное влияние этих представителей интеллигенции на становление и развитие древнеримской

правотворческой и правоприменительной деятельности признается всем научным сообществом. Они не только «творили» право в процессе отправления правосудия, но и создавали актуальные, гибкие правовые и логические конструкции, позволяющие приспособить устаревший правовой арсенал к постоянно изменяющимся и развивающимся общественным отношениям.

Римский претор (лат. *praetor*, от *pra-ire* — идти впереди, предводительствовать) как представитель государственной власти, наделенный значительным комплексом властных полномочий, начиная с 242 г. до н. э.⁹ становится, по сути, направляющим вектором правотворческой и правоприменительной деятельности. Выдающийся русский юрист-цивилист Г. Ф. Шершеневич, рассматривая данный вопрос, пишет следующее: «Со времени издания XII Таблиц законодательная деятельность в Риме почти совершенно остановилась. В течение долгой истории римского народа этот памятник продолжает считаться основой римского права. Между тем в действительности положительное право римского народа за несколько столетий успело совершенно преобразиться. Это совершилось при помощи магистратского эдикта.

Конституция Рима представляла ту особенность, что должностные лица не были почти вовсе стеснены в своей деятельности юридическими нормами. Претор или эдил сами объявляли в своем эдикте, какими нормами предполагают они руководствоваться в тех случаях, которые законом не определены. Сменяющий своего предшественника магистрат мог остаться при тех же нормах, если они оказались удачными, но мог, по указанию опыта и, во всяком случае, по своему усмотрению, изменить их, дополнить или совершенно отменить... Таким образом, в Риме право развивалось не законодательным путем, а совершенно своеобразно, магистратской практикой, сумевшей создать целую систему права (*jus honorarium*), которая стала против законов XII Таблиц (*jus civile*) со всею издавна образовавшейся около них практикой (*interpretation*)»¹⁰.

Примерами такой правотворческой практики в рамках отправления римского правосудия могут служить: введение в 76 г. до н. э. претором Лукуллом особого штрафного иска — *actio vi bonorum raptorum* для устранения правового пробела, вызванного отсутствием нормативно установленной ответственности

за грабеж; введение в 66 г. до н. э. претором Гиллиусом Акуилиусом инфамирующего иска — *action doli* за совершение преступного деяния *dolus* (обман)¹¹.

Отмечая неопенимый вклад магистратов в становление и развитие древнеримского правосудия, следует обратить внимание и на заслуги римских юристов. По мнению Г. Ф. Шершеневича, «нигде юристы не пользовались таким почетом, как в Риме. К ним обращались за советом по каждому, даже семейному делу. Нужно ли было обдумать последствия предлагаемой сделки, нужно ли было обсудить условия предстоящего процесса... — все спешили к юристу»¹².

Большое уважение и глубокие познания в области права делали юристов помощниками не только частных лиц, но и магистратов. Если первая роль была более важной, то вторая более существенной для целей правосудия. Желая привести свой эдикт, соответствие с развивающимися общественными отношениями, защитить вновь возникшие интересы, претор не мог не обратиться за *interpretation* (заключением) к юристу, если только он сам не был выдающимся юристом. Г. Ф. Шершеневич отмечает, что «судья не мог не склониться перед авторитетным мнением всеми уважаемого юриста, если оно было представлено ему одной из тяжущихся сторон. Он не решился бы пренебречь нравственным авторитетом, так как вся его ответственность основывалась также на нравственных началах, на оценке его деятельности со стороны общественного мнения...»¹³.

Существенное значение деятельности юристов для целей правосудия заключалось в том, что их приглашение не только было связано с необходимостью указания на нормы права, регулирующие спорные общественные отношения; но также и затем, чтобы установить, какие нормы должны применяться в конкретном случае исходя из требований времени. Для этого римские юристы выработали уникальные грамматические и логические методы интерпретации правовых текстов (Павел, Лабейон, Квинт Муций Сцевола), юридические и логические конструкции — фикции, презумпции, аналогии (Ульпиан, Юлиан), активно использовали принципы, общие для права (*ius*) и правосудия (*iustitia*).

Основными принципами римского правосудия, с точки зрения юристов были принципы: справедливости (*iustitia*,

aequitas), общественной пользы (utilitas), доброй веры (bona fides). В. А. Савельев, в частности, отмечает: «...Ульпиан подчеркивает, что “правосудие есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом” (Диг. 1.1.1.10, 2). С ним солидарен и другой великий юрист Павел: “Справедливость (aequitas) вообще всегда должна приниматься во внимание, но особенно в праве” (Диг. 50.17.90)»¹⁴.

Вклад, внесенный представителями интеллигенции в становление и развитие древнеримского правосудия, неоценим. Развиваясь преимущественно на базе внеправовых критериев (престижа, социального статуса, репутации), оно, тем не менее, содержало в себе четкое представление о справедливости, принимало во внимание стремительно развивающиеся общественные отношения и уважало мнение специалистов.

Опыт римской интеллигенции, совершившей подвиг человеческой мысли, до сих пор востребован и актуален.

Примечания

¹ *Возилев В. В., Назаров Ю. Н.* Философия интеллигенции : разум как революционная сила истории. Иваново, 2002. С. 356.

² Там же. С. 356.

³ *Смышляев А. Л.* «Добрые нравы» и «суровые законы» в древнеримском суде // *Древнее право*. 2008. № 2 (22). С. 78.

⁴ См.: Там же. С. 78.

⁵ См.: Там же. С. 80.

⁶ *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 55—56.

⁷ *Цицерон.* Эстетика : трактаты, речи, письма. М., 1994. С. 249.

⁸ Там же. С. 268.

⁹ Начало избрания двух преторов — городского претора (Praetor urbanus), ведавшего судебными процессами между римскими гражданами, и peregrinского претора, для ведения дел между римскими гражданами и чужестранцами или между самими чужестранцами.

¹⁰ *Шершеневич Г. Ф.* История философии права. М., 1906. С. 80—81.

¹¹ См.: *Медведев В. Г.* Развитие уголовного права, суда и процесса в Древнем Риме в период республики // *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2013. № 4. С. 25—26.

¹² *Шершеневич Г. Ф.* Указ. соч. С. 81.

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ *Савельев В. А.* Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // *Журнал российского права*. 2008. № 12. С. 56.

А. В. Бутина

**РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ОБЩЕСТВЕННЫХ
ДВИЖЕНИЯХ В СТРАНАХ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ
В СЕРЕДИНЕ — ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Интерес российских исследователей к динамике политического процесса в странах Латинской Америки в последние годы является неслучайным. При всех цивилизационных различиях Россию со странами Латинской Америки роднит общий тип социально-политического развития, а также центр-периферическая структура общества и экономики. Исторически наиболее крупные или развитые страны Латинской Америки, как и Россия, относились ко второму эшелону мирового капиталистического развития, где предпосылки модернизации формировались с историческим опозданием и крайне неравномерно. В XIX и XX веках и Россия, и страны Латинской Америки имели схожий опыт социальных потрясений, а также установления недемократических политических режимов¹. В то же время развитию значимой политической мобилизации социальных слоев и групп в России и латиноамериканских странах традиционно сопутствуют процессы низовой гражданской самоорганизации. В становлении и практиках общественных движений активно участвуют представители интеллигенции, университетские специалисты, которые обеспечивают экспертную, правовую и идеологическую базу для этих движений, а часто и их организационные формы.

Следует отметить и ряд общих черт в представлениях об интеллигенции в российском и латиноамериканском общественно-теоретическом дискурсе, интерпретации ее социально-исторической роли. Так, в работе уругвайского культуролога и социального критика А. Рамы «Просвещенный город» (*La ciudad letrada*, 1984) представлено исследование региона Латин-

---

© Бутина А. В., 2014

Бутина Анастасия Васильевна — аспирант Института философии и права Сибирского отделения РАН. anabutina@yandex.ru

ской Америки как особого исторического образования в аспекте становления ее городов и городской элиты, состоящей из образованных граждан². По мнению ученого, со времени восстановления Теночтитлана после разрушения отрядом Кортеса в 1951 г. и вплоть до настоящего времени латиноамериканские города являлись созданием человеческого разума. И именно интеллигенции А. Рама отводил роль устроителей урбанистического социального порядка.

Как субъект культурной и социально-ментальной динамики интеллигенция рассматривается в российской публицистике и научной литературе начиная с середины XIX века. Современное научное видение интеллигенции в России также определяется дискуссией о ее дефиниции в советской историографии³, в русле которой были обозначены такие значимые функции ее представителей, как развитие, распространение и охрана культуры, а также социальная критика, с одной стороны, и защита и оправдание существующего строя, с другой.

Необходимо отметить, что в аспекте гражданского участия, интеллигенция — это такой слой профессионалов интеллектуального труда, который аккумулировал символический капитал в области своей творческой, экспертной или исследовательской деятельности, а затем конвертировал его в публичной сфере. Символическим капиталом здесь может являться не только багаж идей и знаний, но также признание коллег и репутация.

Обращение к опыту стран Латинской Америки, в первую очередь — Бразилии, Мексики, Эквадора, делает возможным установление общих закономерностей, касающихся определения условий продуктивного взаимодействия интеллигенции и институтов гражданского общества, а также оценки перспектив участия интеллектуальных сообществ в разработке проектов для субъектов общественной активности.

Объектами анализа в настоящем исследовании выступают случаи интеграции представителей интеллигенции в практики гражданской самоорганизации в странах Латинской Америки (Эквадоре, Бразилии, Мексике) в середине — второй половине XX века, характеризующиеся успешной реализацией совместных социальных проектов, наличием отношений взаимной заинтересованности и площадок для диалога.

В числе исследуемых случаев: сотрудничество интеллектуалов рабочей партии с синдикатом им. Хуана Монталво (Эквадор, 1926—1944); опыт интеграции католической интеллигенции в движение против строительства ГЭС (Бразилия, 1979—1992); деятельность Группы Сан-Анхел и субкоманданте Маркоса в Сапатистской армии национального освобождения (Мексика, 1994); участие интеллигенции в движении безземельных рабочих (Бразилия, с 1985 г. по настоящее время).

Безусловно, это далеко не полный список примеров сотрудничества, однако анализ перечисленных в нем позиций позволяет сформулировать гипотезы об общих закономерностях, касающихся определения условий и результатов продуктивного взаимодействия представителей интеллигенции и субъектов низовой самоорганизации в типологически схожих условиях. Сравнительный анализ примеров проведен с помощью метода теоретической истории⁴, позволяющего выявить объективные и субъективные факторы взаимодействия.

Предваряя рассуждение о механизме и результатах сотрудничества, необходимо отметить, что фоном развития ситуации взаимодействия в большинстве исследуемых случаев выступала относительно неблагоприятная структура политических возможностей, т. е. совокупность внешних (объективных) факторов, влияющих на организационный потенциал социальных движений и интеллектуальных сообществ⁵. Это обстоятельство послужило одной из причин возникновения протестных социальных движений в Латинской Америке. Среди иных условий следует указать, во-первых, политику авторитаризма, характеризующуюся игнорированием политических требований основной части населения. Так, в Эквадоре и Мексике противостояния властей и участников движений часто сопровождалось вооруженным подавлением гражданского недовольства. Еще одной предпосылкой являлось усиление социально-экономической дифференциации, что было связано с неравномерным распределением земельной собственности, подчиненным положением коренного населения. В-третьих, усиление внешнеполитической зависимости латиноамериканских государств от США во второй половине XX века проявилось в распространении снискавших поддержку режимов неолиберальных идей, обретении США статуса лидера аме-

риканской

экономической интеграции посредством заключения соглашения о создании ассоциации свободной торговли (НАФТА) и, как следствие, распространение сети ТНК в Южной Америке.

Однако успех сотрудничества интеллигенции и участников движений наиболее заметен именно в периоды социальной и политической нестабильности. Политическая поддержка синдиката Хуана Монталво в 1920—40-е гг. оказалась возможной благодаря формированию оппозиции правительству в лице Социалистической партии Эквадора, членами которой и являлись интеллектуалы Р. Передес, Л. Чавес. Либерализация политического режима в Бразилии с середины 1970-х гг., восстановление политических прав и прямых выборов губернаторов штатов, а также победа на президентских выборах 1985 г. кандидата от оппозиционной партии явились фоном интеграции христианской католической интеллигенции и участников движений безземельных рабочих и против строительства ГЭС в Бразилии⁶.

Внутренняя политика мексиканского президента К. Селиноса в конце 1980-х — начале 1990-х гг., поощрение частного капитала и развитие международных связей, а также последовавшее за избранием нового президента в 1994 г. принятие поправки к конституции, расширявшей возможности общественного контроля за ходом выборов, позволили философу Рафаэлю Себастьяну Гильену Висенте (субкоманданте Маркос) и интеллектуалам Группы Сан-Анхел открыто сотрудничать и выдвигать требования от имени сторонников сапатистского движения⁷.

Важнейшим аспектом анализа является сама ситуация взаимодействия, представляющая собой интерактивный ритуал *здесь-и-теперь* общения представителей интеллигенции и гражданских активистов. То есть установление отношений сотрудничества в исследуемых случаях происходило в результате непосредственного взаимодействия, налаживания личного контакта. Так, по мнению американского социолога Р. Коллинза, микроситуация взаимодействия «проникает сквозь индивидуальное, и ее последствия распространяются вовне через социальные сети к макро-сколь угодно большого масштаба»⁸. Коллинз определяет также элементы интерактивного ритуала, к которым относит: группу, как минимум, из двух человек, находящихся рядом; со-

средоточение внимания участников на одном и том же объекте или действии; общее настроение или эмоцию участников. Исследование примеров сотрудничества показывает, что на собраниях приходских общин в Бразилии, организованных христианскими активистами, часто делили трибуну интеллектуалы и участники движений. Личное знакомство интеллектуалов-социалистов Р. Передеса, Л. Чавеса и лидера эквадорского синдиката им. Хуана Монталво Иисуса Гуалависи состоялось в 1926 г. на съезде Социалистической партии Эквадора, куда последний был приглашен в качестве делегата⁹. В рамках «иной кампании» мексиканских сапатистов совместные встречи и собрания происходили непосредственно на территории индейских поселений¹⁰. Механизм взаимодействия состоит в том, что обстоятельства, сочетающие высокую степень сосредоточения внимания друг на друге, порождают чувство членства, связанное с когнитивными символами, и наделяют эмоциональной энергией отдельных участников, заставляя их испытывать уверенность, энтузиазм и желание действовать так, как они считают нравственно верным.

Обращает на себя внимание и то, что в исследуемых случаях имеет место оперантное подкрепление¹¹ сотрудничества. Это не просто опыт разового участия представителей интеллигенции, а, как правило, продолжительное взаимодействие, характеризующееся определенной частотой. В непосредственных личных контактах повышается интенсивность эмоций, а также возможность установления значимой обратной связи. Успех первого взаимодействия в исследуемых случаях выступает фактором положительного подкрепления — обуславливает последующее обращение субъектов гражданской активности к представителям образованного класса.

Отвечая на вопрос, что изменяется в практиках низовой самоорганизации в результате совместных интерактивных ритуалов, необходимо отметить следующее. Во-первых, до момента сотрудничества протестные акции участников движений имели форму ситуативных, спонтанных бунтов аборигенов (Эквадор, 1920-е гг. и Мексика, 1980-е гг.) или сквоттерских акций (к примеру, самовольное заселение незанятых земель бразильскими рабочими в 1985 г.). Во-вторых, лидеры движений, как правило, не выдвигали рациональных требований или призывали не к сис-

темным изменениям, а к физическому уничтожению оппонентов. Подобная риторика была особенно характерна для синдиката им. Хуана Монталво в Эквадоре¹². В-третьих, совокупность сторонников на данном этапе формировалась преимущественно из числа граждан, чьи права были непосредственно нарушены. Весьма размытой оставалась социальная база движения.

В исследуемых случаях включение интеллигенции в практики низовой самоорганизации оказало влияние на следующие аспекты становления гражданских движений.

1. Формирование идентичности участников движений и их сторонников. Например, посредством публикаций в СМИ и публичных выступлений бразильским ученым и писателям удалось сформировать коллективную идентичность участников движения против строительства ГЭС и движения безземельных рабочих, определить их в качестве *пострадавших* от действий властей. В этих случаях представители академических сообществ участвовали и в общественной экспертизе аграрной и индустриальной политики государства.

2. Динамика установок гражданских активистов. Сотрудничество интеллектуалов-католиков, принадлежавших течению «теология освобождения», с движением безземельных рабочих и движением против строительства ГЭС в Бразилии способствовало не только формированию коллективной идентичности участников низовой самоорганизации. В процессе совместных интерактивных ритуалов происходила динамика ценностно-нормативных фреймов в сознании участников движений. По мнению американских исследователей Ф. Д. Ротмана и П. Оливера, изучавших установки активистов движения против строительства ГЭС, истоки протеста следует искать в традиционном религиозном понимании пострадавшими, что земля жизненно необходима беднякам¹³. Активисты Пастырского земельного комитета (Д. Гомес, Д. Паскуалотто) и их союзники интерпретировали борьбу со строительством ГЭС в контексте теологии освобождения, связав веру и жизнь, веру и политику. Они настаивали на том, что текст Библии содержит множество положений, согласно которым земля — это дар Божий, и каждый имеет равный доступ к ней. Программа политического образования, развернутая Пастырским земельным комитетом, способствовала развитию поли-

тического сознания, коллективной воли, а также трансформации убеждений участников движений — от фаталистических к асертивным. Интеллектуалы-католики сформировали в бразильских СМИ дискурс «потерь», которые могут стать результатом строительства дамб, а впоследствии ГЭС¹⁴. Выступая в поддержку движения безземельных рабочих, они акцентировали внимание на несоответствии политики режима христианским ценностям посредством обращений к правящей элите¹⁵, призывая к проведению аграрной реформы в интересах рабочих¹⁶.

3. *Агрегирование и артикуляция требований участников самоорганизующихся групп и движений.* Результатом взаимодействия экспертов, ученых и гражданских активистов в Бразилии стал переход от претензий на восстановление справедливости к требованиям, подкрепленным идеями христианского социализма, альтерглобализма (в случае движения безземельных рабочих) и экологического поведения (движение против строительства ГЭС).

4. *Методы действия, формы и способы достижения целей.* В ситуации 1920—40-х гг. в Эквадоре члены синдиката им. Хуана Монталво, сотрудничая с партийными интеллектуалами, перешли от практики бунтарских выступлений к относительно мирным гражданским акциям под социалистическими лозунгами. Итогом их многолетнего взаимодействия стало основание в 1944 г. первой организации в защиту прав индейского населения — Федерации индейского народа Эквадора¹⁷. Однако, предлагая социальные проекты, представители интеллигенции могут способствовать как радикализации методов достижения требований, так и, напротив, быть апологетами и агентами мирного лоббирования. В Мексике субкоманданте Маркос выступал одним из идеологов вооруженного восстания Сапатистской армии национального освобождения (САНО) 1 января 1994 г. в индейском штате Чьяпас, результатом которого стало подписание федеральным правительством первых «соглашений Сан-Андреса», предполагающих изменение мексиканской конституции и признание в ней прав и культуры индейских народов, а также права на автономию и самоуправление индейских общин и населяемых ими территорий. Заслугой Маркоса является и последующая ориентация активистов САНО на проведение консультаций с местным населением,

а также ненасильственных акций давления на правительство с целью выполнения последним заключенных договоренностей.

5. *Развитие организационного потенциала субъектов гражданской активности.* Сотрудничество гражданских активистов с комитетами католической церкви в Латинской Америке способствовало аккумуляции организационных и материальных ресурсов движений. Помещение прихода часто выступало местом проведения совместных интерактивных ритуалов. Кроме того, изменение идейной ориентации Католической церкви Бразилии в 1960—70-х гг. позволило прогрессивным священникам открыто заявить о поддержке беднейших слоев населения¹⁸, что впоследствии вызвало резкую критику Ватикана. После военного переворота 1964 г., и особенно в 1968—1973 гг., Церковь в Бразилии оставалась единственным оплотом сопротивления и поддержки оппозиции. Ей удалось развить сложную сеть коммуникаций, в том числе и со сторонниками «теологии освобождения», в других латиноамериканских странах (Куба, Чили, Аргентина, Перу), организовать материальную поддержку, а также целый ряд проектов взаимопомощи для активистов самоорганизующихся групп граждан¹⁹.

Результатом сотрудничества интеллектуальных сообществ, писателей, журналистов и субъектов низовой самоорганизации явилось и то, что проблемы социальных групп и движений заняли свое место в международном дискурсе; это позволило привлечь идеологическую поддержку и спонсорскую помощь международных организаций. Так, требования движения против строительства ГЭС в Бразилии в 1999 г. были включены в мировую экологическую повестку дня²⁰. Сапатистское восстание 1994 г., идеологом которого выступал левый философ субкоманданте Маркос, явилось главной вдохновляющей силой антиглобалистского движения во всем мире. В апреле 2001 г. Маркос возглавил кампанию по лоббированию требований индейского населения — мирный поход на Мехико, поддержанный такими известными личностями, как писатель Габриэль Гарсия Маркес, режиссер Оливер Стоун, редактор «Монд Дипломатик» Игнасио Рамоне, а также рядом депутатов Европарламента. Как указывает А. Л. Чернышев, с начала 2000-х гг. американские НПО «Amnesty International», «Cultural Survival», «Human Right Watch» и другие увеличили бюджет и штат сотрудников в рамках проекта по защите прав ин-

дейских народов²¹. По мнению И. Валлерстайна, восстание сапатистов было поворотным пунктом в процессе, который привел к демонстрации 1999 г. в американском Сиэтле, сорвавшей встречу ВТО. Впоследствии это привело к созданию в 2001 г. Всемирного социального форума (ВСФ), который стал главным местом концентрации антиглобалистских сил. Несмотря на то что сами сапатисты никогда не принимали участия во встречах форума, поскольку являлись, прежде всего, вооруженной силой, они всегда оставались символом движения и главными его вдохновителями²². Стоит отметить, что движение безземельных рабочих было в числе восьми бразильских организаторов первого ВСФ в Порту-Алегри в 2001 г.; участником социальных форумов мирового и регионального масштаба является и российское движение «Альтернативы», лидеры которого уделяют большое внимание гражданскому опыту латиноамериканских коллег.

В исследуемых примерах особая роль интеллигенции заключалась в мобилизации ресурсов субъектов низовой гражданской самоорганизации, важнейшими из которых выступают социальные ресурсы — формирование коллективной идентичности, чувства солидарности и т. д. Безусловно, успех сотрудничества зависит от множества факторов, но значение участия интеллигенции в решении общественных проблем и социальных инициативах состоит в развитии и поддержании символической сферы движений, в формировании установок на осуществление коллективных действий, а также формулировании целей и стратегий для гражданских лидеров.

Примечания

¹ Красильщиков В. А. Латинская Америка сегодня — Россия завтра : (оптимистический вариант будущего России) // Мир России. 2002. Т. 11. № 1.

² Rama A. The ordered city : from the lettered city // Foucault and Latin America. N. Y., 2002. P. 3.

³ Метов В. С., Комиссаров В. В. Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций // Интеллигенция и мир. 2014. № 1.

⁴ Розов Н. С. Историческая макросоциология : методология и методы. Новосибирск, 2009.

- ⁵ *Meyer D.* Conceptualizing political opportunity // *Social Forces*. 2004. № 4.
- ⁶ *Rothman F. D., Oliver P. E.* From local to global : the Anti-Dam movement in Southern Brazil, 1979—1992 // *Mobilization*. 1999. № 4.
- ⁷ *Гуадарамы П. Д.* Роль интеллектуалов в изменении мексиканской политики, 1994—2002 гг. // *Неприкосновенный запас*. 2003. № 1.
- ⁸ *Коллинз П.* Социология философий : глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 67.
- ⁹ *Becker M.* Indigenous communists and urban intellectuals in Cayambe, Ecuador (1926—1944) // *IRSH*. 2004. № 49.
- ¹⁰ Понятие «оперантное поведение», предложенное Б. Ф. Скиннером, означает, что поведение «воздействует» (англ. «operates») на среду, генерируя последствия. Следствия определяют свойства, по которым устанавливается сходство реакции.
- ¹¹ Так, Синдикат им. Хуана Монталво в Эквадоре был назван в честь известного либерального писателя Хуана Монталво (1832—1889), который в своих произведениях критиковал консервативное правительство и призывал к убийству диктатора Габриэля Гарсия Морено.
- ¹² *Starr A., Martinez-Torres M. E., Rosset P.* Participatory democracy in action : practices of the Zapatistas and Movimiento sem terra // *Latin American Perspectives*. 2011. № 1.
- ¹³ *Rothman F. D., Oliver P. E.* Op. cit. P. 46.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 49.
- ¹⁵ Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XVI—XX вв. : док. и материалы. М., 1980. С. 227—230.
- ¹⁶ *Ondetti G.* Repression, opportunity and protest : explaining the takeoff of Brazil's landless movement // *Latin American Politics and Society*. 2006. № 48. P. 70—71.
- ¹⁷ *Becker M.* Op. cit.
- ¹⁸ Католицизм и свободомыслие в Латинской Америке в XVI—XX вв. С. 187—203.
- ¹⁹ *Rothman F. D., Oliver P. E.* Op. cit. P. 48.
- ²⁰ *Ibid.* P. 54.
- ²¹ *Чернышев А. Л.* Политическая борьба индейского населения Мексики в конце XX — начале XXI вв. // *Латинская Америка*. 2009. № 8. С. 94.
- ²² *Валлерстайн И.* Чего добились сапатисты? URL: http://sceptsis.ru/library/id_1749.html (дата обращения: 13.10.2014).

АННОТАЦИИ

Комиссаров В. В. Советская интеллигенция 1960—80-х гг. и вызовы постиндустриализма

Ключевые понятия: советская интеллигенция, постиндустриализм, научно-техническая революция, социальные функции, прогностика, футурология.

Рассматривается влияние концепции постиндустриализма на деятельность советской интеллигенции 1960—80-х гг., социальное значение данной концепции, анализируются различные точки зрения, приводятся мнения писателей и ученых.

Усманов С. М. Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения

Ключевые понятия: интеллигенция, теория модернизации, социальные трансформации, проблемы методологии.

Исследуются методологические проблемы участия интеллигенции и интеллектуалов в социальных трансформациях новейшего времени. Значительное место отводится критическому анализу трудов ведущих отечественных и зарубежных ученых по обозначенной тематике.

Борзова И. С. Портрет современного белорусского оппозиционного интеллектуала

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, белорусская оппозиция.

Исследуются проблемы участия оппозиционной интеллигенции в общественной жизни современной Белоруссии. Выделяются наиболее характерные черты мышления и политического поведения белорусских оппозиционных интеллектуалов.

Зубарева А. А. «Конгрессы» украинцев как форма участия интеллигенции в общественно-политической жизни страны

Ключевые понятия: украинская интеллигенция, конгрессы украинской интеллигенции, общественно-политическая жизнь.

Изучаются новые организационные формы участия украинской интеллигенции в общественно-политической жизни страны в конце XX — начале XXI столетия. Показана специфика деятельности конгрессов украинской интеллигенции.

Юдин К. А. Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика

Ключевые понятия: научно-педагогическая интеллигенция, сталинский режим, репрессивная атака, коммунистическое мировоззрение, инакомыслие, антисоветская группа.

Рассматриваются приемы и факты репрессий в отношении представителей научно-педагогической интеллигенции Ивановской области в 1930-е гг. Делается вывод, что в исследуемый промежуток времени в регионе осуществлялся интенсивный сбор «компрометирующих материалов», которые в дальнейшем стали основой для фальсификации дел против интеллигенции.

Усманов С. М., Чернонёров В. Л. «Ивановские колхозники» в постсоветском интеллектуальном пространстве

Ключевые понятия: «ивановские колхозники», постсоветское интеллектуальное пространство, «Света из Иваново», региональная идентичность.

Проводится анализ восприятия в постсоветском интеллектуальном пространстве ивановской региональной идентичности. Подчеркивается, что для корректного использования концептов «ивановские колхозники» и «Света из Иваново» необходимо учитывать исторические особенности Ивановской области.

Руди А. Ш. Роль научной интеллигенции в теоретическом моделировании мира

Ключевые понятия: модель мира, устойчивость, Мегамашина, Мегаорганизм, Мегарынок, Мегакосмос.

Представляется опыт осмысления мира научной интеллигенцией, приведены выявляемые учеными состояния устойчивости в процессе

теоретического моделирования мира. На основании анализа истории науки и общественно-исторической практики приведены четыре модели мира, обладающие различными характеристиками: мир как Мегамашина, Мегаорганизм, Мегарынок и Мегакосмос. Делается вывод, что по мере познания мира научное сообщество обнаруживает различные по степени сложности системные объекты и соответствующие им модусы устойчивости, отрабатывая отвечающий их уровню познавательный инструментарий.

Баженов А. М., Мартынова Т. М. Российская интеллигенция и политический режим

Ключевые понятия: интеллигенция, политический режим, типология, политический процесс, политическая власть, государство, партия, демократия, политические институты.

Анализируется взаимосвязь российской интеллигенции и современного политического режима. Рассматривается сущность политического режима, его нынешнее состояние. Называются факторы, которые предопределили поворот российских властей от первоначальных проектов в 1990-е гг. Указывается противоречивая позиция российской интеллигенции по отношению к происходящим политическим процессам. Делается вывод о том, что значительная часть интеллигенции осознает свою меру ответственности за складывающуюся ситуацию в российском обществе в последнее время и пытается ее переломить в позитивную сторону.

Трофимов Е. А. Интеллигенция в политическом пространстве современной России: кратологический очерк

Ключевые понятия: интеллигенция, бюрократия, государство, власть, социальный кризис, образование, наука, маргинализация, конфликт.

Рассматривается кризисное положение современной российской интеллигенции. Отмечается, что приход к государственной власти «силовики» привел к значительному ослаблению властного потенциала интеллигенции и ее частичной радикализации. Подчеркивается, что кризисное состояние интеллигенции и использование государством технологии маргинализации социума ведет к деградации российской политики и стимулирует рост кризисных явлений в политической системе страны.

Стребкова Н. В. Правила приема в вузы как инструмент политики по изменению социальной структуры студенчества в 1920-е гг. (На материалах г. Саратова)

Ключевые понятия: новая культурная политика, преобразования, студенты, социальный состав, пролетаризация, рабоче-крестьянская прослойка.

Рассматриваются правила приема в вузы и их преобразование в течение 1920-х гг. Анализируется роль вузов в пролетаризации студенческого состава. Делается вывод, что правила приема служили политическим инструментом формирования определенного социального состава учащихся.

Назаров И. Д. Роль и значение интеллигенции при отправлении правосудия в Древнем Риме

Ключевые понятия: интеллигенция, правосудие, внеправовые критерии, правоприменительная деятельность, справедливость.

Освещается вклад интеллигенции в становление и развитие древнеримского правосудия. Большое внимание уделяется внеправовым критериям, обуславливающим специфику правосудия в указанный исторический период. Эмпирический материал статьи представлен цитатами из исторических, философских и правовых памятников, подтверждающих теоретические доводы автора.

Бутина А. В. Роль интеллигенции в общественных движениях в странах Латинской Америки в середине — второй половине XX века

Ключевые понятия: интеллигенция, Латинская Америка, гражданское общество, гражданская самоорганизация, общественные движения, метод теоретической истории, мобилизация ресурсов.

Рассматривается опыт участия интеллигенции в развитии общественных движений в странах Латинской Америки в середине — второй половине XX в. На основе анализа конкретных случаев сотрудничества выявлены объективные условия и характеристики развития ситуации взаимодействия, сопутствующие его успеху. Исследовано влияние интеллигенции на следующие аспекты становления гражданских движений: формирование идентичности и динамика установок участников движений; методы действия, формы и способы достижения целей; мобилизация ресурсов и развитие организационного потенциала движений.

ANNOTATIONS

Komissarov V. V. The Soviet intelligentsia of the 1960-s — 1980-s and the challenges of the post-industrialism

Key notions: the Soviet intelligentsia, post-industrialism, scientific and technological revolution, social functions, prognostics, futurology.

The article shows the influence of the concept of post-industrialism on the activity of the Soviet intelligentsia of the 1960-s — 1980-s, the social value of this concept is considered, various points of view are analyzed, the opinion of writers and scientists is given.

Usmanov S. M. Intelligentsia and intellectuals in the modern world: discussions about the problems and tendencies of self-determination

Key notions: intelligentsia, theory of modernization, social transformations, problems of methodology.

The article studies the methodological problems of participation of intelligentsia and intellectuals in social transformations of the latest time. Much attention is paid to the critical analysis of the works of the leading domestic and foreign scientists on the chosen subject.

Borzova I. S. The image of the modern Belorussian oppositional intellectual

Key notions: intelligentsia, intellectuals, Belorussian opposition.

The article studies the problems of participation of the oppositional intelligentsia in public life of modern Belorussia. The author points out the most characteristic features of thinking and political behavior of the Belorussian oppositional intellectuals.

Zubareva A. A. «Congresses» of Ukrainians as a form of participation of intelligentsia in social and political life of the country

Key notions: Ukrainian intelligentsia, congresses of the Ukrainian intelligentsia, social and political life.

The article studies new organizational forms of participation of the Ukrainian intelligentsia in social and political life of the country at the end of the 20th — the beginning of the 21st centuries. The specificity of the congresses of the Ukrainian intelligentsia activities is shown.

Yudin K. A. Policy of repression of scientific and pedagogical intelligentsia in the 1930-s: methods and practice

Key notions: scientific and pedagogical intelligentsia, Stalinism, repressive attack, communistic outlook, dissent, anti-Soviet group.

The article shows the activity and the facts of repressions of the scientific and pedagogical intelligentsia representatives of the Ivanovo region in the 1930-s. The author comes to the conclusion that collecting of «the compromising materials» had been taking place in the region during the studied period; later they served as a basis for falsification of cases against intelligentsia.

Usmanov S. M., Chernoperov V. L. «The Ivanovo collective farmers» in the post-Soviet intellectual space

Key notions: «The Ivanovo collective farmers», post-Soviet intellectual space, «Sveta from Ivanovo», regional identity.

The article analyses the perception of the Ivanovo regional identity in the post-Soviet intellectual space. It is emphasized that for correct use of concepts «the Ivanovo collective farmers» and «Sveta from Ivanovo» it is necessary to consider historical features of the Ivanovo region.

Rudi A. S. The role of the scientific intelligentsia in theoretical modeling of the world

Key notions: world model, stability, Mega machine, Mega organism, Mega market, Mega cosmos.

The article represents the experience of understanding the world by the scientific intelligentsia; it describes the conditions of stability revealed by the scientists in the course of theoretical modeling of the world. On the basis of history of science and socio-historical practice analysis there are given the four models of the world with various features: world as a Mega machine, Mega organism, Mega market and Mega cosmos. The conclusion is

made that in the process of the world studying the scientific community find the system objects of various complexity, and the corresponding stability modes, using the informative tools of their level.

Bazhenov A. M., Martynova T. M. The Russian intelligentsia and the political regime

Key notions: intelligentsia, political regime, typology, political process, political authority, state, party, democracy, political institutes.

The article analyzes the interdependence of the Russian intelligentsia and the modern political regime. The essence of the political regime and its present state are considered. Factors which predetermined the turn of the Russian authorities from the original projects in the 1990-s are named. The inconsistent position of the Russian intelligentsia in relation to the recent political processes is specified. The conclusion is made that the considerable part of the intelligentsia realizes the measure of responsibility for the recent situation in the Russian society and tries to reverse it to a positive side.

Trofimov E. A. Intelligentsia in the political space of modern Russia: cratological sketch

Key notions: intelligentsia, bureaucracy, state, authority, social crisis, education, science, marginalization, conflict.

The article shows the crisis condition of the modern Russian intelligentsia. It is noted that the «security officers» accession to power had resulted in the considerable weakening of the authoritative potential of intelligentsia and its partial radicalization. The article underlines the fact that the critical condition of the intelligentsia and the use of technology of society marginalization by the state result in degradation of the Russian politics and stimulates the growth of the crisis phenomena in the political system of the country.

Strebkova N. V. Higher education institutions admission rules as the instrument of the students' social structure change policy in the 1920-s. (On materials of the city of Saratov)

Key notions: new cultural policy, transformations, students, social composition, resolution, proletarianization, Workers and Peasants strata.

The article considers the higher education institutions admission rules and their transformation during the 1920-s. The author analyzes their role in the proletarianization of the students' structure. The author comes to a conclusion that the admission rules served as a political instrument for the certain social structure of the students formation.

Nazarov I. D. The role and the importance of intelligentsia in jurisdiction in Ancient Rome

Key notions: intelligentsia, jurisdiction, extra-legal criteria, law-enforcement activity, justice.

The article shows the intelligentsia's contribution to formation and development of Ancient Roman jurisdiction. Much attention is paid to the extra-legal criteria conditioning the specificity of jurisdiction during the mentioned historical period. The empirical material of the article is represented by quotes from the historical, philosophical and legal monuments confirming theoretical arguments of the author.

Butina A. V. The role of intelligentsia in social movements in the countries of Latin America in the middle — the second half of the 20th century

Key notions: intelligentsia, Latin America, civil society, civil self-organization, social movements, method of theoretical history, mobilization of resources.

The article shows the experience of participation of intelligentsia in the development of social movements in the countries of Latin America in the middle - the second half of the 20th century. On the basis of the particular cases of cooperation analysis the objective conditions and characteristics of development of interaction attending its success are revealed. The article studies the influence of the intelligentsia on the following aspects of civil movements formation: the formation of identity, and the dynamics of the participants' aims; methods of action, forms and ways of the goals achievement; mobilization of resources and development of the movements' organizational potential.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2014 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

К ЮБИЛЕЮ В. С. МЕМЕТОВА

«За эти годы сложилось несколько поколений интеллигентоведов...» (Интервью <i>Е. М. Раскатовой</i> с <i>В. С. Меметовым</i>)	1
<i>Будник Г. А.</i> Пространство творчества (К 20-летию Проблемного Совета «Интеллигенция. Культура. Власть» и Межвузовского центра РФ «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества»)	1
Межвузовские научные центры в интеллектуальном и образовательном пространстве постсоветской России (Материалы круглого стола)	1
<i>Меметов В. С., Комиссаров В. В.</i> Советская интеллигенция в советской историографии: еще раз о проблеме дефиниций	1
<i>Солодовниченко Л. Я., Шмельфениг О. В.</i> Комплексный феномен школы интеллигентоведения профессора В. С. Меметова	1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Борзова И. С.</i> Портрет современного белорусского оппозиционного интеллектуала	4
<i>Величко С. А.</i> Интеллигенция Сибири и выборы народных депутатов СССР 1989 г. (25-летию событий посвящается)	1
<i>Ермушин М. В.</i> Формирование системы оплаты труда инженерно-технической интеллигенции в первой половине 20-х гг. XX века	3
<i>Золотарёв О. В.</i> Явление креативного класса в России	3
<i>Зотова А. В.</i> Материальное стимулирование советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны	3
<i>Зубарева А. А.</i> «Конгрессы» украинцев как форма участия интеллигенции в общественно-политической жизни страны	4

<i>Каранов Д. П.</i> Роль интеллигенции в этнокультурном развитии ингерманландских финнов и особенности ее формирования	3
<i>Квакин А. В.</i> Интеллигенция и духовный кризис в России после 1917 года	2
<i>Комиссаров В. В.</i> Дискуссии в среде интеллигенции о социальных функциях научной фантастики	2
<i>Комиссаров В. В.</i> Советская интеллигенция 1960—80-х гг. и вызовы постиндустриализма	4
<i>Кузьмина В. М.</i> О роли интеллигенции в индустриальной модернизации в СССР	2
<i>Лапшина И. К., Ионова Е. Н.</i> Латиноамериканская интеллигенция в Конгрессе США: эволюция политического участия (1980—90-е годы)	1
<i>Пестерев Е. В., Кондраиёва М. И.</i> Выдвиженчество как проблема в работе Уральских органов юстиции в 20-е годы XX века	1
<i>Петровичева Е. М.</i> Земская интеллигенция в период Первой мировой войны (На материалах центральных губерний России)	2
<i>Соловьёв А. А.</i> Земская интеллигенция Верхнего Поволжья в деле создания общественных публичных библиотек во второй половине XIX — начале XX века	1
<i>Усманов С. М.</i> Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения	4

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Юдин К. А.</i> Репрессивная политика сталинского режима в отношении научно-педагогической интеллигенции в 1930-е гг.: методы и практика	4
--	---

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Васильев Н. Н.</i> Трансформация мировоззренческих ориентиров научно-технической интеллигенции на рубеже веков	1
<i>Руди А. Ш.</i> Роль научной интеллигенции в теоретическом моделировании мира	4
<i>Усманов С. М., Черноёров В. Л.</i> «Ивановские колхозники» в постсоветском интеллектуальном пространстве	4

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Волков В. С.* Приближение к универсальности: методологические искания профессора В. С. Меметова 3
- Гордеев П. Н.* С. Л. Бертенсон в 1917 году: политический выбор интеллигента-чиновника 2
- Кочешков Г. Н.* Интеллигенция и историческая наука в конце XIX — начале XX в.: Н. А. Рожков 3
- Курасов С. А.* Случай на лекции: столкновение в повседневности «старой» интеллигенции и «нового» студенчества в первые годы советской власти 3
- Околотин В. С.* Реализация налоговой политики и специфика политических репрессий в воспоминаниях Н. М. Сиганова 2
- Сайтанов С. В.* Общественно-политический выбор русского интеллигента: П. А. Кропоткин и анархистское движение 2
- Стрелец М. В.* Ханс Альбрехт Бете: страницы биографии 3

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Ершова Э. Б.* Современные исследования о российской интеллигенции XX — начала XXI века 2

ДИСКУССИЯ

- Баженов А. М., Мартынова Т. М.* Российская интеллигенция и политический режим 4
- Трофимов Е. А.* Интеллигенция в политическом пространстве современной России: кратологический очерк 4

ДЕБЮТ

- Бутина А. В.* Роль интеллигенции в общественных движениях в странах Латинской Америки в середине — второй половине XX века 4
- Зверев К. А.* Русскоязычная интеллигенция и формирование национальной политики Эстонской республики в 1992—2007 гг. 2
- Назаров И. Д.* Роль и значение интеллигенции при отправлении правосудия в Древнем Риме 4
- Симонов А. В.* Империя и колониализм в полемике британских интеллектуалов во второй половине XIX — начале XX века 2

- Стребкова Н. В.* Правила приема в вузы как инструмент политики по изменению социальной структуры студенчества в 1920-е гг. (На материалах г. Саратова) 4
- Цумарева Е. П.* Интеллигенция о национальном вопросе в Российской империи в начале XX в. (По материалам прессы) 2

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Возилев В. В.* Проблема интеллигенции на страницах рукописных журналов начала XX века 2
- Кузеванов В. С.* Архитектурный проект как источник для изучения социальной истории и культуры интеллигенции России в 1930—50-е гг. 2
- Репников А. В.* Дневник Д. В. Скрынченко: размышления на чужбине 3
- Софронова Л. В., Хазина А. В.* Ренессансный ученый в интеллектуальных и социальных практиках (По переписке Джона Колета и Эразма 1512—1513 гг.) 3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Красильников С. А.* Региональные научно-исследовательские центры в современном интеллектуальном и образовательном пространстве РФ 2

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Коваленко С. В., Ермолаева Л. К.* Философско-методологические основы деятельности преподавателя в коррекции историко-политического мировоззрения учащихся 3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Полозова К. А., Федотов А. А.* Роль интеллигенции в проведении антицерковных репрессий в 1958—1964 гг. 1

ТВОРЧЕСТВО УЧЕНЫХ

- Усманов С. М.* «Спасайте русский интеллект» 3
- Порозов В. А.* Год жизни — 1992. Избранные стихотворения 3

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2014 № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин, Т. Б. Земскова*

Дата выхода в свет 24.11.2014 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 8,42. Тираж 100 экз.
Заказ № 240. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

